

ЛЮБОВЬ НИКОГДА НЕ УМИРАЕТ

ЛАДЫШЕ

ЛОРЕН КЕЙТ

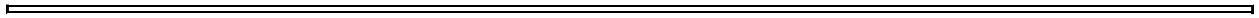
Annotation

Загадочная смерть близкого друга почти разрушила Люс. От горя девушка становится неуправляемой и оказывается в исправительной школе для таких, как она. А потом Люс влюбляется! И хотя Дэниел старательно избегает ее, советуя держаться от него подальше, с каждым днем в Люс крепнет уверенность, что они когда-то уже встречались... Во что бы то ни стало Люс должна выяснить, какой секрет Дэниел хранит в своем сердце...

- [Лорен Кейт](#)
  -
  -
  - [В начале](#)
  - [Глава 1. Совершенно чужие](#)
  - [Глава 2. Сорвавшаяся с цепи](#)
  - [Глава 3. Надвигающаяся тьма](#)
  - [Глава 4. Кладбищенские работы](#)
  - [Глава 5. Внутренний круг](#)
  - [Глава 6. Никакого избавления](#)
  - [Глава 7. Пролитый свет](#)
  - [Глава 8. Прыжок в глубину](#)
  - [Глава 9. Состояние невинности](#)
  - [Глава 10. Дыма без огня не бывает](#)
  - [Глава 11. Грубое пробуждение](#)
  - [Глава 12. В прах](#)
  - [Глава 13. Тронутая до глубины души](#)
  - [Глава 14. Праздные руки](#)
  - [Глава 15. Логово льва](#)
  - [Глава 16. Зависнув в равновесии](#)
  - [Глава 17. Открытая книга](#)
  - [Глава 18. Погребенная война](#)
  - [Глава 19. С глаз долой](#)
  - [Глава 20. Рассвет](#)
  - [Эпилог. Два великих светила](#)
  - [Благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

Лорен Кейт Падшие

Lauren Kate

Fallen

Печатается с разрешения литературных агентств Upstart Crow Literary Group, Inc и The Van Lear Agency LLC

© 2009 by Tinderbox Books, LLC and Lauren Kate

© И. Смирнова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Но рай заперт... Мы должны обогнуть мир и
посмотреть, нет ли лазейки где-нибудь сзади.*

Генрих фон Клейст, «О театре марионеток»

В начале

*Хельстон, Англия
Сентябрь 1854 года*

Примерно к полуночи ее глаза наконец-то стали такими, как он хотел. Взгляд их был кошачьим, решительным, осторожным и полным тревоги. Да, глаза получились именно такими, как было задумано. Взлетающими к тонким изящным бровям. Тяжелая волна темных волос обрамляла высокий лоб.

Он отодвинул листок на расстояние вытянутой руки. Работать, не видя ее перед собой, было трудно, но он не смог бы рисовать в ее присутствии. С тех пор, как он прибыл из Лондона... Нет, с тех пор, как впервые ее увидел, приходилось постоянно быть настороже, соблюдать дистанцию.

С каждым днем она все больше приближалась к нему, и каждый день был труднее предыдущего. Вот почему утром он уедет в Индию или в одну из Америк. Куда именно, он не знал и знать не хотел. Где бы он в итоге ни оказался, там будет проще, чем здесь.

Он вновь склонился над рисунком и со вздохом поправил большим пальцем смазанный изгиб полной нижней губы. Мертвая бумага, безжалостная самозванка, оказалась единственной, кто поможет увезти ее с собой.

Выпрямившись в кресле, он ощутил тепло, разливающееся чуть ниже затылка. *Это она.*

Он ощущал ее близость, словно облако жара от горящего бревна, рассыпающегося искрами. Даже не оборачиваясь, он знал: она здесь. Он захлопнул альбом, скрывая изображение, но сбежать от нее самой не мог.

Его взгляд упал на стоявший напротив диван с обивкой цвета слоновой кости. Она в розовом шелковом платье сидела на нем всего несколько часов назад, появившись неожиданно, позже, чем все остальные, аплодируя прелестной пьесе для клавесина, которую исполняла старшая дочь хозяев дома. Он посмотрел в окно, выходившее на веранду, где накануне она подкралась к нему с букетом диких белых пионов в руке. Она все еще думала, что влечение, которое испытывает к нему, невинно, а частые встречи в беседке – всего лишь счастливое совпадение. Какая наивность! Но он никогда не откроет ей глаза. Бремя этой тайны нести ему одному.

Он встал и обернулся, оставив альбом в кресле. Ее фигура в

простеньком белом пеньюаре отчетливо проступала на фоне алой бархатной портьеры. Черные волосы выбились из прически. Выражение лица было в точности таким, какое он столько раз рисовал. На щеках разгорался жаркий румянец. Она рассержена? Смущена? Он мечтал узнать, но не смел спросить.

– Что вы здесь делаете?

Он услышал раздражение в собственном голосе и пожалел об этом, ведь она не поймет, отчего он так резок с ней.

– Я... не могла заснуть, – запинаясь, сказала она, подходя ближе к огню. – Увидела свет в вашей комнате, а потом... – Она помедлила, рассматривая свои руки. – Ваш сундук за дверью. Вы уезжаете?

– Я как раз собирался вам сказать...

Лгать не имело смысла. А правды он ей не откроет. Ведь это все осложнит. Он и так позволил ей зайти слишком далеко, надеясь, что на этот раз все будет иначе.

Она шагнула ближе, устремив взгляд в раскрывшийся альбом.

– Вы рисовали меня?

Изумление в ее голосе напомнило ему, как глубока пропасть между ними. Они провели вместе несколько недель, но она все еще не замечала истинной природы их взаимного притяжения.

И это хорошо. Или, по крайней мере, к лучшему. В последние дни, решившись уехать, он старался отдалиться от нее. Эти усилия отбирали столько сил, что стоило остаться в одиночестве, как он уступал неистовому желанию рисовать ее. Он заполнил целый альбом изгибами ее шеи, мраморными ключицами, копной черных волос.

Он смотрел на набросок, ничуть не смущенный тем, что его застали за рисованием ее портрета. Он содрогнулся, понимая, что, если она узнает о его чувствах, это погубит ее. Нужно быть осторожнее. *Это* всегда начиналось именно так.

– Теплое молоко с ложкой патоки, – пробормотал он, по-прежнему стоя к ней спиной, и грустно добавил: – Это поможет вам уснуть.

– Как странно! Именно к этому средству обычно прибегала моя мать...

– Я знаю, – ответил он, оборачиваясь.

Он знал, что она удивится, хотя и не смог бы ничего объяснить, поведать о том, сколько раз предлагал ей подобное питье, когда являлись тени, и он держал ее в объятиях до тех пор, пока она не засыпала.

Ее прикосновение словно проглоло его рубашку. Ладонь мягко легла

ему на плечо. У него перехватило дыхание. В этой жизни они еще ни разу не дотрагивались друг до друга, а первое прикосновение всегда действовало на него именно так.

– Скажите же мне, – прошептала она, – вы уезжаете?

– Да.

– Возьмите меня с собой! – выпалила она.

И тут же задохнулась, мгновенно пожалев, что не сможет забрать свою просьбу обратно. Он видел, как меняются ее чувства: пылкость, смущение и, наконец, стыд за собственную дерзость. С ней всегда бывало так, и слишком много раз он уже совершал одну и ту же ошибку, утешая ее в этот самый миг.

– Нет, – шепнул он. – Я отплываю завтра. И если я вам небезразличен, вы не произнесете больше ни слова.

– Если вы мне небезразличны, – эхом отозвалась она. – Я... я люблю.

– Остановитесь.

– Но я должна сказать! Я люблю вас и уверена в этом. Вы должны верить мне! И если вы уедете...

– Если я уеду, этим спасу вам жизнь, – медленно проговорил он, желая пробудить ее память. Но возможно ли это? – Существуют вещи важнее любви. Вы не поймете, однако вам придется поверить мне.

Впившись в него взглядом, она отступила на шаг и скрестила на груди руки. И это тоже его вина. Разговаривая снисходительно, он всегда пробуждал в ней высокомерие.

– Вы хотите сказать, что существует нечто важнее любви? – Она взяла его за руки и приблизила их к своему сердцу.

О, как бы ему хотелось оказаться на ее месте, не ведая о том, что надвигается! Или хотя бы стать сильнее, остановить ее. Если он ей не помешает, она так никогда и не узнает, а прошлое повторится, терзая их снова и снова.

Знакомое тепло ее кожи заставило его запрокинуть голову и застонать. Он боролся с собой, пытался не вспоминать вкус ее губ. Не думать, насколько ему горько оттого, что всему этому суждено закончиться. Она поглаживала его руки. Сквозь тонкую хлопковую ткань он чувствовал, как бьется ее сердце.

Она права. Нет ничего важнее любви. И никогда не было. Он почти сдался, готовый уступить и заключить ее в объятия, когда заметил выражение ее глаз. Словно она увидела призрака.

Она отстранилась и, прижав ладонь ко лбу, прошептала:

– У меня какое-то странное ощущение. Нет! Неужели слишком поздно?

Ее глаза сузились так же, как на его рисунке, она вновь прильнула к нему, положив ладони ему на грудь, приоткрыв в ожидании губы.

– Можете считать меня безумной, но готова поклясться, что уже бывала здесь раньше.

Значит, и впрямь слишком поздно. Он открыл глаза и, содрогнувшись, ощутил, как надвигается тьма. Он ухватился за последнюю возможность обнять ее, прижать к себе так сильно, как мечтал неделями.

Едва их губы слились, как оба оказались беспомощны. От привкуса жимолости в ее дыхании у него кружилась голова. Чем теснее она приникала к нему, тем сильнее все у него внутри сжималось от мучительного трепета. Она скользила по его языку своим, пламя между ними разгоралось ярче, жарче, сильнее с каждым новым касанием, каждым новым открытием. Хотя ни одно из них не было новым.

Стены комнаты задрожали. Воздух вокруг засиял. Она ни на что не обращала внимания, ничего не замечала, кроме поцелуя.

Только он один знал, что вот-вот произойдет. Знал, что темные призраки в любую секунду обрушатся на них. Он снова не сумел изменить течение их жизни, но знал.

Тени кружились прямо у них над головами. Так близко, что он мог бы их коснуться. Так близко, что он гадал, слышит ли она их шепот. Он видел, как омрачилось ее лицо. На миг различил искру узнавания, вспыхнувшую в ее глазах.

Затем все исчезло. Не стало ничего. Совсем.

Глава 1. Совершенно чужие

Люс влетела в холл школы «Меч и Крест», освещенный лампами дневного света, на десять минут позже, чем следовало. Краснолицый бритоголовый накачанный воспитатель, зажав планшет под могучим бицепсом, уже вовсю вещал. Это означало, что она опоздала.

– Запомните три «К» – койки, камеры, колеса! – рявкнул воспитатель, обращаясь к трем ученикам, стоявшим спиной к Люс. – Не забывайте о главном, и никто не пострадает!

Она поспешно подошла к ним и встала сзади, одновременно пытаясь сообразить, правильно ли заполнила гигантскую стопку бумаг, мужчина или женщина этот воспитатель, поможет ли ей кто-нибудь тащить дальше огромную спортивную сумку и не избавятся ли родители от ее любимого «плимута фьюри», как только вернутся домой. Они все лето грозились его продать, а теперь у них появился весомый аргумент, с которым Люс вряд ли могла поспорить: в новой школе ученикам запрещено иметь машину. В ее новой *исправительной* школе.

Она все еще пыталась привыкнуть к этому.

– Не могли бы вы, э-э-э... Не могли бы вы повторить, что это за «колеса»?

– Вы только посмотрите, кого к нам ветром занесло, – громко объявил воспитатель и продолжил, медленно и отчетливо выговаривая слова: – *Колеса*. Если ты из тех, кому требуются таблетки, чтобы оставаться под кайфом или в своем уме, дышать и тому подобное, – добро пожаловать в лазарет.

«*Это женщина*», – решила Люс, внимательно разглядывая воспитателя. Ни один мужчина не смог бы произнести это так слащаво и язвительно.

– Ясно, – кивнула она, а ее желудок подскочил к горлу.

Она уже много лет не принимала никаких лекарств. Однако после летнего происшествия доктор Сэнфорд, врач в Хопкинтоне, а именно по его рекомендации родители отправили ее в школу-интернат в Нью-Гэмпшире, всерьез задумался, не стоит ли снова начать лечение таблетками. Люс удалось убедить его, что с ней все в порядке, но все равно пришлось целый месяц ходить к нему на сеансы психоанализа, чтобы впредь обходиться без этих ужасных нейролептиков.

Вот почему она появилась в старшем классе школы «Меч и Крест» спустя целый месяц после начала учебного года. Быть новенькой и так непросто, а Люс изнывала от беспокойства из-за того, что придется вливаться в класс, где все уже успели перезнакомиться и привыкнуть к новому месту. Но, судя по всему, она на сегодня не единственный новичок.

Девушка покосилась на учеников, стоявших рядом с ней. В прежней школе во время обзорной экскурсии по территории она познакомилась с Келли, своей будущей лучшей подругой. Остальные были знакомы друг с другом чуть не с пеленок. А им хватило и того, что они оказались единственными, кому не светило получить крупное наследство. Более того, вскоре выяснилось, что Келли и Люс страстно увлекаются старыми фильмами, особенно с участием Альберта Финни. В первый же раз, собравшись посмотреть «Двое в пути», они обнаружили, что ни одна из них не способна приготовить попкорн так, чтобы не сработала пожарная сигнализация. С тех пор они стали неразлучны. Правда, пока все-таки не пришлось разлучиться.

Сейчас рядом с Люс стояли два юноши и девушка, с которой все было ясно с первого взгляда – хорошенькая блондинка, словно с рекламного ролика косметики, с бледно-розовыми ухоженными ноготками в тон пластиковому ободку для волос.

– Я Габби, – растягивая слова, сообщила она, сверкнув широкой улыбкой, исчезнувшей с ее лица так же быстро, как она и появилась. Раньше, чем Люс успела назвать свое имя.

Такое поведение больше напоминало южную версию девочек из Довера, чем то, что она ожидала встретить в «Мече и Кресте». Люс не знала, успокаивает ее это или нет, и не могла вообразить, как такая девушка, как Габби, умудрилась оказаться в исправительной школе.

Справа от Люс стоял паренек с короткими каштановыми волосами, карими глазами и россыпью редких веснушек на носу. То, как он избегал даже ее взгляда, упорно теребя заусенец на большом пальце, создавало впечатление, будто он, подобно ей самой, до сих пор ошеломлен и смущен тем, что оказался здесь.

Зато второй, тот, что слева, даже несколько излишне соответствовал представлению Люс об этом месте. Высокий и худощавый, с диджейской сумкой на плече, взъерошенными черными волосами, большими, глубоко посаженными зелеными глазами и полными губами естественного розового цвета, за который большинство девушек пошли бы на убийство. На светлой коже у основания шеи едва ли не пылала черная татуировка в форме лучистого солнца, восходящего из-за ворота черной же футболки.

В отличие от остальных двоих, он, обернувшись и встретившись с ней взглядом, не отвел глаза. Рот был твердо сжат до прямой черточки, зато глаза оставались теплыми и живыми. Он уставился на нее, стоя неподвижно, будто статуя, отчего Люс словно примерзла к месту, глубоко вздохнув. Этот взгляд показался ей напряженным, притягательным и, что уж греха таить, слегка обезоруживающим.

Шумно прочистив горло, воспитательница прервала затянувшееся молчание.

Люс залилась румянцем и притворилась, что всецело поглощена внезапно зачесавшейся головой.

– Те из вас, кто уже вошел в курс дела, могут быть свободны, только пусть выгрузят все лишнее, – сообщила она, кивнув на большую картонную коробку под табличкой, на которой крупными черными буквами значилось: «Запрещенные предметы». – А говоря «свободны», Тодд, – она положила ладонь на плечо веснушчатого паренька так, что тот подпрыгнул, – я имею в виду то, что по правилам школы вы обязаны встретиться с предписанными провожатыми из числа учащихся. А ты, – она указала на Люс, – выгрузишь все лишнее и останешься здесь.

Ученики собрались вокруг коробки. Люс озадаченно наблюдала, как они выворачивают карманы.

Габби вытащила трехдюймовый швейцарский армейский нож. Розовый.

Зеленоглазый нехотя выложил баллончик с краской и нож для разрезания бумаги.

Даже у злополучного Тодда нашлись несколько книжечек картонных спичек и небольшая емкость с горючей жидкостью.

Люс чувствовала себя неловко оттого, что не припрятала что-нибудь запретное, однако изумленно задохнулась, увидев, как ребята, порывшись в карманах, швыряют в коробку сотовые телефоны.

Подавшись вперед, чтобы ближе рассмотреть табличку «Запрещенные предметы», она убедилась, что мобильники, пейджеры и прочие двусторонние радиоустройства правилами не допускаются. Ей и так уже не позволили оставить машину! Люс вспотевшей ладонью сжала в кармане сотовый – единственную связь с внешним миром. Когда воспитательница увидела выражение ее лица, она схлопотала несколько торопливых пощечин.

– Не падай при мне в обморок, детка, я недостаточно зарабатываю, чтобы еще и приводить кого-то в чувство. Кроме того, тебе полагается один

телефонный звонок в неделю из главного вестибюля.

Один звонок в неделю? Но...

Она бросила прощальный взгляд на свой сотовый и заметила два новых сообщения. Казалось невозможным, что они станут последними. Первое прислала Келли.

«Перезвони немедленно! Буду ждать у телефона всю ночь, так что готовься хитрить. И помни мантру, что я тебе прописала. Ты выживешь! Кстати, хотя и не ручаюсь, но я думаю, что все уже совершенно забыли о...»

Келли, как обычно, распинаясь так долго, что мобильник оборвал сообщение на четвертой строке. Люс даже ощутила нечто похожее на облегчение. Не хотелось читать, как в прежней школе все забыли о том, что с ней случилось, и о том, что она сотворила в том месте даже с самой землей.

Она вздохнула и принялась читать следующую эсэмэску. От мамы, которая лишь недавно научилась отправлять текстовые сообщения и наверняка ничего не знает насчет звонков раз в неделю, иначе никогда бы не оставила здесь дочь. Ведь правда?

«Малыш, мы думаем о тебе. Веди себя хорошо, ешь больше белка. Поговорим, когда сможем. Любим тебя, мама и папа».

Люс вздохнула и подумала, что родители *не могли* не знать. А как еще объяснить их унылые лица, когда она утром помахала им, стоя у школьных ворот, сжимая в руке спортивную сумку? За завтраком она еще пыталась шутить о том, как наконец избавится от жуткого новоанглийского акцента, который подцепила в Довере, но мама с папой даже не улыбнулись. Она-то думала, что они все еще сердятся. Они никогда не повышали голос, и Люс твердо знала: если когда-нибудь совершит действительно серьезный промах, они будут говорить с ней так же спокойно. Теперь она поняла, почему родители так странно вели себя сегодня утром. Просто сокрушались о том, что лишены любой связи с дочерью.

– Мы тут ждем кое-кого, – пропела воспитательница. – Ума не приложу, кто бы это мог быть.

Внимание Люс резко вернулось к коробке для запрещенных предметов, уже переполненной контрабандой. Некоторые предметы она даже не смогла опознать. Она кожей ощущала на себе пристальный взгляд темноволосого парня. А подняв глаза, отметила, что на нее смотрят все. Ясно, ее очередь. Она зажмурилась и медленно разжала пальцы. Телефон выскользнул из ладони и, уныло клацнув, упал на вершину кучи разнообразных предметов. Этот звук символизировал абсолютное

одинокчество.

Тодд и Габби направились к двери, даже не взглянув на Люс, а второй юноша повернулся к воспитательнице.

– Я могу показать ей тут все, – вызвался он, кивая на Люс.

– Это не предусмотрено нашим уговором, – воспитательница ответила быстро, будто ждала этих слов. – Ты вновь *новичок*. И это означает, что на тебя опять распространяются ограничения для новичков. Ты вернулся на старт. А если тебе не нравится, стоило, наверное, подумать, прежде чем нарушать условия досрочного освобождения.

Юноша бесстрастно замер. Тем временем воспитательница потащила Люс, напрягшуюся на словах «досрочное освобождение», к стене.

– Шевелись, – торопила она. – Койки!

И ткнула пальцем в окно, выходящее на запад, указывая на стоящее вдалеке здание из бетонных блоков. Люс увидела Габби и Тодда, бредущих к нему, и еще одного парня, нарочито замедлявшего шаг, будто нагнать их значилось последним пунктом в его списке дел.

Спальный корпус оказался огромным прямоугольным зданием, мощной серой глыбой. Глядя на тяжелые двойные двери, трудно было представить, что за ними существует какая-то жизнь. Посреди газона высилась большая каменная стела, на которой была выбита надпись «Общежитие “Паулина”». Собственно, Люс читала об этом на сайте школы. В подернутом дымкой утреннем свете здание выглядело еще уродливее, чем на унылой черно-белой фотографии.

Даже отсюда виднелась черная плесень, затянувшая весь фасад. Окна были перегорожены рядами толстых стальных прутьев. А это что?! Люс сощурилась. Колючая проволока поверх ограды вокруг здания?

Воспитательница заглянула в документы на планшете, перелистывая дело Люс.

– Комната номер шестьдесят три. Вещи пока брось в моем кабинете к остальным. Вечером разберешь.

Люс подтащила красную спортивную сумку к трем ничем не примечательным черным чемоданам. Машинально потянулась за мобильником, куда обычно записывала все, что нужно запомнить. Но когда рука нашарила лишь пустоту в кармане, она вздохнула и доверила номер комнаты собственной памяти.

Она по-прежнему не понимала, почему нельзя просто остаться с родителями. От их дома в Тандерболте до «Меча и Креста» меньше получаса езды. Как было бы прекрасно вернуться в Саванну, где, как любила говорить мама, даже ветер дует лениво. Медленный, спокойный

ритм Джорджии подходит ей куда лучше, чем суeta Новой Англии.

Школа «Меч и Крест» совсем не похожа на Саванну. Безжизненное, бесцветное место, куда ее отправили по решению суда. На днях она подслушала, как папа говорил по телефону с директором, кивая, словно рассеянный профессор: «Да-да, возможно, лучше всего будет, если за ней смогут постоянно присматривать. Нет-нет, мы вовсе не хотим вмешиваться в вашу работу».

Отец явно не понял, в каких условиях будут «присматривать» за его дочерью. Школа «Меч и Крест» больше всего походила на тюрьму строгого режима.

– А что вы говорили насчет камер? – спросила Люс воспитательницу, торопясь покончить с обзорной экскурсией.

– Камеры. – Та указала на небольшое устройство с мигающим красным огоньком, свисающее с потолка.

До сих пор Люс их не замечала, но стоило воспитательнице показать, как поняла, что камеры здесь повсюду.

– Видеонаблюдение?

– Именно так, – со снисходительным одобрением кивнула воспитательница. – Мы разместили их на виду, чтобы вы о них не забывали. Мы следим за вами везде и всюду. А потому лучше не делать глупостей. Если это, конечно, в ваших силах.

С каждым разом, когда кто-нибудь заговаривал с ней словно с полнейшей психопаткой, Люс все больше и больше укреплялась во мнении, что так оно и есть.

Все лето ее терзали воспоминания. И во сне, и в редкие минуты, когда родители оставляли ее одну. В той хижине явно *что-то* произошло, и все, включая Люс, хотели только одного: выяснить, что именно. Полиция, судья, социальный работник – все пытались вытрясти из нее правду, но Люс знала не больше, чем они.

В тот вечер они с Тревором, шутя и подначивая друг друга, спустились к пляжным домикам у озера, подальше от остальной компании. Она попыталась объяснить, что это одна из лучших ночей в ее жизни, пока та не превратилась в самую худшую.

Сколько раз Люс снова и снова мысленно возвращалась в ту ночь, слышала смех Тревоpa, ощущала прикосновение его рук и пыталась убедить себя, что ни в чем не виновата.

А теперь каждое правило и предписание в «Мече и Кресте» словно

утверждало, будто она действительно представляет угрозу для других и нуждается в надзоре.

На ее плечо легла крепкая ладонь. Воспитательница.

– Слушай, если тебя это утешит, ты тут далеко не худший случай.

Первый человеческий поступок. Люс не сомневалась, что он, по идее, должен ее приободрить. Но ее отправили сюда из-за парня, погибшего при невыясненных, подозрительных обстоятельствах. А ведь она с ума по нему сходила. И *тем не менее, поди ж ты*, она «далеко не худший случай». Люс задумалась, с чем же еще им приходится иметь дело в «Мече и Кресте».

– Ладно, с ознакомлением покончено, – заключила воспитательница. – Дальше давай сама. Вот карта, если тебе понадобится еще что-нибудь найти.

И вручила девушке ксерокопию грубого, нарисованного от руки плана, при этом глянув на часы.

– У тебя еще час до первого занятия, а моя мыльная опера начинается в пять, так что, – она махнула рукой в сторону Люс, – исчезни. И не забудь, – она последний раз показала на устройства под потолком, – камеры следят за тобой.

Прежде чем Люс успела ответить, объявилась тощая темноволосая девчонка и погрозила ей длинным пальцем.

– О-о-ой, – поддразнила та голосом, каким обычно рассказывают страшилки, пританцовывая вокруг Люс. – Камеры следят за тобо-ой.

– Убирайся отсюда, Арриана, пока я не устроила тебе лоботомию, – одернула воспитательница, хотя по краткой, но искренней улыбке стало понятно, что она по-своему привязана к безумной девице.

Столь же ясно, что Арриана не отвечала взаимностью. Продемонстрировав в ответ непристойный жест, она уставилась на Люс, явно намереваясь зацепить и ее.

– А вот этим, – воспитательница яростно черкнула что-то у себя в бумагах, – ты заработала себе поручение. Покажешь тут все маленькой мисс Солнышко.

Она кивнула на Люс, которая в черных ботинках, черных джинсах и черном свитере выглядела отнюдь не солнечно. В разделе «Форма одежды» интернет-страничка «Меча и Креста» жизнерадостно сообщала о том, что, пока учащиеся отличаются хорошим поведением, они могут одеваться, как им вздумается, лишь с двумя небольшими оговорками: стиль должен быть сдержанным, а цвет – черным. Те еще вольности.

Водолазка, которую утром мама заставила Люс надеть, была немного

ей велика и не красила фигуру. К тому же главное ее украшение – густые черные волосы, ниспадавшие до самой талии, теперь были почти полностью обрезаны. Пожар в хижине подпалил ей прическу, оставив проплешины, и после долгой поездки в гробовом молчании домой из Довера мама усадила Люс в ванну, достала папину электробритву и, не произнеся ни слова, обрила ей голову. За лето волосы слегка отросли – как раз настолько, чтобы некогда великолепные локоны теперь спадали нескладными завитками чуть ниже ушей.

Арриана смерила ее взглядом, постукивая пальцем по бледным губам.

– Превосходно, – заключила она, шагнув вперед, чтобы взять Люс под руку. – Я как раз подумывала, что мне пригодился бы новый раб.

Дверь в вестибюль распахнулась настежь, вошел высокий зеленоглазый парень.

– Здесь, – обратился он к Люс, покачав головой, – не боятся обысков с раздеванием догола. Так что, если ты припрятала что-нибудь «лишнее», – он вскинул бровь и высыпал в коробку полную горсть неопознанных предметов, – лучше избавь себя от хлопот.

Арриана чуть слышно рассмеялась. Парень вскинулся и, заметив ее присутствие, открыл рот, но тут же закрыл, словно не был уверен, как начать.

– Арриана, – ровным тоном произнес он.

– Кэм, – отозвалась она.

– Ты его знаешь? – шепотом спросила Люс, гадая, бывают ли в исправительных школах компании того же рода, что и в подготовительных вроде доверской.

– И не напоминай, – отмахнулась Арриана, вытаскивая Люс за дверь, в тусклое сырое утро.

Задний фасад главного здания выходил на разбитую дорожку, огибающую грязное футбольное поле. Трава на нем разрослась так, что оно больше походило на заброшенный земельный участок, но выцветшее табло и деревянные трибуны напоминали о его изначальном предназначении.

За полем стояли четыре строгих здания: слева общежитие из шлакоблоков, справа огромная старая уродливая церковь, а между ними два здоровенных строения, в которых Люс угадала учебные корпуса.

Вот и все. Весь мир сузился до жалкого зрелища, открывшегося ее глазам.

Арриана незамедлительно свернула с дорожки и потащила Люс в поле, на верхнюю скамейку мокрых деревянных трибун.

Соответствующее сооружение в Довере буквально кричало «будущие спортсмены из “Лиги плюща”»^[1], поэтому Люс всегда избегала там задерживаться. Но это пустое поле с проржавевшими погнутыми воротами свидетельствовало о другом. О чем именно, разгадать оказалось далеко не так просто. Три грифа-индейки кружили в вышине, унылый ветер качал голые ветви дубов. Люс зарылась подбородком в ворот водолазки.

– Ита-ак, – протянула Арриана. – Теперь ты познакомилась с Рэнди.

– Я думала, его зовут Кэм.

– Не о нем речь. Я имела в виду того. – Она резко мотнула головой в сторону кабинета, где осталась воспитательница, уткнувшись в телевизор. – Ты-то как думаешь – мужчина или женщина?

– Э, женщина? – осторожно предположила Люс. – Это что, проверка?

Арриана ухмыльнулась.

– Первая из многих. Ты прошла. По крайней мере, я так думаю. Пол большинства здешних преподавателей – предмет постоянных споров. Не беспокойся, ты скоро привыкнешь.

Люс решила, что Арриана шутит, впрочем, шутит классно. Но все это так отличалось от Довера. В прежней школе напомаженные будущие сенаторы в зеленых галстучках буквально просачивались сквозь коридоры, храня высокомерное молчание, и казалось, все кругом просто усыпано деньгами.

Обычно ученики доверской школы кидали на Люс косые взгляды, словно предупреждая: «Не вздумай испачкать наши белые стены отпечатками своих пальцев». Она попыталась представить там Арриану, бездельничающую на трибунах, громко отпускающую грубые шутки. Попробовала угадать, что могла бы подумать о ней Келли. В Довере не было никого ей подобного.

– Ладно, выкладывай, – Арриана плюхнулась на верхнюю скамейку, жестом предлагая Люс присоединиться. – Что ты такого натворила, почему загремела сюда?

Тон ее был шутливым, но Люс все-таки села. Нелепо, но она почти надеялась, что хотя бы в первый школьный день прошлое не успеет подкрасться и лишить ее относительного спокойствия. Разумеется, здесь все тоже захотят *знать*.

Кровь стучала в висках. Как и всякий раз, когда Люс мысленно пыталась вернуться в ту ночь. Она так и не избавилась от чувства вины из-за случившегося с Тревором, изо всех сил пыталась не увязнуть в тенях воспоминаний о происшедшем. Нечто темное и неопишемое, о чем она

никогда и никому не сможет рассказать.

Ни за что.

Тогда она как раз начала рассказывать Тревору о странном эффекте присутствия, который ощущала той ночью, об извивающихся тенях, нависших у них над головами и грозивших омрачить чудесный вечер. Разумеется, теперь уже слишком поздно. Тревора больше нет, его тело обожжено до неузнаваемости. А Люс? Виновна?

Никто не знал о темных очертаниях, иногда являвшихся ей во мраке. Впрочем, они возникали постоянно. Появлялись и исчезали настолько давно, что Люс уже не могла бы припомнить, когда увидела их впервые. Но точно помнила, когда впервые осознала, что тени приходят не ко всем.

Только к ней.

Когда Люс исполнилось семь лет, ее семья отдыхала на острове Хилтон-Хед, и родители взяли ее покататься на лодке. Солнце клонилось к закату, тени начали клубиться над водой, и она обратилась к отцу.

– А что ты делаешь, когда они приходят, папа? И почему не боишься чудовищ?

«Чудовищ не бывает», – заверили родители, но Люс продолжала утверждать, что рядом с ними находится нечто темное и дрожащее. Это закончилось визитами к семейному окулисту, покупкой очков, проверками слуха, когда она имела неосторожность описать сиплый свистящий шум, который порой производили тени, а затем и к бесконечными сеансами у психотерапевта. И, наконец, прописанными нейролептиками.

Однако все эти ухищрения так и не прогнали тени.

В возрасте четырнадцати лет Люс отказалась принимать лекарства. Именно тогда для нее нашли доктора Сэнфорда и доверскую школу. Они полетели в Нью-Гэмпшир, и отец поднялся на машине по длинной извилистой подъездной дорожке к особняку на вершине холма, именуемому Тенистые Ложбины. Родители посадили Люс перед мужчиной в белом халате и спросили, по-прежнему ли ее посещают «видения». Ладони родителей взмокли от пота, когда они сжали ее руки, брови нахмурились от опасения, что с дочерью что-то не в порядке. Очень и очень не в порядке.

Никто не подсказал, что, если она не ответит доктору Сэнфорду так, как им всем хочется, ей светит любоваться на Тенистые Ложбины гораздо дольше. Люс солгала, притворилась нормальной, и ей позволили поступить в доверскую подготовительную школу и навещать психотерапевта лишь дважды в месяц.

Ей разрешили больше не принимать отвратительные таблетки, едва она начала притворяться, будто больше не видит тени. Однако она по-прежнему оставалась невластной над тем, когда они появлялись вновь. Ей был известен лишь мысленный список мест, куда они приходили к ней в прошлом: густые леса, темные воды, – и она стала избегать их любой ценой. Она знала только, что при их появлении ее обычно одолевает озноб. Мерзкое, ни на что не похожее ощущение.

Люс уселась верхом на одну из скамеек и сжала виски пальцами. Если она хочет пережить сегодняшний день, придется затолкать свое прошлое на задворки подсознания. Невыносимо даже самой копаться в воспоминаниях о той ночи, поэтому она ни при каких обстоятельствах не смогла бы озвучить ужасные подробности чудной, безумной незнакомке.

Люс воззрилась на Арриану. Та разлеглась на трибуне, щеголяя огромными солнцезащитными очками, закрывающими большую часть лица. С уверенностью утверждать невозможно, но, похоже, она, в свою очередь, уставилась на Люс, поскольку секунду спустя вскочила со скамейки и ухмыльнулась.

– Обрежь мне волосы, как у тебя. Люс задохнулась от удивления.

– Что? Да у тебя прекрасные волосы.

Она не преувеличивала. У Аррианы были длинные густые локоны, которых столь отчаянно не хватало ей самой. Ее буйные черные кудри сверкали на солнце красноватым блеском. Люс заправляла волосы за уши, хотя их длины только и хватало на то, чтобы постоянно выбиваться и падать вперед.

– Прекрасные-шмекрасные, – буркнула Арриана. – А зато у тебя сексапильные, дерзкие. И я хочу такие же.

– О, м-м, ладно, – согласилась Люс.

Это был комплимент? Она недоумевала, чувствовать ли себя польщенной или обеспокоенной, ведь Арриана намекнула, что может получить желаемое, даже если оно принадлежит кому-то другому.

– А где мы возьмем...

– Алле-гоп!

Арриана запустила руку в сумку и достала швейцарский армейский нож розового цвета, который Габби бросила в коробку с запрещенными предметами.

– Ну как? – спросила она, заметив реакцию Люс. – Я всегда даю возможность моим шаловливым ручкам порезвиться в дни прибытия новеньких. Только мысль об этом помогает выдерживать самое гнусное время в здешнем концентрационном... э-э-э... летнем лагере.

– Вы все лето проводите здесь? – Люс вздрогнула.

– Ха! Вопрос, достойный настоящего новичка. Ты, должно быть, еще и на весенние каникулы рассчитываешь. Мы не покидаем эту дыру. Никогда. А теперь режь.

– А как насчет камер? – Люс с ножом в руке оглядывалась по сторонам.

Они могли оказаться и где-нибудь снаружи. Арриана помотала головой.

– Я отказываюсь вести себя как пай-девочка. Ты можешь это сделать или нет?

Люс кивнула.

– И не вздумай заявлять мне, что никогда прежде не стригла волосы.

Она отобрала нож, вытащила из него ножницы и протянула обратно.

– Больше ни слова, пока не сообщишь, как классно я выгляжу.

В родительской ванной мать Люс стянула остатки ее длинных волос в небрежный хвост и обрезала его целиком, несмотря на то, что девушка верила в существование иного, более разумного, способа стрижки волос, но, поскольку всю жизнь этого избегала, отрезанным хвостом познания исчерпывались. Она собрала в ладони локоны Аррианы, стянула их резинкой, которую носила на запястье, решительно взялась за крохотные ножницы и принялась за дело.

Хвост упал к ногам, Арриана вскрикнула, обернулась, подхватила остриженные волосы и вскинула руки к солнцу. Сердце Люс сжалось. Она все еще горевала по собственным волосам и всем прочим потерям, которые те символизировали. Но Арриана лишь скупой улыбнулась и пропустила хвостик сквозь пальцы.

– Потрясающе, – заключила она. – Продолжай.

– Арриана, – прошептала Люс, не успев остановиться. – Твоя шея. Она вся...

– В шрамах? Можешь свободно говорить об этом.

Кожа на шее девушки, от места за левым ухом и до самой ключицы, была неровной, пятнистой и блестящей. Люс тут же вспомнился Тревор – те пугающие картинки. Даже собственные родители избегали ее после того, как их увидели. И сейчас ей непросто было смотреть на Арриану.

Та схватила ее руку и прижала к поврежденной коже, которая оказалась одновременно горячей и холодной, гладкой и грубой.

– Я не боюсь, – подбадривала Арриана. – А ты?

– Нет. – Люс очень хотелось, чтобы новая знакомая убрала руку, чтобы она смогла убрать свою.

В животе все перевернулось, когда она задумалась, какова на ощупь была бы кожа Тревора.

– Люс, ты боишься того, кто ты есть на самом деле?

– Нет.

Должно быть, заметно, что она солгала. Люс зажмурилась. Все, чего она хотела от «Меча и Креста» – шанса начать все сначала, чтобы люди не смотрели на нее так, как сейчас Арриана. Этим утром в воротах школы, когда отец прошептал ей на ухо семейный девиз Прайсов: «Прайсы не сдаются», это казалось возможным, но Люс уже чувствовала себя загнанной в угол и выставленной напоказ. Она отдернула руку.

– Откуда они взялись? – Она опустила глаза – Помнишь, я не стала на тебя давить, когда ты промолчала насчет того, почему сюда попала? – Арриана подняла брови.

Люс кивнула. Арриана показала на ножницы.

– Подправь сзади, ладно? Сделай так, чтобы я выглядела действительно хорошенькой. В общем, как ты.

Даже с точно такой же прической она бы смотрелась лишь как крайне недокормленная версия Люс. Пока девушка пыталась подровнять свою первую в жизни стрижку, Арриана углубилась в подробности жизни в «Мече и Кресте» и указала на здание цвета пожелтевших зубов, второе справа от общежития.

– Вон тот тюремный корпус называется «Августин». Там по средам вечером проводятся все наши так называемые общественные мероприятия. И все занятия.

Выглядело оно так, словно его спроектировал тот же садист, что построил «Паулину». Гнетуще прямоугольное, похожее на крепость, защищенное колючей проволокой и зарешеченными окнами. Неестественного вида серая дымка покрывала стены, словно мох, не позволяя разглядеть, есть ли там кто-нибудь.

– Предупреждаю честно, занятия там ты возненавидишь. Или ты не человек.

– Почему? Что в них такого ужасного? Возможно, Арриана просто не любит школу.

С черным лаком для ногтей, черной подводкой для глаз и черной сумочкой, в которую едва влезает швейцарский нож, она не походила на книжного червя.

– Занятия здесь бездушные. Хуже того, и тебя лишают души. Я бы

сказала, что здесь сохранились примерно три души из восьмидесяти. По крайней мере, еще никому не обещанных...

Прозвучало не слишком обнадеживающе, но Люс зацепила другая часть услышанного.

– Погоди, в этой школе всего восемьдесят ребят? Летом, перед тем как отправиться в Довер, она изучила объемистое руководство для будущих учащихся и постаралась запомнить все, что там написано. Но сведения о «Мече и Кресте» удивили и шокировали ее, дав понять, что она явилась в исправительную школу совершенно неподготовленной.

Арриана кивнула, и Люс случайно отстригла ей прядь волос, которую собиралась оставить. Ой. Остается надеяться, что та не заметит, ну, или в крайнем случае сочтет это дерзким.

– Восемь классов по десятку ребят. Довольно скоро ты познакомишься с тараканами каждого. И наоборот.

– Думаю, ты права. – Люс прикусила губу. Арриана шутила, а Люс задавалась вопросом, стала бы новая знакомая вот так сидеть с хладнокровной усмешкой, если бы знала подробности ее истории. Чем дольше удастся скрывать свое прошлое, тем лучше.

– И предпочтешь держаться подальше от тяжелых случаев.

– Тяжелых случаев?

– Ребят со следящими устройствами в браслетах. Примерно треть учеников.

– И это те, с кем...

– Тебе не захочется иметь дела. Уж поверь мне.

– Ну а что они такого сделали?

Как бы ни хотелось сохранить в тайне собственную историю, ей не нравилось, что Арриана обращается с ней словно с наивной дурочкой. Что бы ни натворили ребята, это не хуже того, что, по общему мнению, совершила она. Или нет? В конце концов, она почти ничего не знает об этих людях и этом месте. Возможности всколыхнули в желудке волну холодного серого страха.

– Ну, сама понимаешь, – протянула Арриана. – Содействовали терактам и сами их готовили. Разрубили на части родителей и зажарили на вертеле.

Она подмигнула Люс.

– Заткнись.

– Я серьезно. На этих психов распространяются куда более жесткие ограничения, чем на остальных. Мы зовем их «кандалными».

Люс фыркнула над драматическим тоном новой знакомой.

– Твоя стрижка закончена, – сообщила она, пальцами расчесав волосы Аррианы, чтобы слегка их распушить.

Смотрелись они действительно классно.

– Чудно, – откликнулась та, оборачиваясь.

И она взъерошила руками новую прическу. Рукава ее черного свитера задрались, и Люс мельком заметила черный браслет, усеянный рядами серебряных заклепок, и еще один на другом запястье, несколько более техногенный. Арриана проследила за ее взглядом и ехидно вскинула брови.

– Я же сказала, полнейшие чертовы психи. Она ухмыльнулась.

– Ну же, идем, проведу тебе остаток экскурсии.

Большого выбора не было. Люс спустилась с трибун вслед за своим гидом, пригнувшись, когда один из грифов пронесся угрожающе низко. Ее спутница, не обратив внимания, указала на заросшую лишайником церковь, крайнее справа школьное здание.

– Вон там вы можете увидеть наш передовой гимнастический зал. – Она пародировала гнусавый тон экскурсовода. – Да-да, на непривычный взгляд он выглядит как церковь. Раньше он ею и был. Мы здесь вроде как угодили в ад подержанной архитектуры. Несколько лет тому назад тут объявился некий помешанный на гимнастике психиатр, разглагольствуя о подростках, чрезмерно напичканных лекарствами и разрушающих общество. Он пожертвовал чертову уйму денег, чтобы они превратили церковь в спортзал. И теперь сильные мира сего полагают, будто мы можем «работать над нашими фрустрациями более естественным и плодотворным образом».

Люс застонала. Она всегда терпеть не могла физкультуру.

– Как я понимаю, тренер Дианте – воплощение зла.

Люс припустила рысцой, чтобы нагнать Арриану, и они осмотрели остаток школьного двора. В Довере он поддерживался в отличном состоянии, ухоженный и усаженный на одинаковом расстоянии друг от друга аккуратно подстриженными деревьями. В «Мече и Кресте» создавалось впечатление, будто двор плюхнули посреди болота да так и оставили. Ветви плакучих ив свисали до земли, стены заросли кудзу^[2], через каждые три шага хлюпало под ногами.

И дело не только в том, как выглядело это место. Каждый влажный вдох Люс завязал в легких. Вдохнув лишь единожды в «Мече и Кресте», она ощущала себя так, будто тонула в зыбучем песке.

– Архитекторы явно зашли в глухой тупик, пытаясь обновить стиль

древних зданий военного училища. В итоге мы получили наполовину тюрьму, наполовину средневековую камеру пыток. И никакого садовника. – Арриана стряхивала липкую грязь со своих армейских ботинок. – Вот мерзость. О, смотри, вон там кладбище.

Люс бросила взгляд в дальний левый угол двора за спальным корпусом. Над этим клочком земли, отгороженным стеной, клубился еще более густой туман. С трех сторон его обрамляла густая дубовая роща. Заглянуть на кладбище не удалось бы, правда, до нее доносились запахи гнили и стрекот цикад в деревьях. На миг даже показалось, будто она уловила мелькнувшие там тени. Люс моргнула, и видение рассеялось.

– Это кладбище?

– Ну да. Когда-то, еще во времена гражданской войны, здесь располагалось военное училище. В общем, здесь они хоронили своих покойников. Жуткое дело. И боже, – добавила Арриана, подражая южному выговору, – оно воняет до чертиков.

Затем она подмигнула Люс.

– Мы частенько там околачиваемся.

Люс взглянула на Арриану, чтобы убедиться, что она не шутит. Та лишь пожала плечами.

– Ну ладно, это было всего лишь однажды. И то после действительно грандиозной заварушки.

Вот это слово Люс узнала.

– Ага! – рассмеялась Арриана. – Я только что видела, как там зажегся свет. Значит, кое-кто все-таки дома. Что ж, Люс, милая, может, ты и бывала на интернатских вечеринках, но никогда не видала, как сносит крышу у ребят из исправительной школы.

– А в чем разница? – Люс попыталась обойти стороной тот факт, что она и в Довере ни разу не бывала на большой вечеринке.

– Сама увидишь, – посулила Арриана, чуть помолчала и обернулась к ней. – Заглянешь вечером посидеть с нами, хорошо?

К удивлению Люс, девушка вдруг взяла ее за руку.

– Обещаешь?

– Мне показалось или ты посоветовала держаться подальше от тяжелых случаев?

– Правило номер два – не слушай меня! – покачив головой, Арриана рассмеялась. – Я достоверно безумна!

Она снова ускорила шаг. Люс потащила за ней.

– погоди, а каково правило номер один?

– Выше нос!

Они завернули за угол учебного корпуса, и Арриана резко остановилась.

– Держись круто, – велела она.

– Круто.

Казалось, остальные ученики сбились в кучки вокруг придушенных сорняками деревьев близ «Августина». Они выглядели не особенно счастливыми оттого, что болтались снаружи, однако никто пока не собирался заходить внутрь.

В Довере немного внимания уделяли форме одежды, поэтому Люс не привыкла к единообразию. Однако, пусть даже каждый из здешних ребят носил те же черные джинсы, водолазку и свитер, существенные различия оставались.

Кучки татуированных девиц стояли кружком, скрещенные на груди руки, до самых локтей унизанные тонкими кольцами браслетов. Черные банданы на головах напомнили Люс некогда виденный ею фильм о девушках из байкерской банды. Она взяла его в прокате, решив, что чисто женская банда байкеров – это круто. Теперь она встретила взглядом с одной из девиц на том конце газона. Косой прищур кошачьих глаз с темной подводкой заставил ее поспешно отвернуться в другую сторону.

Парень с девушкой, держащиеся за руки, блестящими вышили на спинах своих свитеров черепа со скрещенными костями. Через каждые несколько секунд один из них притягивал другого ближе, чтобы чмокнуть в висок, мочку уха или веко. Когда они обнялись, Люс разглядела на запястьях у обоих поблескивающие браслеты следящих устройств. Выглядели они слегка грубоватыми, зато было заметно, насколько сильно они любят друг друга. Всякий раз, заметив, как вспыхивают колечки пирсинга в их языках, Люс вздыхала, даже грудь сжимало от одиночества.

Позади влюбленных, у самой стены, стояла группка светловолосых парней. Каждый из них, несмотря на жару, натянул свитер. И у каждого под ним была строгая белоснежная рубашка с жестко накрахмаленным воротничком. Черные брюки краешком касались носков начищенных ботинок. Из всех собравшихся во дворе учеников они показались Люс больше других похожими на доверцев. Но, взглядевшись пристальнее, она быстро отделила их от парней, которых знала прежде. От парней вроде Тренора.

Стоя кучкой, ребята демонстрировали особый род жесткости. Это читалось в их взглядах. Трудно объяснить, но Люс внезапно поразило осознание того, что каждый в этой школе, совсем как она, имеет прошлое. У каждого тайны, которыми никто не захотел бы поделиться. Но она не смогла понять, ощутила ли себя от этого более или менее одинокой.

Арриана обратила внимание на то, как Люс смотрит на остальных ребят.

– Все мы, как умеем, пытаемся продержаться день, – заметила она, пожав плечами. – Но на случай, если ты не заметила, как низко кружат стервятники, это место изрядно пованивает смертью.

Она уселась на скамейку под плачущей ивой и похлопала рядом с собой, приглашая к ней присоединиться.

Люс смахнула горку сырой, подгнивающей листвы, но, не успев сесть, заметила еще одно нарушение правил в форме одежды.

Весьма привлекательное нарушение.

Ярко-алый шарф, обмотанный вокруг его шеи. На улице было отнюдь не холодно, однако поверх свитера он накинул черную кожаную косуху. Возможно, дело в том, что шарф оказался единственным пятном цвета во дворе, но Люс ни на что, кроме него, не обращала внимания. По сути, в сравнении с ним все остальное настолько померкло, что на какой-то долгий миг девушка даже забыла, где находится.

Она не могла оторвать глаз от его насыщенно-золотистых волос и удачно сочетающегося с ними загара. Высокие скулы, темные очки, скрывающие глаза, мягкие очертания губ. Во всех виденных ею фильмах и прочитанных книгах объект любовного увлечения выглядел превосходно до безумия, за исключением единственного изъяна. Надколотый зуб, очаровательный вихор, родинка на левой щеке. Она знала, почему. Если герой абсолютно безупречен, он рискует оказаться недостижимым. Но, достижима или нет, Люс всегда питала слабость к совершенной красоте, подобной той, которая была присуща этому юноше.

Он прислонился к стене, свободно сложив на груди руки. На долю секунды перед глазами Люс мелькнул образ ее самой в объятиях этих рук. Она тряхнула головой, но видение оказалось таким стойким и ясным, что она едва не бросилась к нему.

Нет. Это безумие. Верно? Люс прекрасно понимала, что даже для школы, набитой психами, это стремление ненормально. Она с ним даже не знакома.

Он беседовал с пареньком с дредами и улыбкой во все свои тридцать два зуба. Оба искренне и заразительно хохотали, так, что Люс охватила

странная зависть. Она попыталась припомнить, давно ли смеялась сама, смеялась по-настоящему, как они.

– Это Дэниел Григори, – пояснила Арриана, наклоняясь к ней, будто читая ее мысли. – Вижу, он привлек чье-то внимание.

– И это еще слабо сказано, – согласилась Люс и смутилась, поняв, как выглядит в глазах Аррианы.

– Тоже верно. Ну, если тебе по вкусу подобного рода штуки.

– А что тут может быть не по вкусу? – Люс отчаялась удерживать слова, рвущиеся с языка.

– Вон тот его приятель Роланд, – Арриана кивнула в сторону паренька с дредами. – Он крут. Из тех парней, что умеют добывать вещи, сечешь?

«Не вполне», – подумала Люс, прикусив губу.

– Какого рода вещи?

Арриана пожала плечами, отпиливая стянутым швейцарским ножом обтрепанную прядь ниток из прорехи в черных джинсах.

– Просто вещи. Из разряда «спроси и получишь».

– А что насчет Дэниела? Какая у него история?

– О, да, она не сдается. – Арриана рассмеялась и прочистила горло. – Никто точно не знает. Он крепко держится за свой образ загадочной особы. Вполне может оказаться обычным засранцем из исправительной школы.

– Мне случалось встречать засранцев, – отозвалась Люс, хотя тут же пожалела о том, что не может забрать свои слова назад.

После того, что случилось с Тревором – что бы с ним ни случилось, – не следует торопиться с суждениями о других. К тому же в тех редких случаях, когда она хоть мельком упоминала ту ночь, ее вновь обступали черные тени, как если бы она опять очутилась у озера.

Она снова взглянула на Дэниела. Тот снял очки, убрал их в карман куртки и повернулся в ее сторону.

Их взгляды встретились. Люс увидела, как округлились, а затем быстро сощурились его глаза. Похоже на удивление. Но нет, не только оно. Когда Дэниел посмотрел ей в лицо, у нее перехватило дыхание. Она откуда-то его знала.

Хотя нет, не может быть. Она бы запомнила встречу с кем-то похожим. Ни за что не забыла бы чувство полного потрясения, как сейчас.

Люс осознала, что они все еще смотрят друг другу в глаза, когда Дэниел быстро улыбнулся ей. Волна тепла окатила ее, пришлось схватиться за скамейку, чтобы удержать равновесие. Ее губы невольно растянулись в ответной улыбке, но он вдруг поднял руку.

И показал ей средний палец.

Люс задохнулась и опустила взгляд.

– Что? – Арриана явно не заметила сцены, только что развернувшейся перед ней. – Впрочем, неважно. Времени нет. Я чую звонок.

И звонок прозвенел, словно по ее указке. Учащиеся медленно потащились в здание. Арриана тянула Люс за руку, многословно распространяясь о том, где и когда они снова встретятся. Но Люс никак не могла отойти от того, как с ней обошелся совершенно чужой человек. Мимолетное бредовое видение, связанное с Дэниелом, растаяло, и теперь ей хотелось лишь одного: узнать, что не так с этим парнем.

Перед тем как нырнуть в класс на свое первое занятие, она решила оглянуться. Его лицо не отражало никаких чувств, однако он, несомненно, смотрел ей вслед.

Глава 2. Сорвавшаяся с цепи

У Люс имелась распечатка расписания. Собственно, полупустая тетрадь, которую она начала заполнять еще в прошлом году в Довере, на углубленных занятиях по истории Европы. Плюс пара твердомягких карандашей и любимый ластик. И внезапное дурное предчувствие, что Арриана, по всей вероятности, права насчет уроков в «Мече и Кресте».

Шаткие парты были выстроены неровными рядами, перед шкафом с учебными принадлежностями громоздились штабеля пыльных коробок.

Учитель пока не объявлялся.

Похоже, никто из ребят не замечал беспорядка. Более того, вообще не обращал внимания на то, что находится в классе. Все сгрудилось у окон: кто докуривая сигарету, кто перекалывая на водолазке огромные английские булавки. Тодд единственный сидел за партой, выцарапывая ручкой на столешнице нечто замысловатое. Остальные новички, похоже, успели найти себе место в этой толпе. Вокруг Кэма плотно сгрудились парни, похожие на учащихся доверской школы. Должно быть, они сдружились, когда он впервые угодил в «Меч и Крест». Габби пожимала руку девушке с проколотым языком, которая до этого обжималась с таким же парнем. Люс одолел приступ бессмысленной зависти оттого, что самой хватило духу лишь на то, чтобы подсесть ближе к безобидному Тодду.

Арриана, словно какая-то готическая принцесса, порхала от одного одноклассника к другому, нашептывая что-то. Люс не удавалось разобрать слов. Когда та проносилась мимо Кэма, он взъерошил ей только что подстриженные волосы.

– Славная швабра, Арриана. – Он ухмыльнулся, дернув за прядку на затылке. – Мои поздравления твоему стилисту.

Арриана оттолкнула его.

– Руки прочь, Кэм, в том смысле, что мечтать не вредно. Поздравления можешь передать моей новой питомице. Она вон там. – Арриана резко мотнула головой в сторону Люс.

Изумрудные глаза Кэма сверкнули, когда он взглянул на окаменевшую девушку.

– Полагаю, так я и сделаю. – И он направился к ней.

И улыбнулся Люс, застывшей со скрещенными под стулом ногами и аккуратно сложенными на густо изрисованной парте руками.

– Нам, новичкам, стоит держаться вместе, – заявил он. – Надеюсь,

понимаешь, о чем речь?

– А я думала, ты был здесь прежде.

– Не верь всему, что говорит Арриана.

Он оглянулся на девушку у окна, сверлящую их подозрительным взглядом.

– О, нет, она ничего о тебе не рассказывала, – поспешно возразила Люс, пытаясь припомнить, так ли это на самом деле.

Кэм и Арриана явно недолгоблюдали друг друга, и, хотя Люс была благодарна за утреннюю беседу, она пока не намеревалась занимать чью-либо сторону.

– Помню времена, когда оказался тут новеньким. Ну, впервые. – Зеленоглазый усмехнулся самому себе. – Моя банда только что развалилась, вот я и растерялся. Никого здесь не знал. Мне бы пригодился кто-нибудь, – он покосился на Арриану, – без тайных планов, готовый ввести меня в курс дела.

– Значит, и у тебя нет никаких тайных планов? – Люс удивилась игривой нотке в собственном голосе.

Непринужденная улыбка озарила лицо Кэма. Он вскинул бровь.

– Подумать только, я не хотел сюда возвращаться.

Люс залилась румянцем. Обычно она не общалась с рокерами, хотя ни один из них прежде не подтаскивал соседнюю парту ближе, не плюхался на стул рядом с ней, не смотрел на нее изумрудными глазами. Кэм пошарил в кармане и выудил зеленый медиатор с отпечатанным на нем числом «44».

– Это номер моей комнаты. Заходи в любое время.

Медиатор по цвету не слишком отличался от его глаз. Люс задумалась, как и когда он успел напечатать на нем цифры, но, прежде чем успела ответить, да и, кто знает, что она могла бы ответить, Арриана жестко сдвинула плечо Кэма.

– Прости, но, по-моему, я высказалась предельно ясно, заявив на нее права.

Кэм фыркнул.

– Послушай, я думал, существует еще и такая штука, как добрая воля, – он взглянул на Люс. – Возможно, у твоей «питомицы» существует собственное мнение.

Люс открыла было рот, желая заявить, что, разумеется, у нее свое мнение на эту тему. И да, она тут всего лишь первый день, пока еще осваивается. Но к тому времени, как ей удалось мысленно выстроить

предложение, прозвенел звонок, за минуту предупреждающий о начале урока. Небольшое столпотворение у ее парты рассосалось само собой.

Все ребята расселись по местам вокруг нее, и вскоре уже не так бросалось в глаза то, что она прямо и чинно восседает за партой, не сводя глаз с двери. В ожидании Дэниела.

Краем глаза она заметила, как на нее поглядывает Кэм. Ей это польстило. А потом она встревожилась и разочаровалась в себе. Дэниел? Кэм? Она в этой школе всего сорок пять минут, а уже мысленно жонглирует двумя парнями. Причина ее пребывания здесь в том, что последний раз, когда она положила глаз на парня, дело обернулось ужасной бедой. А потому не стоит позволять себе влюбляться (причем дважды!) в первый же учебный день.

Она глянула на Кэма, тот вновь подмигнул ей и отбросил с глаз темную челку. Если даже не принимать в расчет потрясающий внешний вид парня, – да, именно так – знакомство с ним может оказаться полезным. Он, как и она, пока еще привыкает к окружающей обстановке, хотя явно не впервые оказался в «Мече и Кресте». И он с ней любезен. Люс подумала о зеленом медиаторе с номером его комнаты, надеясь, что он не раздает их направо и налево. Они могут стать друзьями. Возможно, именно это ей и нужно. Тогда она, не исключено, перестанет столь явно ощущать себя не в своей тарелке здесь.

Может, тогда ей удастся смириться с тем, что единственное окно в классе размером с конверт для делового письма заляпано известкой и выходит на здоровенное кладбище.

Может, тогда Люс сумеет не обращать внимание на запах перекиси, исходящий от сидящей перед ней панкующей девицы и пощипывающий нос.

Может, тогда сможет действительно обратить внимание на сурового усатого учителя, наконец вошедшего в кабинет.

Он велел классу «успокоиться и сесть» и решительно захлопнул дверь.

Едва заметное разочарование кольнуло ее в сердце. Потребовалось мгновение, чтобы отследить, откуда оно исходит. Пока учитель не закрыл за собой дверь, она лелеяла слабую надежду, что Дэниел тоже будет на ее первом занятии.

Какой следующий урок? Французский? Она заглянула в расписание, чтобы свериться с тем, в каком классе он проходит. И тут же поверх листка скользнул бумажный самолетик. Перелетел через парту и приземлился на пол рядом с ее сумкой. Люс огляделась, не заметил ли кто, однако учитель был слишком увлечен стиранием в пыль кусочка мела, выписывая что-то на

доске.

Она встревоженно покосилась влево. Кэм посмотрел на нее, одарив подмигиванием и игривым жестом, от которого она напряглась всем телом. Но, судя по всему, он не заметил и не сам запустил самолетик.

Из-за его спины раздался тихий шепот.

– Э-эй. Арриана.

Движением подбородка она подсказала Люс подобрать самолетик. Девушка наклонилась за ним и увидела собственное имя, написанное на крыле мелкими черными буквами.

Ее первая записка!

«Уже ищешь выход?»

Дурной знак.

Мы застряли в этом аду до обеда».

Ой, да ладно! Наверняка это шутка. Люс дважды перепроверила расписание и с ужасом осознала, что все три утренних занятия проходят в этом же самом первом кабинете.

И все три ведет этот же самый мистер Коул.

Вот он оставил в покое доску и теперь бесшумно прохаживался по кабинету. Новичков представлять не стал.

Люс недоумевала, порадовало это ее или наоборот. Мистер Коул лишь бросил на парту каждого из четверых по экземпляру программы курса. Когда сшитая скрепками папка приземлилась перед Люс, она жадно наклонилась вперед и заглянула внутрь.

«Мировая история. Обход судьбы рода человеческого».

Хм.

История всегда давалась ей лучше всего. Но вот обход судьбы...

Более внимательного взгляда на программу курса хватило, чтобы убедиться, что Арриана права насчет ада. Невероятная нагрузка по чтению, слово «тест» крупными жирными буквами на каждом третьем занятии. Плюс письменная работа по собственному выбору. На тридцать страниц. Про тирана, потерпевшего неудачу. Seriously?! Вокруг заданий, которые Люс пропустила за первые несколько недель, черным маркером были нарисованы жирные скобки. На полях мистер Коул написал: «Подойдите ко мне за заданием для дополнительного исследования». Если и существует более действенный способ высасывания души, Люс не рискнула бы выяснять, какой именно.

Спасибо, Арриана сидит сзади, в соседнем ряду. Люс порадовалась,

что способ передачи сигналов бедствия уже оглашен. Они с Келли обычно тайком перебрасывались эсэмэсками, но здесь определенно придется научиться складывать самолетики. Она вырвала из тетради листок и попыталась в качестве образца воспользоваться посланием Аррианы.

Через несколько минут, проведенных в битве с оригами, на ее парту приземлился очередной самолетик. Она оглянулась на Арриану, которая покачала головой и закатила глаза: «Сколькому тебе еще предстоит научиться!».

Люс виновато пожала плечами и повернулась обратно, чтобы прочесть вторую записку.

«Да, и пока ты не будешь уверена в собственной меткости, я думаю, тебе не захочется посылать мне записки, касающиеся Дэниела. Парень за твоей спиной прославился перехватами на футбольном поле».

Хорошо, что ее предупредили. Она и не заметила, что приятель Дэниела, Роланд, сидит позади нее. Люс слегка повернулась, краем глаза заметила его дреды, рискнула бросить взгляд в его открытую тетрадь и прочитала полное имя: Роланд Спаркс.

– Никаких записок! – сурово заявил мистер Коул. Люс вздрогнула и повернулась к нему. – Никакого списывания, никакого подсматривания друг у друга в записях. Я не для того оканчивал магистратуру, чтобы теперь получать лишь часть вашего внимания.

Люс ошеломленно кивнула со всеми вместе, и в то же мгновение на середину ее парты скользнул третий самолетик.

«Всего 172 минуты до конца!»

* * *

Сто семьдесят три мучительные минуты спустя Арриана провожала Люс до кафетерия.

– Ну и что думаешь?

– Ты оказалась права, – оцепенело пробормотала Люс, приходя в себя после мучительного уныния первых трех уроков. – Зачем кому-то вообще вести настолько тоскливый предмет?

– Ой, да Коул скоро ослабит гайки. Он заводит шарманку насчет «никакой болтовни» всякий раз, когда появляется новенький. В любом случае, – Арриана ткнула ее в бок, – могло быть и хуже. Например, ты бы застряла у мисс Тросс.

Люс заглянула в расписание.

– Она ведет у меня биологию после обеда, – сообщила она, чувствуя, как внутри что-то оборвалось.

Пока Арриана давилась от смеха, Люс кто-то толкнул в плечо. Это Кэм проходил мимо них по коридору, торопясь на обед. Люс могла бы растянуться на полу, если бы его рука вовремя ее не поддержала.

– Эй, осторожней там.

Он быстро улыбнулся ей, и она задумалась, не врезался ли он в нее намеренно. Но он не выглядел настолько ребячливым. Люс покосилась на Арриану, проверяя, не заметила ли та что-нибудь. Арриана приподняла брови, едва ли не приглашая заговорить, но ни одна из девушек не произнесла ни слова.

Когда они миновали пыльные внутренние окна, отделяющие унылый коридор от еще более унылого кафетерия, она взяла Люс за локоть.

– Любой ценой избегай прожаренного бифштекса, – советовала она, следуя за толпой в гул столовой. – Пицца хороша, чили в порядке, да и борщ, пожалуй, не так уж плох. Котлеты любишь?

– Я вегетарианка.

Люс оглядывала столы, выискивая Дэниела и Кэма. Просто она чувствовала бы себя непринужденнее, если бы знала, где они, чтобы спокойно пообедать, притворяясь, что не заметила ни одного из них. Но до сих пор никаких признаков.

– Вегетарианка? Родители-хиппи или твоя собственная вялая попытка бунта?

– Э-э-э, ни то, ни другое. Я просто не...

– Любишь мясо?

Она развернула Люс на девяносто градусов, так, что та уставилась прямо на Дэниела, сидящего за столом в другом конце зала. Девушка выдохнула. Ах вот где он.

– И что, это относится к любому мясу? – громко пропела Арриана. – Неужели тебе бы не хотелось запустить свои зубки в него?

Люс стукнула ее и потащила к стойке с едой. Новая знакомая надрывалась от смеха. Люс сознавала, что отчаянно покраснела, и это мучительно заметно в дневном освещении.

– Заткнись, он наверняка тебя слышал, – прошипела она.

Какая-то ее часть радовалась тому, что шутит о мальчиках с подружкой. Если вообще можно считать подружкой Арриану.

Ей все еще было не по себе из-за того, что произошло утром, когда она увидела Дэниела. Ее потянуло к нему, и она по-прежнему не понимала

почему. И все-таки это случилось снова. Она заставила себя оторвать взгляд от его светлых волос, гладких очертаний челюсти. Только бы ее не застали за тем, как она на него пялится. Не хотелось давать ему повод вновь изобразить грубый жест в ее сторону.

– Да ну? – съязвила Арриана. – Он так увлечен гамбургером, что не услышит даже зова дьявола.

Она кивнула на Дэниела, тот действительно, казалось, полностью сосредоточился на пережевывании. Впрочем, нет, скорее, он выглядел так, будто притворяется, что полностью сосредоточен.

Люс перевела взгляд на Роланда, приятеля Дэниела. Тот уставился прямо на нее. Когда их взгляды встретились, он шевельнул бровями в гримасе, смысла которой она не поняла, однако слегка встревожилась.

Она вновь обернулась к Арриане.

– Почему все в этой школе настолько странные?

– Пожалуй, я предпочту не принимать это за оскорбление, – отозвалась та, подхватывая пластиковый поднос и протягивая второй Люс. – И перейду к рассказу о тонком искусстве выбора места в кафетерии. Видишь ли, ты ни за что не захочешь сидеть поблизости от... Люс, осторожнее!

Девушка всего лишь отступила на шаг назад, а ее грубо толкнули в плечи двумя руками. Падая, она потянулась вперед, пытаясь за что-нибудь ухватиться, но руки нашарили только чужой поднос с обедом. Тот опрокинулся, увлекая ее за собой. Она с грохотом приземлилась на пол, ей в лицо выплеснулась полная миска свекольного супа.

Когда ей удалось оттереть большую часть размякшей свеклы, она посмотрела вверх. Над ней возвышалась самая сердитая девица, какую она когда-либо видела. С короткими колючими осветленными волосами, лицом, проколотым по меньшей мере в десятке мест, и со смертоубийственным взглядом.

– Если бы твой вид не отбил мне всяческий аппетит, – ощерившись, прошипела та, – я бы заставила тебя купить мне новый обед.

Люс сбивчиво пробормотала извинение и попыталась встать, но девушка с силой опустила ей на ступню каблук-шпильку черного сапога. Боль ударила вверх по ноге, пришлось даже прикусить губу, чтобы не вскрикнуть.

– А, Впрочем, почему бы мне просто не взять твой талон на обед, – протянула незнакомка.

– Довольно, Молли, – холодно бросила Арриана и протянула руку,

помогая Люс подняться.

Девушка поморщилась. От каблука определенно останется синяк.

Молли развернулась к Арриане, и Люс поняла, что они не впервые сцепляются рогами.

– Вижу, ты быстро сдружилась с новенькой, – проворчала девица с пирсингом. – Крайне дурно с твоей стороны, а. Разве ты не на испытательном сроке?

Люс сглотнула. Арриана ни словом не обмолвилась об испытательном сроке. Кроме того, это казалось нелепым. Неужели такое обстоятельство, как испытательный срок, может помешать заводить новых друзей? Но Арианне хватило одного упоминания, чтобы сжать кулак и сильным ударом подбить Молли правый глаз.

Та пошатнулась, но внимание Люс было приковано к Арриане, которая забилась в судорогах, вскинув руки и молотя ими по воздуху.

«Это браслет, – с ужасом поняла девушка. – Он бьет ее током».

Невероятно. Это, безусловно, можно было посчитать жестоким и необычным наказанием. У Люс в животе что-то сжалось, пока она смотрела, как подруга вздрагивает всем телом. Она метнулась и подхватила Арриану, когда та начала оседать на пол.

– Арриана, с тобой все в порядке?

– В полнейшем.

Ее темные глаза на миг распахнулись и закрылись совсем.

Люс задохнулась от ужаса. Новая подруга вновь приоткрыла один глаз.

– Испугалась, да? О, как это мило. Не волнуйся, это меня не убьет. Только сделает сильнее. В любом случае это, знаешь ли, стоило того, чтобы поставить этой корове фингал под глазом.

– Ладно, кончайте. Будет вам, – прогремел позади них сиплый голос.

В дверях стояла Рэнди, раскрасневшаяся и тяжело дышащая. «Слегка поздновато кого-то разнимать», – подумала Люс.

Как вдруг Молли, пошатываясь, направилась к ним с Аррианой, цокая шпильками по линолеуму. Вот бесстыжая. Неужели действительно собирается драться с Аррианой на глазах у воспитательницы?

К счастью, крепкие руки Рэнди сомкнулись вокруг нее раньше. Молли безуспешно попыталась вырваться и завизжала.

– Кому-нибудь лучше бы начать говорить, – рявкнула воспитательница, сжимая Молли, пока та не обмякла. – Впрочем, по зрелом размышлении вы все трое явитесь отрабатывать наказание завтра утром. На кладбище. С рассветом! – Рэнди перевела взгляд на Молли. – Уже остыла?

Та нехотя кивнула, и воспитательница отпустила ее. Затем склонилась над Аррианой, которая попрежнему лежала на коленях у Люс, обняв себя руками за плечи. Поначалу Люс решила, что та хандрит, словно злая собака с электрошоковым ошейником, но затем ту слегка встряхнуло, и девушка поняла, что браслет до сих пор мучает ее.

– Ну же, – Рэнди смягчилась, – пойдем-ка, отключим тебя.

Она протянула Арриане руку и помогла поставить ее на ноги, обернувшись лишь однажды на пороге, чтобы напомнить Люс и Молли свое распоряжение.

– С рассветом!

– Я вся в предвкушении, – слащаво откликнулась Молли, нагибаясь, чтобы подобрать тарелку с котлетой, соскользнувшую с подноса, секунду поводила ею над головой Люс и перевернула вверх дном, так что еда вывалилась той на волосы. Девушка вслушалась в хлюпающий звук собственного унижения, когда весь «Меч и Крест» обрел возможность полюбоваться на новенькую, покрытую мясным месивом.

– Бесценно, – восхитилась Молли, доставая из заднего кармана черных джинсов крохотную серебристую фотокамеру. – Скажи: «мя-асо», – пропела она, отщелкав несколько снимков. – Это будет прекрасно смотреться в моем блоге.

– Стильная шляпка, – глумливо выкрикнул кто-то с другого конца кафетерия.

Люс с трепетом перевела взгляд на Дэниела, молясь о том, чтобы он каким-то чудом пропустил всю эту сцену. Но нет. Он тряс головой. И выглядел раздраженным.

Вплоть до этого мгновения она полагала, что существует шанс выстоять и просто стряхнуть с себя это происшествие. В буквальном смысле. Однако реакция Дэниела... Да, она все-таки заставила ее сломаться.

Люс не расплатится перед кем-либо из этих омерзительных людей. Она судорожно сглотнула, поднялась на ноги и сбежала. Бросилась к ближайшей двери, мечтая о прохладном воздухе.

Едва оказавшись снаружи, она попала во влажную духоту южного сентября. Небо казалось бесцветным, настолько тусклым и серовато-бурым, что даже трудно было угадать солнце. Она замедлила шаг, однако успела добраться до самого края автостоянки, прежде чем остановиться окончательно.

Ей так хотелось увидеть свою потрепанную старую машину, утонуть в истертой обивке сиденья, завести мотор, врубить стерео и умчаться к черту из этого места. А пока она стояла на горячем черном асфальте, и в ней крепло осознание того, что она застряла здесь, и пара высоких металлических ворот отделяет ее от внешнего мира за пределами «Меча и Креста». Кроме того, даже если бы и удалось выбраться, податься некуда.

Подкатившая к горлу тошнота подсказала все, что нужно знать. Она прибыла на конечную станцию, и дела обстоят довольно скверно.

Это оказалось столь же гнетущим, сколь и верным. Все, что у нее осталось, – это «Меч и Крест».

Люс спрятала лицо в ладонях, понимая, что необходимо вернуться. Когда она подняла голову, следы на руках напомнили о том, что она по-прежнему испачкана чужим обедом. Фу. Первая остановка – ближайшая уборная.

Вернувшись, Люс нырнула в дамскую комнату, едва приоткрылась дверь. На ее фоне Габби, просочившаяся следом, выглядела еще более белокурой и безупречной.

– Ой, прости, милая, – спохватилась та.

Ее голосок с южным акцентом звучал ласково, но лицо при виде Люс исказилось.

– О, боже, ты выглядишь просто ужасно. Что случилось?

Что случилось? Можно подумать, весть о происшествии еще не облетела всю школу. Скорее всего, девица включила «дурочку», чтобы Люс пережила заново унижительную сцену.

– Подожди пять минут, – отозвалась она несколько резче, чем намеревалась. – Уверена, сплетни тут распространяются словно чума.

– Не хочешь воспользоваться моими запасами? – предложила Габби, протягивая бледно-голубую косметичку. – Ты себя еще не видела, но вот-вот...

– Спасибо, нет, – перебила Люс, скрываясь в уборной.

Не глядя на себя в зеркало, она открыла кран. Плеснула себе в лицо холодной водой и наконец перестала сдерживаться. Со слезами на глазах нажала на дозатор и попыталась с помощью дешевого розового мыла для рук оттереть мясо. Правда, оставались еще волосы. Да и одежда некогда выглядела и пахла определенно лучше. И дело даже не в том, чтобы произвести благоприятное первое впечатление.

Дверь уборной приоткрылась. Она вжалась в стену, словно животное, попавшее в ловушку. Вошла незнакомка. Люс напряглась в ожидании

худшего.

Вошедшая девушка оказалась коренастой и приземистой, что подчеркивалось противоестественным количеством слоев одежды. Широкое лицо обрамляли вьющиеся каштановые волосы, ярко-фиолетовые очки дрогнули, когда она шмыгнула носом. Выглядела она довольно непритязательно, правда, внешность бывает обманчивой. Руки она держала за спиной, что не внушало доверия после событий сегодняшнего дня...

– Знаешь ли, тут не положено находиться без пропуска, – сообщила девушка.

Ее ровный тон производил впечатление делового.

– Знаю.

Взгляд незнакомки подтвердил подозрения Люс. В этом месте совершенно невозможно урвать передышку, она приготовилась было обреченно вздохнуть.

– Я просто...

– Шучу, – рассмеялась девушка, закатывая глаза и принимая более непринужденную позу. – Я утащила для тебя шампунь из раздевалки, – добавила она, доставая из-за спины пару пластиковых бутылочек с шампунем и кондиционером для волос и подтаскивая ближе потрепанный складной стул. – Ну же, давай-ка тебя почистим. Садись сюда.

Полухныканье-полусмех сорвался с губ Люс. Раньше такого не случалось. Она предположила, что это вздох облегчения. Девушка действительно оказалась к ней добра по меркам обычных людей, а не по меркам исправительной школы! Без всяких видимых причин. Потрясение для Люс оказалось почти невыносимым.

– Спасибо? – ухитрилась выговорить она, по-прежнему слегка настороженная.

– О, и, пожалуй, тебе стоит переодеться.

Она опустила глаза на собственный черный свитер и стащила его через голову, обнаружив под ним еще один, точно такой же.

– Что такое? – спросила она, заметив удивление на лице Люс. – У меня пошаливает иммунитет. Приходится носить многослойную одежду.

– А как ты обойдешься без этого? – заставила себя спросить Люс, хотя сейчас была готова почти на что угодно, только бы выбраться из облепившего ее мясного покрова.

– Разумеется, обойдусь, – отмахнулась девушка. – У меня под этим надето еще три. И еще пара лежит в шкафчике. На здоровье. Больно смотреть на вегетарианку, покрытую мясом. Мне тебя жаль.

Люс удивилась, откуда незнакомка знает о ее кулинарных предпочтениях, однако куда более важным показалось другое.

– М-м, почему ты так заботлива?

Девушка рассмеялась, вздохнула, покачала головой.

– Не всякий в «Мече и Кресте» мерзавец или кретин.

– Что?

– «Меч и Крест». Мерзавцы и Кретины. Среди городских бытует это прозвище школы. Не слишком-то остроумно, не правда ли? Не стану оскорблять твой слух более грубыми вариантами, до которых они додумались.

Люс рассмеялась.

– Я просто имела в виду, что не все здесь полные уроды.

– Всего лишь большинство? – уточнила Люс, удрученная тем, что уже рассуждает настолько недоброжелательно.

Утро выдалось долгим, ей уже через многое пришлось пройти, а эта девушка, возможно, не осудит за некоторую грубость.

К ее удивлению, незнакомка улыбнулась.

– Именно. И они, разумеется, обеспечивают дурную славу всем остальным, – она протянула руку. – Я Пенниуэзер ван Сикль-Локвуд. Можешь называть меня Пенн.

– Ладно.

Люс была слишком измученной, чтобы осознать, что некогда, в прежней жизни, ей было бы непросто сдержать смех, услышав подобное имечко. Оно звучало так, словно его обладательница сошла со страниц диккенсовского романа. Тем не менее девушка с подобным именем, способная представиться с невозмутимым лицом, чем-то располагала к доверию.

– А я Люсинда Прайс.

– И все зовут тебя Люс. И ты перевелась сюда из доверской подготовительной, что в Нью-Гэмпшире.

– Откуда ты знаешь?

– Удачная догадка? Шучу. Я читала твое личное дело. Такое у меня хобби.

Люс беспомощно уставилась на нее. Возможно, она поторопилась насчет доверия. Как Пенн ухитрилась получить доступ к ее личному делу?

Пенн тем временем принялась настраивать воду, а когда струйка потеплела, жестом предложила Люс сунуть голову под кран.

– Послушай, дело вот в чем, я не сумасшедшая. Она приподняла мокрую голову Люс.

– Только не обижайся. И опустила обратно.

– Я тут одна такая. Без судебного предписания. И, как ни удивительно, юридически здравый рассудок имеет свои преимущества. К примеру, мне единственной доверяют помогать в канцелярии. Что не особенно дальновидно с их стороны. Я имею доступ к куче ерунды для служебного пользования.

– Но если ты не обязана находиться здесь...

– Когда твой отец служит школьным садовником, тебя вроде как вынуждены зачислить в класс. Так что... – Она умолкла.

Ее отец – школьный садовник? Судя по виду этого места, Люс бы и в голову не пришло предположить, что здесь вообще есть садовник.

– Знаю, о чем ты подумала, – заметила Пенн, помогая выполоскать из волос остатки подливки. – О том, что территория не слишком-то хорошо ухожена.

– Нет, – солгала Люс.

Ей совершенно не хотелось чем-то задеть новую знакомую. Лучше уж всеми силами излучать дружелюбие, чем делать вид, будто ей безразлично, насколько часто здесь подстригают газоны.

– Она, э-э-э, довольно мило выглядит.

– Папа умер два года назад, – тихонько пояснила Пенн. – Меня потрудились обеспечить законным опекуном в лице ветхого директора Юделла, но, э-э-э, даже и не подумали нанять кого-нибудь на замену папе.

– Мне очень жаль, – Люс тоже понизила голос. Значит, кто-то еще здесь знает, каково это, пережить серьезную утрату.

– Да ничего, – Пенн выдавила кондиционер на ладонь. – На самом деле это действительно хорошая школа. Мне здесь очень нравится.

Люс невольно вскинулась, так что брызги из-под крана разлетелись по всей уборной.

– Ты уверена, что не сумасшедшая? – поддразнила она Пенн.

– Шучу. Терпеть ее не могу. Здесь просто ужасно.

– Но ты не в состоянии убраться отсюда, – с любопытством уточнила Люс, склоняя голову.

Пенн прикусила губу.

– Знаю, это ненормально, но даже если бы я не застряла тут с Юделлом, все равно не смогла бы. Здесь мой папа, единственное, что у меня осталось.

Она кивнула в сторону невидимого отсюда кладбища.

– Тогда, думаю, у тебя есть больше, чем у некоторых других в этой школе, – Люс вспомнила об Арриане.

И мысленно вернулась к тому, как девушка еще во дворе сжала ей ладонь, к отчаянному выражению в синих глазах, когда та выпрашивала обещание, что Люс заглянет вечером к ней в комнату.

– С ней все будет в порядке, – заверила Пенн. – Что за понедельник, если Арриану не отправят в лазарет после припадка.

– Но это не похоже на припадок. Все дело в браслете. Я видела. Он бил ее током.

– Здесь понятие припадка имеет весьма широкие границы. Помнишь твоего нового врага, Молли? Ей случалось закатывать прямо-таки легендарные припадки. Ходят слухи, что ей собираются сменить лекарства. Надеюсь, ты получишь удовольствие пронаблюдать хотя бы один занятный срыв, прежде чем они это сделают.

Информированность новой знакомой оказалась на высоте. Люс пришло на ум спросить, что за история вышла с Дэниелом, хотя, возможно, неявный интерес к парню стоит ограничить лишь необходимыми сведениями. По крайней мере, до тех пор, пока она сама во всем не разберется.

Пенн принялась выжимать воду из ее волос.

– Вот и все, – заключила она. – Думаю, ты наконец больше не содержишь мяса.

Люс посмотрелась в зеркало и взъерошила себе прическу. Пенн права. Помимо душевных шрамов и боли в правой ступне не осталось ни единого свидетельства стычки с Молли.

– Остается только порадоваться, что у тебя короткие волосы, – заметила Пенн. – Если бы по-прежнему оставались такими длинными, как на фотографии в твоём личном деле, возиться бы пришлось намного дольше.

Люс снова вытаращилась на нее.

– Мне стоит внимательнее за тобой приглядывать.

Пенн взяла ее под руку, и они направились к выходу из уборной.

– Не задевай меня, и никто не пострадает.

Люс встревоженно покосилась на девушку, но лицо новой знакомой оставалось непроницаемым.

– Ты ведь шутишь, правда? Неожиданно Пенн весело улыбнулась.

– Идем же, нам пора в класс. Неужели ты не рада, что после обеда мы занимаемся вместе?

Люс рассмеялась.

– И когда ты перестанешь все обо мне знать?

– В обозримом будущем – никогда, – и Пенн увлекла ее вдоль по коридору, обратно к учебному корпусу. – Обещаю, скоро ты войдешь во вкус. Я весьма могущественный друг.

Глава 3. Надвигающаяся тьма

Люс тащилась по извилистому промозглому коридору спального корпуса, волоча красную спортивную сумку с оборванной лямкой. Стены здесь цветом напоминали пыльную классную доску, повсюду царила странная тишина. Исключение составляло нудное гудение желтоватых ламп дневного света, свисающих с потолка в пятнах сырости.

Более всего Люс удивляло количество закрытых дверей. В Довере она все время тосковала по уединению, передышке от вечеринок на весь коридор, которые могли вспыхнуть в любой час дня или ночи. Невозможно было попасть в свою комнату, не споткнувшись при этом о сборище девиц в одинаковых джинсах, усевшихся по-турецки в кружок, или целующуюся парочку, прижавшуюся к стене.

В отличие от «Меча и Креста». Ну, либо все уже успели приступить к написанию тридцатистраничных рефератов, либо здешняя версия общественной жизни предполагала куда больше встреч за закрытыми дверями, которые, если уж на то пошло, сами представляли собой занимательное зрелище.

Если учащиеся проявляли изобретательность в нарушении формы одежды, то, оформляя личное пространство, заходили в самовыражении куда дальше.

Люс уже успела миновать дверной проем, скрытый занавеской из бус, и еще один, с реагирующим на движение ковриком, который порекомендовал ей «проходить к черту мимо».

Остановилась она перед единственной ничем не примечательной дверью. Комната 63. Дом, горький дом. Она пошарила в поисках ключа в переднем кармане школьного рюкзака, набрала в грудь больше воздуха и отперла дверь в собственную тюремную камеру.

Вот только ужасной она не была. Отнюдь. Или, возможно, оказалась не настолько ужасной, как ожидалось. Вполне приличных размеров окно, приоткрытое так, чтобы впустить в помещение чуть менее душный вечерний воздух. За стальной решеткой открывалась озаренная луной школьная территория, вид по-своему приятный, если не задумываться о кладбище, расположенном чуть дальше. В комнате имелись шкаф для одежды, маленькая раковина и парта для занятий. Если вдуматься, печальнее всего в комнате выглядело ее собственное отражение, которое

Люс краем глаза заметила в зеркале, висящем у двери.

Она поспешно отвернулась, слишком хорошо зная, что там увидит. Лицо кажется усталым и измученным. Карие глаза покраснели от напряжения. Волосы похожи на шерсть истеричного карликового пуделя после ливня. Свитер Пенн висит на ней мешком.

Вечерние занятия оказались не лучше утренних, главным образом в связи с тем, что воплотился худший из ее страхов. В школе к ней намертво приклеилось прозвище Котлета. И, к несчастью, похоже, окажется не менее липучим, чем предмет, в честь которого дано.

Ей хотелось распаковать вещи, превратить типовую комнату 63 в собственное жилье, куда можно забиться, когда ей потребуется сбежать и успокоиться. Однако сил хватило лишь расстегнуть молнию на сумке, прежде чем, сдавшись, рухнуть на нерастеленную кровать. До дома так близко. Его беленая, на расшатанных петлях задняя дверь осталась всего в двадцати двух минутах езды от заржавленных, кованых чугуновых ворот «Меча и Креста». Правда, с тем же успехом это можно исчислять и двадцатью двумя годами.

Первую половину утренней молчаливой поездки вместе с родителями окрестности выглядели похожими друг на друга: сонные южные предместья, заселенные средним классом. Затем дорога поднялась на насыпь, свернув к побережью, а местность вокруг становилась все более топкой. Заросли мангровых деревьев отметили собой въезд на заболоченные земли, но вскоре закончились и они. Последние десять миль оказались просто гнетущими. Серовато-бурые, безликие, заброшенные. В Тандерболте горожане много шутили о незабываемой, до странности гнилостной вони в этих краях. Ты понимал, что побывал в топиях, когда твоя машина начинала пахнуть или плевать грязью.

Люс выросла в Тандерболте, но совершенно не знала восточную часть округа. В детстве она считала, что там бывать незачем, поскольку все магазины, школы и дома знакомых ее семьи располагались на западе. Восточная сторона менее обжита. Вот и все дела.

Она скучала по родителям, которые прилепили к футболке, лежащей сверху в ее сумке, записку на клейком листочке: «Мы любим тебя! Прайсы не сдаются!». Скучала по собственной спальне, окно которой выходило на помидорные грядки отца. Скучала по Келли, без сомнения, отославшей уже не меньше десятка сообщений, которых она никогда не увидит. И по Тревору...

Хотя, пожалуй, это не совсем так. Скучала она по тому вкусу, которым обладала жизнь, когда она впервые заговорила с ним. В тот момент у нее

появился кто-то, о ком можно думать, если не спится по ночам, чье имя можно машинально выписывать на полях тетрадей. Говоря откровенно, у них так и не появилось возможности как следует узнать друг друга. Единственным напоминанием о нем был фотоснимок, украдкой сделанный Келли с дальнего конца футбольного поля между двумя сериями его приседаний, когда они примерно пятнадцать секунд проговорили, собственно, о сериях его приседаний. А единственное свидание даже нельзя считать настоящим. Так, урванный час вместе, когда он утащил ее от остальной компании. Час, о котором она будет жалеть всю оставшуюся жизнь.

Все началось довольно-таки невинно. Двое прогуливающихся у озера. Однако вскоре Люс ощутила тени, притаившиеся над головой. Потом губы Тренора коснулись ее губ, по ее телу заструился жар, а его глаза побелели от ужаса. Несколько мгновений спустя знакомая ей жизнь сгорела в яркой вспышке.

Люс перекатилась на другой бок и уткнулась лицом в сгиб локтя. Она месяцами оплакивала смерть Тренора, а теперь, лежа в незнакомой комнате с металлическими прутьями, впивающимися в кожу сквозь тонкий матрас, ощутила всю эгоистичную тщетность этого занятия. Она знала Тренора не лучше, чем, ну, скажем, Кэма.

От стука в дверь она вскинулась на кровати. Откуда кому бы то ни было знать, где ее искать? Она на цыпочках подкралась к двери и рывком распахнула ее. Выглянула в совершенно пустой коридор. И не услышала даже шагов снаружи. Никаких следов того, что кто-то только что стучал.

Кроме бумажного самолетика, приколотого латунной кнопкой к пробковой доске по соседству с дверью. Люс улыбнулась при виде собственного имени, написанного на крыле черным маркером, но когда развернула записку, внутри обнаружилась лишь черная стрелка, указывающая вдоль коридора.

Арриана приглашала ее в гости на сегодняшний вечер, но это было еще до столкновения с Молли в кафетерии. Осмотрев пустой коридор, Люс задумалась, стоит ли следовать указаниям загадочной стрелки. Затем оглянулась на огромную спортивную сумку – жалкую компанию, ожидающую распаковки. Пожала плечами, захлопнула за собой дверь, убрала в карман ключ и отправилась в путь.

Она задержалась у входа в комнату с другой стороны коридора, рассматривая огромный плакат с Санни Терри, слепым музыкантом, который, как она знала по отцовской коллекции скрипучих пластинок, потрясающе играл блюз на губной гармонике. Подалась вперед, чтобы

прочитать имя на пробковой доске, и с удивлением осознала, что стоит перед жилищем Роланда Спаркса. К ее раздражению, какая-то часть сознания немедленно принялась подсчитывать шансы того, что Роланд сейчас общается с Дэниелом, и их от нее отделяет лишь тонкая дверь.

Внезапное механическое жужжание заставило ее подскочить. Она уставилась прямо в следящее устройство, укрепленное на стенке над дверью Роланда. Камеры, ловящие каждое ее движение. Девушка отпрянула и сжалась, смущенная по причине, которую бы не сумела разглядеть ни одна камера. Но в любом случае она пришла сюда увидеться с Аррианой, внезапно осознав, что ее жилище по какой-то случайности располагается прямо напротив комнаты Роланда.

Перед самой комнатой подруги Люс накрыл легкий приступ нежности. Дверь была облеплена наклейками для бампера, и печатными, и явно самодельными. Их было так много, что они ложились внахлест, каждый лозунг частично перекрывал предыдущий и зачастую ему противоречил. Люс беззвучно рассмеялась, представив, как Арриана без разбора собирает наклейки («правят подлецы», «моя дочь – двоечница в “Мече и Кресте”», «голосуйте против поправки 666») и в случайном порядке, но настойчиво лепит их, помечая таким образом собственную территорию.

Люс могла бы не меньше часа развлекаться чтением на двери, но вскоре смутилась оттого, что стоит перед входом в комнату, куда ее еще, может, и не приглашали. Потом она заметила второй бумажный самолетик, сняла его с пробковой доски и развернула.

*«Дорогая моя Люс,
если ты действительно явилась, чтобы провести сегодняшний вечер вместе, поздравляю! Мы отлично поладим.*

Если ты покинула меня, то... Убери лапы от моей частной переписки, Роланд! Сколько раз я должна тебе это повторить? Черт побери.

В любом случае знаю, что я звала тебя в гости сегодня вечером, но мне прямо из медпункта (ложка меда в сегодняшнем электрошоке) пришлось бежать на отработку по биологии с Альбатрос. Может, в другой раз?

Безумно твоя А».

Люс стояла с запиской в руках, недоумевая, что теперь делать. Она с облегчением узнала, что о подруге позаботились, но по-прежнему предпочла бы увидеться лично, услышать беззаботный голос Аррианы, чтобы понять, как относиться к сегодняшнему происшествию в кафетерии. Стоя посреди коридора, она размышляла, что думать о событиях дня. Тихая

паника захлестнула ее, когда она, наконец, осознала, что осталась одна после заката. В «Мече и Кресте».

За спиной приоткрылась дверь. Пол под ногами прорезала полоска белого света. Из комнаты доносилась музыка.

– Что ты тут делаешь?

В дверях стоял Роланд в драной белой футболке и джинсах. Дреды он собрал на макушке желтой резинкой, рукой держал около рта губную гармошку.

– Я пришла повидаться с Аррианой, – Люс не удержалась и заглянула ему за спину, проверяя, нет ли в комнате кого-нибудь еще. – Мы собирались...

– Никого нет дома, – отрезал он.

Она не была уверена, имел ли он в виду Арриану или остальных ребят в общежитии. Не отрывая от нее взгляда, Роланд сыграл на гармошке несколько тактов. Затем чуть шире приоткрыл дверь и приподнял брови. Трудно было сказать, приглашает ли он ее войти.

– Ну, я просто заглянула сюда по пути в библиотеку, – торопливо солгала Люс. – Хотела посмотреть там одну книжку.

– Люс, – окликнул он.

Она обернулась. Формально они еще не знакомы, и она не ожидала, что он может знать ее имя. Он улыбнулся одними глазами и указал гармошкой в противоположном направлении.

– Библиотека там, – он скрестил руки на груди. – Обязательно посмотри особое собрание в восточном крыле. Это действительно нечто.

– Спасибо, – откликнулась Люс, меняя курс. Сейчас, помахав ей вслед и изобразив на гармошке несколько отрывистых переходов, Роланд показался таким искренним. Возможно, раньше он заставил ее волноваться лишь потому, что она думала о нем как о друге Дэниела. Насколько ей известно, этот парень вполне мог оказаться отличным человеком. Пока она шла по коридору, настроение поднялось. Записка от Аррианы оказалась колкой и язвительной, однако разговор с Роландом Спарксом прошел без малейшей неловкости. К тому же Люс действительно хотелось заглянуть в библиотеку. Дела пошли на лад.

В самом конце коридора, где спальный корпус граничил с библиотечным крылом, она прошла мимо единственной слегка приоткрытой двери на этаже. Вместо украшений кто-то покрасил ее сплошным черным. Подойдя ближе, девушка расслышала, что внутри играет музыка в стиле хеви-метал. Ей даже не пришлось останавливаться,

чтобы прочесть имя на двери. Комната Молли.

Люс ускорила шаг, внезапно вспомнив о том, как грохочут по линолеуму ее ботинки. Она не осознавала, что затаила дыхание, пока не прошла сквозь выкрашенные под дерево двери библиотеки и не выдохнула.

Когда она осмотрелась внутри, на нее словно повеяло теплом. Ей всегда нравился чуть сладковатый застоявшийся запах, присущий лишь комнатам, наполненным книгами. Ее успокаивал случайный тихий шелест страниц. Библиотека в Довере всегда служила ей убежищем. Облегчение захлестнуло с головой, когда Люс поняла, что и здесь тоже можно почувствовать себя в безопасности. С трудом верилось, что это место расположено на территории «Меча и Креста». Оно на самом деле почти манило к себе.

Стены здесь были насыщенного красно-коричневого цвета, а потолки – высокими. Вдоль одной из стен расположился кирпичный камин. Старомодные зеленые лампы освещали длинные деревянные столы, стеллажи с книгами уходили дальше, чем она могла разглядеть. Когда Люс переступила порог, топот ботинок приглушил толстый персидский ковер.

В библиотеке занималось несколько учеников, ни одного из них девушка пока не знала по имени, но даже самого хулиганского вида ребята выглядели менее угрожающими, склонившись над книгами. Она подошла к главному абонементному столу, огромному, круглому, находящемуся посреди зала. Его в уютном научном беспорядке усеивали стопки бумаг и книг, что напомнило Люс родительский дом. Книги громоздились настолько высоко, что она едва различила за ними библиотекаряшу. Та с энтузиазмом золотоискателя пролистывала какие-то бумаги, но с приближением Люс подняла голову.

– Добрый вечер!

Женщина улыбнулась. Действительно улыбнулась. Ее волосы казались не просто седыми, а серебристыми, искрясь даже в мягком библиотечном освещении. Лицо выглядело старым и молодым одновременно. У нее были бледная, почти светящаяся кожа, яркие черные глаза и крохотный острый носик. Заговорив с Люс, она засучила рукава белого кашемирового свитера, открывая ряды жемчужных браслетов, унизывавших оба запястья.

– Могу я помочь тебе что-нибудь найти? – радостным шепотом спросила она.

Люс удивилась тому, насколько ей легко и спокойно с этой женщиной, и опустила глаза на табличку с именем на ее столе. София Блисс. Она пожалела, что ничего не может искать в библиотеке. Эта женщина оказалась первым представителем здешнего начальства, увиденным за весь

день, к кому действительно хотелось обратиться за помощью. Однако Люс забрела сюда случайно.

И вдруг она вспомнила, что посоветовал Роланд Спаркс.

– Я новенькая. Люсинда Прайс. Вы не подскажете, где находится восточное крыло?

Женщина улыбнулась с хорошо знакомым выражением «ты похожа на читающего человека». Люс всю свою жизнь видела такое на лицах библиотекарей.

– Вон там, – объяснила София, указывая на ряд высоких окон по другую сторону зала. – Я мисс София, и если в мой список не вкралась ошибка, ты будешь посещать мой семинар по религии по вторникам и четвергам. О, вот будет весело! А пока, если тебе еще что-нибудь понадобится, я буду здесь. Рада была познакомиться с тобой, Люс.

Девушка благодарно улыбнулась, с радостью пообещала мисс Софии, что увидится с ней на завтрашнем занятии, и направилась к окнам. Едва расставшись с библиотекаршей, она задумалась о необычной, глубоко личной манере этой женщины, обратившейся к ней по уменьшительному имени.

Она как раз вышла из главного читального зала и проходила между высоких изящных стеллажей с книгами, когда что-то темное и жуткое пронеслось у нее над головой. Она взглянула вверх.

«Нет. Только не здесь. Пожалуйста. Пусть у меня останется хотя бы это место».

Тени появлялись и исчезали, но Люс никогда не бывала твердо уверена в том, что они уже ушли и как долго не появятся.

Она не могла сообразить, что происходит сейчас. Что-то изменилось. Испугалась, да, но не ощущала холода. В сущности, она даже слегка расрумянилась. В библиотеке было тепло, но дело даже не в этом тепле.

Ее взгляд упал на Дэниела.

Он смотрел в окно, стоя спиной к ней, опираясь на подставку, на которой белыми буквами значилось «Особое собрание». Рукава потертой кожаной куртки были поддержаны выше локтей, светлые волосы сияли в свете ламп. Он ссутулил плечи. Люс опять потянуло прижаться к его груди. Она тряхнула головой, отбрасывая это желание, и привстала на цыпочки, чтобы лучше его рассмотреть. Она бы не смогла утверждать со всей определенностью, но, похоже, он что-то рисовал.

Пока она наблюдала за еле заметными движениями его тела, ее нутро едва ли не жгло, будто она проглотила что-то горячее. Интересно, откуда,

вопреки здравому смыслу, столь дикая уверенность, будто Дэниел рисует именно ее.

Не следует к нему подходить. В конце концов, они даже не знакомы, она ни разу с ним не разговаривала. Все их общение до сих пор свелось лишь к одному грубому жесту и паре грязных взглядов. И тем не менее по какой-то причине ей казалось крайне важным выяснить, что там у него, в блокноте.

А затем ее осенило. Сон, который она видела предыдущей ночью. Кратчайший его миг вдруг вернулся к ней. Во сне стояла глубокая ночь, сырая и стылая, а на ней было надето что-то длинное и струящееся. Она прислонялась к занавешенному окну в незнакомой комнате. Еще там находился мужчина или мальчик. Люс так и не увидела его лица. Он делал наброски к ее портрету в толстом альбоме. Волосы. Шея. Четкий контур профиля. Она стояла за его спиной слишком испуганная и не решалась дать ему понять, что смотрит и слишком заинтригована, чтобы отвернуться.

Люс дернулась вперед, когда что-то ущипнуло ее сзади за плечо, а потом пронеслось над головой. Тень явилась вновь, черная и плотная, словно занавес.

Сердце девушки заколотилось так сильно, что грохот в ушах перекрыл мрачный шелест и звук собственных шагов. Дэниел оторвал взгляд от блокнота и, казалось, посмотрел прямо туда, где нависала тень. Однако, в отличие от Люс, не вздрогнул.

Разумеется, он же не видел тень, а спокойно смотрел куда-то за окно.

Жар внутри разгорался все сильнее. Люс казалось, будто она стоит уже настолько близко к парню, что он может почувствовать волну тепла от ее кожи.

Тихо, насколько было возможно, она попробовала заглянуть ему в блокнот через плечо. На краткий миг разум увидел карандашный набросок изгиба ее собственной шеи. Но потом она моргнула, и когда взгляд вновь вернулся к блокноту, только и оставалось, что сглотнуть.

Это оказался пейзаж. Дэниел рисовал вид из окна на кладбище в почти безукоризненных подробностях. Люс никогда не видела ничего, что настолько бы опечалило ее.

И сама не понимала, почему. Ну не безумие ли ожидать, что ее причудливая догадка окажется верной? Это уж слишком, даже для нее. У Дэниела нет причин рисовать ее. И она это знает, так же как и то, что у него не было причин демонстрировать ей утром неприличный жест. Но он ведь сделал это.

— Что ты здесь делаешь?

Дэниел закрыл блокнот и серьезно смотрел на нее. Полные губы сжались в черточку, серые глаза, казалось, потускнели. Тем не менее он не выглядел сердитым – скорее, обессиленным.

– Я хотела взять книгу из особого собрания, – подрагивающим голосом ответила она.

Но, оглядевшись, быстро поняла собственную ошибку. Особое собрание оказалось частью библиотеки, отведенной под художественную выставку о гражданской войне. Они с Дэниелом стояли в крошечной галерее, образованной бронзовыми бюстами героев войны и стеклянными шкафами, заполненными старыми долговыми обязательствами и картами конфедерации. Единственный уголок библиотеки, где не было ни одной книги.

– Что ж, удачи тебе в этом, – пожелал Дэниел, вновь раскрывая блокнот, будто заранее прощаясь.

От смущения Люс лишилась дара речи и предпочла бы сбежать. Но, вот беда, поблизости все еще таились тени, а рядом с Дэниелом ей почему-то было спокойнее. Это бессмысленно. Можно подумать, он мог что-то сделать, чтобы защитить ее от них.

Люс застыла, словно прикипев к тому месту, где стояла. Дэниел снова поднял на нее взгляд и вздохнул.

– Позволь поинтересоваться, любишь ли ты, когда к тебе подкрадываются?

Люс подумала о тенях и о том, как они прямо сейчас с ней поступают, и отрицательно замотала головой.

– Ладно. Так вот, я тоже.

Он прочистил горло и выразительно уставился на нее, явно намекая на то, что она тут лишняя.

Возможно, ей удастся объясниться: дескать, слегка закружилась голова и ей просто необходимо на минутку присесть.

– Послушай, можно мне... – начала было Люс. Дэниел подхватил блокнот и поднялся.

– Я пришел сюда, чтобы побыть в одиночестве. Если ты не собираешься уходить, уйду я.

Он запихнул блокнот в рюкзак. Проходя мимо, задел ее плечом. Даже при столь кратком прикосновении, даже сквозь слои надетой на обоих одежды, Люс кольнуло словно электричеством.

На миг Дэниел тоже замер. Потом они обернулись друг на друга. Люс открыла рот. Но, прежде чем успела заговорить, парень круто развернулся

и поспешно направился к двери. Она увидела, как тени роятся у него над головой, кружатся, а потом вылетают в ночь сквозь окно.

Люс содрогнулась от холодка, оставшегося после них, и еще долго стояла в галерее особого собрания, ощупывая плечо там, где его коснулся Дэниел, ощущая, как спадает пылавший внутри нее жар.

Глава 4. Кладбищенские работы

Ах, вторник. Вафельный день. Сколько Люс себя помнила, летние вторники означали свежий кофе, полные до краев мисочки с малиной и взбитыми сливками и нескончаемую стопку хрустких золотисто-коричневых вафель. Даже этим летом, когда родители стали держаться так, словно слегка побаивались ее, на вафельный день тем не менее можно было положиться. Утром во вторник она, находясь в постели, могла перевернуться на другой бок и, прежде чем осознать что-то еще, безотчетно понять, какой сегодня день.

Люс принялась, медленно приходя в чувство, повторила с несколько большим тщанием. Нет, запаха теста не было, равно как и никакого другого, помимо кислой нотки отслаивающейся краски. Она потерла глаза, отгоняя сон, оглядела свою тесную спальню. Та выглядела словно снимок «до» в телешоу, посвященном обновлению домов. Люс припомнился долгий кошмар, представлявший собой понедельник. Отказ от мобильного телефона, котлетный инцидент и сверкающие глаза Молли в столовой, Дэниел, отмахнувшийся от нее в библиотеке. Девушка представления не имела, почему он такой злой.

Она села, выглядывая из окна. Было еще темно. Солнце даже не выглянуло из-за горизонта. Она никогда не просыпалась так рано. Если вдуматься, она сомневалась, сможет ли припомнить хоть один виденный ею рассвет. Сказать по правде, что-то в любовании рассветами всегда вызывало у нее тревогу. А именно – мгновения ожиданий перед тем, как покажется солнце, сидение в темноте и разглядывание неба поверх кромок деревьев. Лучшее время для теней.

Люс, тоскуя по дому, издала одинокий вздох, отчего лишь еще больше затосковала, проникшись одиночеством. И что теперь с собой делать целых три часа между рассветом и первым уроком? Рассвет. Почему это слово так звенит у нее в ушах? Ох, гадство. Ей полагается отрабатывать наказание.

Она выбралась из постели, споткнувшись о сумку, по-прежнему не распакованную, выдернула очередной унылый черный свитер из стопки унылых черных свитеров. Натянула вчерашние черные джинсы, поморщилась, заметив в зеркале, в каком беспорядке пребывают волосы после сна, и на ходу попыталась расчесать их пальцами.

Она уже задыхалась, когда добралась до замысловато украшенных кованых ворот кладбища, доходящих ей до пояса. Ее душили все

заполонившая вонь скунсовой капусты^[3] и невыносимое одиночество. А где все остальные? Или их понятие о рассвете чем-то отличается от ее? Она покосилась на наручные часы. Уже шесть пятнадцать.

Ей велели просто явиться на кладбище. Люс была совершенно уверена, что это единственный вход. Стоя в воротах, где зернистый асфальт парковки уступал место ухабистой, заросшей сорняками земле, девушка заметила одинокий одуванчик, и ей пришлось на ум, что еще несколько лет назад она бы сразу набросилась на него, загадала желание и подула. Но желания нынешней Люс казались слишком тяжелыми для чего-то настолько воздушного.

Кладбище от парковки отделяли хрупкие воротца. Довольно-таки занимательно для школы с таким количеством колючей проволоки повсюду. Люс провела ладонью по воротам, прослеживая пальцами замысловатый цветочный узор. Должно быть, они простояли здесь со времен гражданской войны, о которых говорила Арриана, а на кладбище хоронили павших солдат. Когда примыкающая к нему школа не служила домом для неуправляемых психов. Когда все это место было не столь заросшим и тенистым.

Странное дело, территория школы была плоской, как лист бумаги, зато кладбище имело вогнутую форму, напоминающую чашу. Отсюда виднелись все его обширные склоны, усеянные рядами простых надгробных камней, словно стадион зрителями.

Тем не менее по мере приближения к центру ровные проходы в нижней точке кладбища превращались в лабиринт резных памятников побольше, мраморных статуй и мавзолеев, возможно, принадлежащих офицерам конфедерации или состоятельным солдатам. Вблизи они вполне могли оказаться красивыми. Но отсюда казалось, будто один их вес увлекает кладбище вниз, как если бы все это место затягивало в водосток.

Шаги за спиной.

Люс поспешно обернулась к коренастой, одетой в черное фигуре, появившейся из-за дерева. Пенн! Она едва удержалась от порыва броситься к девушке на шею, поскольку еще никогда так не радовалась при виде кого-то, хотя казалось невероятным, что Пенн могла заработать взыскание.

– Ты не опаздываешь? – та остановилась в нескольких футах от Люс и в сочувственном удивлении покачала головой.

– Я тут уже десять минут стою. Может, это ты опаздываешь?

Пенн ухмыльнулась.

– Вот уж нет, я просто рано встаю. Никогда не зарабатывала

наказаний.

Она пожала плечами и поправила фиолетовые очки на носу.

– А вот ты получила вместе с еще пятью несчастными, которые, вероятно, с каждой минутой злятся все больше, дожидаясь тебя у обелиска.

Она привстала на цыпочки и показала на огромное каменное сооружение за спиной Люс, поднимающееся из самой глубокой части кладбища. Прищурившись, ей едва удалось различить несколько черных фигурок, собравшихся там.

– Мне сказали, встречаемся на кладбище, – принялась оправдываться Люс, уже чувствуя себя подавленно. – Никто не объяснил, куда идти.

– Я тебе говорю, к обелиску. А теперь спускайся, – посоветовала Пенн. – Ты не заведешь много друзей, если будешь расстраивать их планы на утро больше, чем уже успела.

Люс сглотнула. Отчасти хотелось попросить Пенн показать дорогу. Отсюда кладбище казалось сущим лабиринтом, и она побаивалась там заблудиться.

Внезапно ее вновь посетило тревожное чувство, говорящее ей, как далеко она от дома. Люс знала, что дальше будет только хуже. Медля, она похрустела суставами пальцев.

– Люс, ты все еще здесь.

Люс попыталась ответить храброй благодарной улыбкой, но была вынуждена удовольствоваться неловкой гримасой. А затем поспешила вниз по склону к центру кладбища.

Солнце все еще не взошло, но заря уже занималась. Эти последние предрассветные мгновения всегда пугали Люс больше всего. Она миновала последний ряд простых надгробий. Некогда они, должно быть, стояли ровно, но в настоящее время обветшали настолько, что большая их часть опрокинулась в ту или другую сторону, так что вместе они выглядели словно россыпь чудовищных костяшек домино.

Она зашлепала черными кедами по грязным лужам, зашуршала листвой. К тому времени, как она миновала простые захоронения и зашагала дальше среди украшенных могил, земля более-менее выровнялась. Люс окончательно потерялась, замедлила шаг, пытаясь перевести дух. Голоса. Если она успокоится, сможет расслышать голоса.

– Еще пять минут, и я уйду, – заявил какой-то парень.

– Как ни жаль, но ваше мнение не имеет значения, мистер Спаркс, – возразил раздраженный голос, который Люс помнила по вчерашним занятиям.

Мисс Тросс. «Альбатрос». После котлетного инцидента девушка опоздала на ее урок и произвела не лучшее впечатление на строгую шарообразную преподавательницу естественных наук.

– Если только кто-нибудь не желает лишиться социальных привилегий на всю неделю, – среди могил послышались стоны, – мы терпеливо дождемся, когда мисс Прайс удостоит нас своим присутствием, как если бы нам больше нечем было заняться.

– Я здесь, – задыхаясь, объявила Люс, наконец огибая огромную статую херувима.

Мисс Тросс, облаченная, как и вчера, в балахонистое черное платье, стояла, уперев руки в бока. Ее редкие, мышиного цвета волосы облепили череп, а тусклые карие глазки при появлении девушки выразили лишь раздражение. Биология всегда плохо давалась Люс, и пока ей не удалось ничем отличиться на уроках у мисс Тросс.

За спиной у Альбатрос обнаружили Арриана, Молли и Роланд, которые расположились на кольце постаментов, обращенных к огромной статуе ангела посередине. В сравнении с остальными памятниками этот казался новее, белее и величественнее. К рельефному ангельскому бедру прислонился Дэниел.

Люс едва не упустила его из вида.

На нем красовались та же потрепанная черная кожанка и ярко-красный шарф, за который она зацепилась взглядом вчера. Люс обратила внимание на его взлохмаченные светлые волосы, выглядящие так, будто он не пригладил их после сна. Задумалась о том, как выглядит Дэниел. И вспыхнула таким отчаянным румянцем, что к тому времени, как взгляд, наконец, спустился с прически к глазам, чувствовала себя совершенно униженной.

Дэниел гневно воззрился на нее.

– Простите, – выпалила Люс. – Я не знала, где мы должны встретиться. Клянусь.

– Довольно, – оборвала мисс Тросс, чиркнув пальцем поперек горла. – Ты уже потратила вполне достаточно чужого времени. Итак, я уверена, каждый из вас помнит, какой прискорбно неблагоприятный поступок привел его сюда. Можете поразмышлять об этом в течение следующих двух часов за работой. Разбейтесь по парам. Что делать, вы знаете.

Она посмотрела на Люс и тяжело вздохнула.

– Ладно, кто хочет подопечную?

К ужасу девушки, все учащиеся уставились себе под ноги. Однако позднее, после мучительно долгой минуты, из-за угла мавзолея выступил пятый из них.

– Я. Кэм.

Черная футболка с треугольным вырезом туго обтягивала его широкие плечи. Он почти на фут возвышался над Роландом, отпрянувшим, когда Кэм протиснулся мимо него и направился к Люс, не отрывая от нее взгляда. Он шел вперед, двигаясь плавно и уверенно, настолько же непринужденно ощущая себя в этом наряде исправительной школы, насколько неуютно было Люс. Она хотела опустить глаза, смущаясь оттого, как Кэм уставился на нее. Но ее будто заворожило, и ей не удалось отвести взгляд.

Пока между ними не встала Арриана.

– Отвали, – заявила она. – Я вызвалась первой.

– Неправда, – возразил Кэм.

– Да, вызвалась, просто ты меня не услышал со своего дурацкого насеста, – затараторила она. – Я ее хочу.

– Я... – начал было Кэм.

Арриана выжидающе склонила голову. Люс сглотнула. Он что, тоже собирается заявить свои права на нее? Неужели нельзя оставить все так, как есть? Скажем, отработать наказание втроем?

Кэм потрепал Люс по руке.

– Я нагоню тебя попозже, ладно? – бросил он, словно это было обещание.

Остальные ребята спрыгнули с могил, на которых сидели, и направились к сараю. Люс последовала за ними, держась ближе к Арриане, протянувшей ей грабли.

– Итак, предпочитаешь ангела мщения или мясистых обнимающихся любовников?

Она и словом не обмолвилась о вчерашних событиях или собственной записке. Люс решила не поднимать никаких вопросов, подняла взгляд, обнаружив с двух сторон от себя пару огромных статуй. Ближайшая напоминала работы Родена. Обнаженные мужчина и женщина стояли, прижавшись друг к другу, в объятиях. В Довере она изучала французскую скульптуру и всегда находила работы Родена одними из самых романтических. Но теперь ей было трудно смотреть на обнимающихся влюбленных, не думая о Дэниеле.

Дэниел. Ненавидящий ее. Если это и нуждалось в каких-то доказательствах после того, как он буквально вылетел из библиотеки

прошлой ночью, достаточно вспомнить сердитый взгляд, которым он одарил ее сегодняшним утром.

– А где ангел мщения? – со вздохом спросила она Арриану.

– Отличный выбор. Вон там.

Арриана подвела ее к массивной мраморной скульптуре, изображающей ангела, который спасает землю от удара молнии. Скульптура эта вполне могла бы претендовать на достойное внимания произведение искусства в те времена, когда ее изваяли, однако теперь выглядела старой, к тому же запачканной и замшелой.

– Я не уловила, что мы должны делать?

– Скрести и мыть, – едва ли не пропела Арриана. – Мне нравится делать вид, будто я купаю их в ванне.

С этими словами она вскарабкалась на огромного ангела, забросив ноги на его отвращающую молнию руку, как если бы вся скульптура была могучим древним дубом, пригодным для лазания.

Опасаясь, как бы мисс Тросс не подумала, что она ищет на свою голову новых неприятностей, Люс принялась орудовать граблями у подножия статуи, пытаясь расчистить бесконечную грудку листьев.

Три минуты спустя руки уже изнывали от усталости. Она определенно оделась не самым подходящим образом для столь грязного физического труда. Люс никогда не получала взысканий в Довере, но, судя по тому, что слышала, они состояли из заполнения листка бумаги несколькими сотнями строк вроде «Я не буду списывать работы из Интернета».

Жестокое наказание. Особенно если учесть, что столкновение с Молли в кафетерии было случайным. Она пыталась воздерживаться от поспешных суждений, но счищать грязь с могил людей, которые вот уже более века как мертвы? Сейчас Люс искренне ненавидела собственную жизнь.

Затем поддразнивающий солнечный луч наконец-то просочился сквозь кроны деревьев, и кладбище внезапно обрело цвет. Люс мгновенно сделалось легче. Теперь она видела дальше, чем на десять футов вокруг себя. В частности видела Дэниела, работающего плечом к плечу с Молли.

Сердце Люс упало. Ощущение легкости растаяло. Она посмотрела на Арриану, которая, продолжая трудиться, ответила ей сочувственным взглядом.

Что-то вроде «и это пройдет».

– Эй, – громко прошептала Люс.

Арриана прижала палец к губам, а жестом предложила девушке

забраться ближе к ней.

С куда меньшей ловкостью и изяществом Люс ухватила за руку статуи и вскарабкалась на постамент.

– А что, Дэниел дружит с Молли? – шепотом поинтересовалась она, окончательно убедившись, что не навернется вниз.

Арриана фыркнула.

– Да ни в жизнь, они терпеть друг друга не могут. А почему ты спросила?

Люс указала на тех двоих, отлынивающих от очистки могилы от грязи. Они стояли рядышком, опираясь на грабли, и вели беседу, которую ей отчаянно хотелось бы подслушать.

– По мне, так они похожи на друзей.

– Это же взыскание, – решительно отрезала Арриана. – Приходится разбиваться на пары. Думаешь, Роланд дружит с этим приставайкой?

Она указала на Роланда и Кэма. Те, судя по всему, спорили, как лучше поделить работу над статуей влюбленных.

– Товарищи по взысканию не равняются товарищам по жизни.

Арриана оглянулась на Люс, заметно поникшую, несмотря на все ухищрения сохранять невозмутимость.

– Послушай, Люс, я не имела в виду... Ладно, если не брать в расчет тот факт, что ты вынудила меня потратить впустую двадцать минут с утра, ничего против тебя не имею. На самом деле я считаю тебя посвоему занятой. Вроде как новое лицо. То есть я не знаю, чего ты ожидаешь от «Меча и Креста» в плане сопливо-слезливой дружбы. Но, позволь, я скажу тебе это первой: все не настолько просто. Люди, попадающие сюда, имеют свой багаж. Я говорю не о багаже из разряда «зарегистрируйтесь у стойки» и «заплатите штраф, поскольку это весит больше пятидесяти фунтов». Улавливаешь?

Люс смущенно пожала плечами.

– Я всего лишь спросила. Арриана фыркнула.

– Ты что, все и всегда принимаешь в упрек? Интересно, что ты такого натворила, чтобы загреметь сюда?

Люс совершенно не хотелось об этом говорить. Возможно, Арриана права, и ей лучше не пытаться ни с кем подружиться. Она слезла на землю и вернулась к сражению со мхом у подножия статуи.

К несчастью, Арриана была заинтригована. Она тоже прыгнула вниз и накрыла грабли Люс собственными, пригвоздив их к месту.

– О, ну скажи-скажи-скажи, – поддразнила она. Их лица оказались совсем близко друг к другу. Это напомнило Люс о вчерашнем дне, когда

она склонялась над корчащейся в судорогах Аррианой. Это же кое-что значило для них обеих, разве нет? И еще она отчаянно хотела с кем-то поговорить. Лето в доме родителей было таким долгим и напряженным. Девушка вздохнула, уткнувшись лбом в рукоятку граблей.

Солоноватый тревожный привкус заполнил рот, однако сглотнуть его не удавалось. Последний раз она углублялась в подробности по решению суда и предпочла бы сразу все забыть, но чем дольше Арриана сверлила ее взглядом, тем четче складывались и легче срывались с языка слова.

И, набрав в грудь больше воздуха, Люс пустилась в объяснения.

– Однажды вечером я была с другом. И произошло что-то ужасное. В общем, случился пожар. Я выбралась, а он нет.

Арриана зевнула. Похоже, ее эта история напугала куда меньше, чем Люс.

– В любом случае потом я не могла вспомнить подробностей того, как это произошло. Что мне удалось... По крайней мере, так я сказала судье... Думаю, они сочли меня сумасшедшей.

Люс попыталась улыбнуться, но улыбка вышла вымученной.

К ее удивлению, Арриана положила руку ей на плечо и сжала. И на миг выражение ее лица стало по-настоящему искренним. Но вскоре вернулось к прежней усмешке.

– Всех нас порой недооценивают, – Арриана ткнула Люс пальцем в живот. – Знаешь, мы с Роландом как раз недавно говорили о том, что у нас нет ни одного приятеля-пироманьяка. А всем известно, что без хорошего пироманьяка в исправительной школе не устроить ни одной проказы, стоящей усилий.

Она явно уже что-то задумала.

– Роланд думал, может, тот другой новичок, Тодд, но я предпочитаю поставить на тебя. Всем нам порой приходится сотрудничать.

Люс сглотнула. Она не была пироманьяком. И ее уже вымотал рассказ о прошлом, ей совершенно расхотелось защищаться.

– О-о-о, только погоди, пока об этом не услышит Роланд, – воскликнула Арриана, отшвырнув грабли. – Будто исполнилась наша мечта.

Люс открыла было рот, чтобы возразить, но подруга уже исчезла.

«Превосходно», – подумала девушка, прислушиваясь к хлюпанью грязи под ботинками.

Оставались считанные минуты до того, как слух разнесется по всему кладбищу и достигнет ушей Дэниела.

Оставшись в одиночестве, Люс посмотрела на статую. Хотя она уже собрала огромную кучу мха и перегноя, ангел выглядел еще грязнее, чем прежде. Это занятие казалось таким бессмысленным. Сомнительно, чтобы кто-нибудь вообще собрался бы навестить это место. А еще она сомневалась, что кто-то из наказанных до сих пор трудится.

По чистой случайности ее взгляд упал на Дэниела, который действительно трудился. Весьма прилежно орудовал проволоочной щеткой, счищая плесень с бронзовой надписи на могиле. Он даже закатал рукава свитера. Люс наблюдала, как напрягаются за работой его мышцы. Она вздохнула и, не в силах удержаться, облокотилась на каменного ангела, чтобы еще понаблюдать за ним.

«Он всегда был таким трудолюбивым».

Люс поспешно затрясла головой. Откуда пришла эта мысль и что она означает? Тем не менее именно ей пришло это в голову. Фраза из тех, что порой возникали в ее сознании перед тем, как она засыпала. Бессмыслица, которую никогда не удавалось приписать ничему существующему наяву. Но сейчас-то она не спит.

Необходимо справиться с этим пунктиком насчет Дэниела. Она знает его всего один день, но уже явно соскальзывает в некое странное незнакомое место.

– Может, лучше держаться от него подальше? – предложил холодный голос из-за спины.

Люс резко обернулась и обнаружила Молли, застывшую в той же позе, что и вчера: руки в боки, раздувающиеся проколотые ноздри. Пенн объяснила ей, что удивительные правила «Меча и Креста», позволяющие пирсинг на лице, проистекают из нежелания директора отказываться от бриллиантового гвоздика в ухе.

– Кого? – переспросила она, понимая, насколько это глупо.

Молли закатила глаза.

– Просто поверь, когда я говорю, что запасть на Дэниела – крайне, крайне плохая идея.

И, не дожидаясь ответа, та исчезла. Но Дэниел, словно услышав собственное имя, смотрел прямо на Люс. И вдруг направился в ее сторону.

Она знала, что солнце зашло за облако. Если удастся отвести взгляд, можно посмотреть вверх и убедиться в этом. Но девушка была не в состоянии посмотреть ни вверх, ни в сторону, и почему-то приходилось щуриться, чтобы видеть его. Как если бы Дэниел излучал свет и слепил ее. Гулкий звенящий шум заполнил ее уши, колени подкашивались.

Она хотела подобрать грабли и прикинуться, будто не замечает его

приближения. Но было уже слишком поздно для убедительного притворства.

– Что она тебе сказала?

– Хм, – уклончиво отозвалась Люс, отчаянно пытаюсь измыслить какую-нибудь правдоподобную ложь. Безуспешно.

Она хрустнула суставами пальцев. Дэниел накрыл ее ладони своей.

– Терпеть не могу, когда ты так делаешь.

Люс невольно отпрянула. Его рука не задержалась. Однако этого хватило, чтобы ее лицо зарделось. Он имел в виду свой пунтик в виде хруста суставов. Любой человек досадил бы ему этим, верно? Следовательно, утверждение, что он терпеть не может, когда так делает именно она, подразумевает то, что он прежде уже видел, как она так делает. Интересно, при каких обстоятельствах? Они едва знакомы.

В таком случае почему ей кажется, будто они уже как-то спорили на эту тему?

– Молли посоветовала мне держаться от тебя подальше, – наконец ответила она.

Дэниел покачал головой, видно, обдумывая причину.

– Возможно, она права.

Люс вздрогнула. Над ними проплыла тень, омрачив лицо ангела достаточно надолго, и она забеспокоилась, зажмурилась и попыталась дышать, молясь, чтобы Дэниел не заметил никаких странностей.

А внутри нее нарастал ужас. Хотелось бежать, но она не могла: мало ли, вдруг заблудится на кладбище.

Дэниел проследил за ее взглядом, устремленным к небу.

– Что там?

– Ничего.

– Так что, ты собираешься это делать? – любопытствовал он, с вызовом скрестив руки на груди.

– Что именно?

«Бежать?».

Дэниел шагнул к ней. Теперь между ними оставалось меньше фута. Люс затаила дыхание. Застыла. В ожидании.

– Собираешься держаться от меня подальше? Это прозвучало едва ли не так, как если бы он с ней заигрывал.

Только Люс пребывала не в духе. Лоб взмок, она сжимала пальцами виски, пытаюсь вернуть себе власть над собственным телом и освободиться от его влияния. Она оказалась катастрофически не готова любезничать в ответ. Если, конечно, он в самом деле с ней заигрывал.

Она отступила на шаг.

– Полагаю, что так.

– Я не расслышал, – шепнул он, вскинув бровь и подходя ближе.

Люс снова попятилась, на этот раз дальше. Она едва не врезалась в постамент, так что зернистая каменная ступня ангела уперлась ей в спину. Вторая, более мрачная и холодная, тень пронеслась над ними. Девушка была готова поклясться, что Дэниел вздрогнул вместе с ней.

А потом обоих переполошил низкий стон чего-то тяжелого. Люс вскрикнула, когда верхняя часть мраморной скульптуры качнулась над ними, словно ветка дерева на ветру. На миг она словно зависла в воздухе.

Люс и Дэниел застыли, во все глаза уставившись на статую. Оба понимали, что та вот-вот опрокинется. Голова ангела слегка склонилась в их сторону, словно в молитве, а потом он с нарастающей скоростью обрушился вниз целиком. Рука Дэниела уверенно легла на талию Люс, словно он точно знал, где она начинается и заканчивается. Второй ладонью он накрыл ей голову и с силой пригнулся в тот самый миг, когда ангел окончательно рухнул. Как раз в то место, где они только что стояли. Статуя приземлилась с оглушительным грохотом, головой в грязь, хотя ноги по-прежнему крепились на постаменте. Словом, под ней остался небольшой треугольный просвет, где и укрылись Дэниел с Люс. Оба тяжело дышали, сидя на корточках нос к носу. В глазах Дэниела плескался страх. Между их спинами и статуей остался зазор всего в пару дюймов.

– Люс.

Ей удалось лишь кивнуть в ответ. Его глаза сузились.

– Что ты видела?

Вдруг возникшая откуда-то рука выволокла Люс из-под статуи. Что-то царапнуло ей спину, вскоре повеяло свежим воздухом, и она вновь увидела дневной свет. Компания наказанных стояла, разинув рты, только мисс Тросс сверлила ее гневным взглядом.

Кэм помог девушке подняться.

– Ты цела? – он окинул ее взглядом в поиске синяков и ссадин и стряхнул с ее плеча прилипшую грязь. – Я увидел, как падает статуя, и Дэниел бросился сюда, чтобы попробовать ей помешать, но она уже... Ты, должно быть, жутко испугалась.

Люс не ответила. Слово «испугалась» лишь отчасти описывало ее состояние.

Дэниел, поднявшись, даже не обернулся посмотреть, в порядке она или нет. Просто зашагал прочь.

У Люс отвисла челюсть, когда она поняла, что он уходит, а остальных вовсе не заботит, не сбежал ли он.

– Что вы натворили? – спросила мисс Тросс.

– Я не знаю. Да мы вообще стояли вон там, – Люс покосилась на учительницу, – м-м, работали. А в следующее мгновение статуя взяла и рухнула.

Альбатрос, бормоча что-то о силах природы и старом камне, склонилась над разбитым ангелом, голова которого треснула ровно посередине.

Но даже после того, как остальные вернулись к работе, Люс продолжал преследовать голос.

Голос Молли, стоящей в нескольких дюймах за ее плечом.

– Похоже, – прошептала она, – кое-кому стоит начать прислушиваться к моим советам.

Глава 5. Внутренний круг

– Не смей меня больше так пугать! – упрекнула Келли Люс вечером в среду.

Перед самым закатом Люс втиснулась в телефонную кабинку «Меча и Креста» – тесный бежевый короб посреди административного корпуса. На уединение это не слишком походило, но, по крайней мере, никто больше не слонялся вокруг. Ее руки все еще ныли после вчерашних трудов на кладбище, а гордость саднила от поспешного бегства Дэниела в следующую же секунду после того, как их извлекли из-под статуи. Но на четверть часа Люс отчаянно пыталась выбросить все это из головы, чтобы впитать каждое благословенно неистовое слово, которое успеет выплюнуть лучшая подруга за отведенное им время. Слушать пронзительный голос Келли было так здорово, и она почти не замечала, что на нее кричат.

– Мы обещали друг другу, что будем говорить едва ли не через каждый час, – обвинительным тоном продолжила Келли. – Я уж думала, тебя там съели заживо! Или, может, запихнули в одиночку в смиренной рубашке, у которой надо прогрызать рукав, чтобы почесать себе лицо. Откуда мне знать, что ты не угодила прямо в девятый круг.

– Ладно-ладно, мамочка, – смеясь, перебила Люс, возвращаясь к своей роли тренера по дыханию для Келли. – Расслабься.

На долю секунды ее накрыло чувство вины из-за того, что не воспользовалась единственным телефонным звонком, чтобы действительно связаться с матерью. Но она не сомневалась: подруга выйдет из себя, если когда-нибудь выяснит, что Люс не ухватила за первую же возможность поговорить с ней. И, как ни странно, ее всегда утешал истеричный голос Келли – одна из многих причин, по которым они так хорошо подходили друг другу. Перехлестывающая через край паранойя лучшей подруги действовала на нее успокаивающе. Люс могла в красках представить Келли в доверской спальне. Вот она расхаживает по ярко-оранжевому ковру с размазанным по лицу кремом, а с влажных после педикюра ногтей цвета фуксии хлопьями облетает пена.

– Не называй меня мамочкой! – оскорбилась Келли. – Ладно, выкладывай. На что похожи остальные ребята? Все страшные и, как в кино, хлещут диуретики? А что насчет уроков? И да, как там кормят?

В трубке на фоне доносилась тема из «Римских каникул», которые Келли смотрела по крошечному телевизору. Любимой сценой Люс всегда

была та, где Одри Хепберн просыпается в комнате Грегори Пека, все еще убежденная, что предыдущий вечер ей просто приснился. Девушка прикрыла глаза и попыталась мысленно воспроизвести этот эпизод.

– «...и ко мне подошел молодой мужчина... – подражая сонному шепоту Одри, процитировала она реплику, которую, несомненно, узнает Келли. – Он был так груб со мной. Но вообще он просто чудо».

– Это все прекрасно, принцесса, но я-то хочу услышать новости о твоём житье-бытье, – поддразнила подруга.

К несчастью, в «Мече и Кресте» не было ничего даже отдаленно напоминающего чудо. Подумав о Дэниеле в, ох, восьмидесятый раз за день, она поняла: единственную параллель между ее жизнью и «Римскими каникулами» можно провести в том, что они с Одри обе связались с агрессивно грубыми и не заинтересованными в них парнями. Люс уткнулась лбом в бежевый линолеум кабинки. Кто-то вырезал на нем слова «настанет и мое время». В обычных обстоятельствах она бы уже выложила Келли все о Дэниеле.

А вот интересно, по какой причине она не сделала этого? Да и соответствовало бы это тому, что действительно произошло между ними?

Келли прекрасно разбирается в парнях, из кожи вон лезущих, чтобы доказать, что они тебя достойны. Она бы захотела услышать, сколько раз он придержал перед Люс открытую дверь, заметил ли, насколько хорошо ее французское произношение. Келли не видела ничего дурного в том, чтобы парни сочиняли слащавые любовные стишки, которые Люс никогда не принимала всерьез. Словом, оказалось, что подруге почти нечего сказать о Дэниеле. Хотя, по сути, Келли куда охотнее выслушала бы рассказ о ком-нибудь вроде Кэма.

– Ну, здесь есть один парень, – прошептала в трубку Люс.

– Я так и знала! – взвизгнула Келли. – Имя? Дэниел. Дэ-ни-ел. Она откашлялась.

– Кэм.

– Прямой, незамысловатый. Так и вижу. Давай по порядку.

– Ну, на самом деле еще ничего такого не было.

– Он считает тебя прекрасной и все такое. А я тебе говорила, что с короткой стрижкой ты похожа на Одри. Переходи к самому интересному.

– Ну...

Люс осеклась, привлеченная звуком шагов в вестибюле. Она вытянула шею, чтобы рассмотреть, кто прервал лучшие пятнадцать минут, выпавшие ей за целых три дня.

В ее сторону направлялся Кэм.

Легко на помине. Она проглотила пугающе бестолковые слова, готовые сорваться с языка: «Он подарил мне медиатор». Тот, кстати, по-прежнему лежал у нее в кармане.

Кэм держался совершенно обыденно, будто по какой-то счастливой случайности не расслышал, что она говорила. Казалось, он единственный в «Мече и Кресте» не переодевал школьную форму сразу же, едва заканчивались занятия. Весь в черном, он смотрелся примерно настолько же хорошо, насколько Люс можно было сравнить с кассиршей из гастронома.

Он крутил золотистые карманные часы на длинной цепочке, надетой на указательный палец. Люс несколько мгновений следила взглядом за яркой дугой, едва ли не загипнотизированная, пока парень не поймал корпус часов в кулак, останавливая их полет. Взглянул на циферблат, потом на нее.

– Прости, – он поджал губы в замешательстве. – Я думал, что записался на звонок ровно в семь. Должно быть, ошибся.

Он пожал плечами.

Сердце Люс упало, когда она посмотрела на собственные наручные часы. Они с Келли вряд ли обменялись полутора десятками слов, а ее пятнадцать минут уже истекают. Как такое может быть?

– Люс! Алло! – нетерпеливо тараторила Келли на другом конце провода. – Ты ведешь себя странно. Что-то недоговариваешь. Ты что, уже нашла мне замену среди этих нахалов из исправительной школы? Как насчет мальчика-то?

– Тсс, – прошипела Люс в телефон и окликнула парня, отодвинув трубку от рта, – Кэм, погоди. Одну секунду, я уже заканчиваю.

Кэм на полпути к двери убрал часы в нагрудный карман черного блейзера и направился обратно к Люс. Услышав голос Келли, надрывающийся в динамике, он приподнял брови и рассмеялся.

– И не смей бросать трубку, – возмущалась та. – Ты мне так ничего и не рассказала. Ничего!

– Я не хотел бы никого сердить, – шутя заметил он, кивая на вовсю расходившийся голос из телефона. – Воспользуйся моей очередью, потом как-нибудь вернешь.

– Нет, – поспешно отказалась Люс.

Как бы отчаянно ни хотелось продолжить разговор с Келли, она предполагала, что Кэм, вероятно, чувствует то же самое в отношении того,

кому собирается звонить. И, в отличие от многих в школе, этот парень исключительно добр с ней. Ей совершенно не хотелось отбирать у него очередь на звонок, особенно теперь, когда она так разволновалась, что не в состоянии сплетничать о нем с Келли.

– Келли, мне нужно идти. Я перезвоню тебе снова, как только...

Однако к этому времени из трубки уже доносился лишь смутный гудок свободной линии. Телефон был устроен таким образом, чтобы обрывать звонок ровно через пятнадцать минут разговора. Теперь она заметила на аппарате крохотный экранчик, на котором мигали цифры «0:00». Им не удалось даже попрощаться, и вот теперь целую неделю ждать, чтобы позвонить снова. Время в представлении Люс растягивалось словно бездонная пропасть.

– Лучшие друзья навеки? – Кэм прислонился к кабинке рядом с Люс. – У меня три младшие сестренки, я способен буквально учуять этот запах по телефону.

Он подался вперед, будто собирался обнюхать Люс, отчего она прыснула и застыла.

От его неожиданной близости сердце сбилось с ритма.

– Позволь, я угадаю, – Кэм расправил плечи и вздернул подбородок. – Она хотела узнать все о плохих парнях из исправительной школы?

– Нет! – затрясла головой Люс, горячо отрицая всяческие мысли о мальчиках, пока не поняла, что Кэм просто подтрунивает над ней, зарделась и попробовала отшутиться. – То есть я сказала ей, что ни одного хорошего тут не нашлось.

Кэм моргнул.

– Что, собственно, лишь добавляет данному вопросу трепетного волнения, не находишь?

Он, по своему обыкновению, стоял совершенно неподвижно, отчего и Люс замерла на месте, так что тиканье его часов из кармана блейзера казалось куда громче, чем вообще могло быть.

Застывшая рядом с ним девушка внезапно вздрогнула, когда что-то черное влетело в зал. Казалось, тень неторопливо играет в классики на потолочных панелях, затмив сначала одну, потом другую и третью. Черт. Остаться с кем-то наедине, особенно если этот кто-то настолько сосредоточен на ней, как сейчас Кэм, как появляются тени. Это не приведет ни к чему хорошему. В попытках притворяться спокойной, когда тьма кружит в танце вокруг потолочного вентилятора, ей случалось доводить себя до судорог. Но это еще можно было терпеть. Возможно. Но тень вдобавок издавала худший из самых ужасных звуков, похожий на тот, что

однажды слышала Люс, когда при ней выпал из гнезда и убился насмерть совенок. Хотелось, чтобы Кэм перестал смотреть на нее. Чтобы случилось что-нибудь из ряда вон выходящее и отвлекло его внимание. Ей хотелось... чтобы вошел Дэниел Григори.

И он вошел.

Спасена шикарным парнем в драных джинсах и еще более драной белой футболке. Хотя он не слишком-то походил на спасителя: с тяжелой стопкой библиотечных книжек, весь скукоженный, с темными мешками под серыми глазами. По сути, выглядел он едва ли не пьяным. Глаза чуть выглядывали из-под светлой челки и заметно сузились, когда он сфокусировал взгляд на Люс с Кэмом. Она так разволновалась, пытаясь понять, чем на этот раз не угодила Дэниелу, что едва не проморгала важное событие. За мгновение до того, как дверь вестибюля за ним закрылась, тень скользнула в щель и исчезла в ночи. Будто кто-то взялся за пылесос и вычистил из зала песок.

Парень ограничился кивком в их сторону и, не замедлив шага, прошел мимо.

Люс взглянула на Кэма, тот смотрел вслед Дэниелу.

– Чуть не забыл тебе сказать, – вновь обернувшись к ней, произнес он несколько громче, чем необходимо. – Сегодня после общественного я устраиваю в своей комнате вечеринку. Буду рад, если ты придешь.

Дэниел все еще находился в радиусе слышимости. Люс понятия не имела, что за общественная штука имеется в виду, но перед этим необходимо встретиться с Пенн. Они планировали пойти туда вместе.

Ее взгляд прикипел к затылку Дэниела. Она знала, что ответить Кэму насчет вечеринки. На самом деле это не так уж сложно. Как вдруг Дэниел обернулся и посмотрел на нее. В его глазах она, без сомнения, прочитала скорбь.

За ее спиной зазвонил телефон. Кэм потянулся за трубкой.

– Я должен подойти, Люс. Так ты придешь? Дэниел едва заметно кивнул.

– Да, – подтвердила Люс. – Да.

* * *

– Я по-прежнему не понимаю, почему мы должны бежать, – задыхаясь, выговаривала Люс двадцатью минутами позже.

Она пыталась не отставать от Пенн, пока они пробирались по

школьному двору к аудитории, где должно было состояться загадочное «общественное мероприятие в среду вечером», о котором ей так никто ничего и не рассказал. Она едва успела подняться к себе, чтобы воспользоваться блеском для губ и натянуть лучшие джинсы на случай, если это событие того самого рода. Она все еще не могла отдышаться после столкновения с Кэмом и Дэниелом, когда в комнату ворвалась Пенн и выдернула ее за дверь.

– Те, кто постоянно опаздывает, не понимают, каким именно образом нарушают планы нормальных, пунктуальных людей, – заявила она, пока они с Люс преодолевали особенно сырой участок газона.

– Ха! – раздался смешок сзади.

Люс оглянулась и просияла, обнаружив бледную тощую фигурку Аррианы, рысцой нагоняющую их.

– Что за шарлатан объявил тебя нормальной, Пенн?

И она локтем подтолкнула Люс, указав вниз.

– Осторожней, болото!

Девушка с плеском остановилась, едва не вляпавшись в пугающе грязную лужу на газоне.

– Кто-нибудь, пожалуйста, объясните мне, куда мы идем?!

– Вечер среды, – невозмутимо поведала Пенн. – Общественный вечер.

– Вроде танцев или чего-то подобного, что ли? – перед мысленным взором Люс уже мелькали образы Дэниела и Кэма.

Арриана присвистнула.

– Танцы со смертью от скуки. Термин «общественный» – это классическое лицемерие «Меча и Креста». Смотри, от них требуется составлять для нас график общественных мероприятий, а они при этом панически боятся, что мы всем обществом примем меры. Вот незадача-то!

– А взамен, – добавила Пенн, – они завели эти по-настоящему ужасные мероприятия. Что-то вроде вечерних фильмов, за которыми следует лекция о просмотренном, или, боже мой, помнишь прошлый семестр?

– Когда они затеяли целый симпозиум по таксидермии?

– Жуткое, жуткое дело, – покачала головой Пенн.

– Этим вечером, дорогая моя, – протянула Арриана, – мы отделаемся легко. Все, что от нас требуется, – прохрапеть один из трех фильмов, которые по очереди крутят здесь. Как ты думаешь, Полпенни, что ждет нас сегодня? «Человек со звезды»? «Джо против вулкана»? Или «Уикенд у

Берни»?

– «Человек со звезды», – простионала Пенн. Арриана недоуменно покосилась на Люс.

– И все-то она знает.

– Погодите, – Люс на цыпочках обогнула болотистую лужу и понизила голос до шепота, поскольку они уже подошли к административному корпусу. – Если вы уже столько раз видели эти фильмы, зачем так торопиться?

Пенн потянула на себя тяжелую железную дверь в «кинозал», что иносказательно обозначало обычную старую комнату с низким панельным потолком и стульями, выстроенными перед пустой белой стеной.

– Не хотелось бы попасться под руку мистеру Коулу, – объяснила Арриана.

Тот уткнулся носом в толстую книгу, а вокруг него оставались единственные свободные места.

– Кто бы туда ни сел, – добавила Пенн, когда они прошли сквозь рамку металлоискателя, – будет вынужден помогать заполнять еженедельные опросы, касающиеся «душевного здоровья».

– Ну, не так уж и плохо, – подхватила Арриана.

– Если бы не приходилось засиживаться допоздна над анализом полученных данных.

– Таким образом пропуская вечеринку, – ухмыляясь, прошептала Арриана, подталкивая Люс в сторону второго ряда.

Наконец они добрались до сути дела. Девушка фыркнула.

– Я о ней слышала. Это же будет в комнате Кэма, верно?

Арриана задумчиво воззрилась на Люс и провела языком по зубам. Затем уставилась ей за спину, едва ли не сквозь нее.

– Эй, Тодд, – окликнула она, помахав кончиками пальцев, и толкнула Люс на сиденье, заняв безопасную позицию рядом с ней (через одно место от мистера Коула) и похлопав по свободному стулу.

– Садись с нами, приятель!

Тодд, переминавшийся с ноги на ногу в дверном проеме, явно обрадовался указанию. Ну хоть какому-то указанию. Сглотнув, он направился к ним. Однако, стоило ему неловко устроиться на стуле, мистер Коул оторвался от книги и протер носовым платком очки.

– Тодд, рад тебя видеть. Я вот подумал, не мог бы ты оказать мне небольшую услугу после просмотра фильма? Видишь ли, диаграммы Венна – весьма полезный инструмент для...

– Блеск! – Пенн втиснула голову между Люс и Аррианой.

Последняя невозмутимо пожала плечами и достала из портплекда огромный пакет воздушной кукурузы.

– Я могу позаботиться лишь о немногих новичках, – она кинула маслянистым зернышком в Люс. – Повезло тебе.

Когда свет в комнате погас, девушка принялась озираться, пока ее глаза не остановились на Кэме. Она подумала об укороченном сеансе сплетен по телефону и о том, как ее подруга всегда утверждала, что посмотреть кино вместе с парнем – лучший способ что-либо узнать о нем, причем о вещах, которые могут и не выясниться за беседой. Глядя на Кэма, Люс решила, что поняла смысл слов Келли. Есть что-то захватывающее в том, чтобы краем глаза подмечать, какие шутки покажутся ему забавными, и смеяться над ними вместе.

Когда их взгляды встретились, смущение едва не вынудило Люс отвернуться. Но, прежде чем она успела это сделать, лицо Кэма озарила широкая улыбка, и ее растерянность удивительным образом исчезла. Когда он помахал ей рукой, Люс невольно задумалась о том, насколько иначе реагировал Дэниел, ловя на себе ее взгляд.

Он явился в компании Роланда после того, как Рэнди пересчитала всех по головам, а единственные свободные места оставались только на полу перед стульями. Дэниел прошел сквозь луч проектора, и Люс впервые заметила на его шее серебряную цепочку и какой-то медальон, убранный за ворот футболки. Он нырнул вниз, полностью скрывшись с ее глаз.

«Человек со звезды» оказался не слишком забавным, зато пародии на Джеффа Бриджеса, которые постоянно разыгрывали учащиеся, – очень даже ничего. Люс было непросто сосредоточиться на сюжете. К тому же ее беспокоило неуютное, леденящее ощущение в области загривка. Вот-вот что-то случится.

Когда тени появились на этот раз, она их уже ожидала, поскольку, задумавшись о них, кое-что подсчитала, загибая пальцы. Они появлялись со все более и более тревожащей частотой, и Люс никак не могла понять, из-за того ли, что ей так беспокойно в «Мече и Кресте», или по другой причине. Никогда прежде дела не обстояли настолько скверно.

Они расползлись под потолком аудитории, соскользнули вдоль краев экрана и наконец растеклись по щелям между половицами, словно пролитые чернила. Люс схватилась за сиденье, ощущая болезненный страх, разливающийся по рукам и ногам. Она напрягла все мышцы, но так и не смогла сдержать дрожь. От прикосновения к левой коленке она обернулась

к Арриане.

– Все в порядке? – одними губами проговорила та.

Люс кивнула и обняла себя за плечи, делая вид, что попросту замерзла. Ей бы хотелось, чтобы действительно было так, но этот особенный холодок не имел ничего общего с чрезмерно рьяным кондиционером «Меча и Креста».

Тени из-под стула подбирались к ее ногам. И там остались до конца фильма. Каждая минута растягивалась в вечность.

* * *

Часом позже Арриана припала к глазку в выкрашенной бронзовым цветом двери в спальню Кэма.

– Ух ты! – посмеиваясь, пропела она. – Да тут веселье!

Из того же волшебного портплекда, откуда явился и пакет с попкорном, она извлекла ярко-розовое боа из перьев.

– Поддержи-ка меня, – велела она Люс. Девушка сцепила пальцы в замок и подставила ладони под черный ботинок Аррианы. Та оттолкнулась от пола и воспользовалась боа, чтобы завесить объектив коридорной камеры видеонаблюдения на то время, пока она шарит позади устройства в поисках выключателя.

– Не то чтобы это выглядело подозрительно, – заметила Пенн.

– Ты вообще за вечеринку или за камеры? – парировала Арриана.

– Я просто пыталась сказать, что существуют способы более остроумные, – фыркнула Пенн, когда та спрыгнула на пол.

Арриана накинула боа на плечи Люс, которая, рассмеявшись, принялась пританцовывать в такт музыке, доносящейся из-за двери. Предложив, в свою очередь, пернатую вещицу Пенн, она, к своему удивлению, обнаружила, что та все еще чем-то обеспокоена. Пенн грызла ногти. У нее взмок лоб. Она носит по шесть свитеров во влажной духоте южного сентября, и ей никогда не бывает жарко.

– В чем дело? – прошептала Люс, наклоняясь к ней.

Пенн потерела краешек рукава, пожала плечами и, похоже, уже собралась ответить, как позади них открылась дверь. Волна табачного дыма, ревушая музыка и неожиданно распахнутые объятия приветствующего их Кэма.

– Ты все-таки пришла, – просиял он.

Даже в тусклом освещении его губы поблескивали, словно измазанные ягодным соком. Когда он притянул ее к себе, она почувствовала себя крохотной и защищенной. Это продлилось лишь секунду; он повернулся, чтобы приветливо кивнуть остальным девушкам. Люс даже ощутила легкий прилив гордости оттого, что именно она удостоилась объятий.

За спиной Кэма тесная темная комнатуха была забита людьми. В одном из углов у проигрывателя обнаружился Роланд, рассматривающий пластинки под ультрафиолетовым светом. У окна обнималась парочка, которую Люс видела во дворе несколькими днями раньше. Парни в строгих белых рубашках сбились в кучку, время от времени поглядывая на девушек. Арриана, не теряя времени, метнулась через всю комнату к столу Кэма, сейчас явно исполняющего обязанности бармена. Буквально в следующее мгновение она уже сжимала между коленями бутылку шампанского и со смехом пыталась выковырять пробку.

Люс растерялась. Ей не случалось пропускать стаканчик даже в Довере, где во внешнем мире царило куда меньше ограничений. Кэм лишь несколько дней назад вернулся в «Меч и Крест», но, похоже, уже выяснил, где добыть все необходимое, чтобы закатить дионисийскую оргию, на которую соберется вся школа. Все остальные почему-то считали это в порядке вещей.

Все еще стоя на пороге, она услышала хлопок, потом восторженные вопли и наконец голос Аррианы.

– Люсинда-а! Иди сюда. Я собираюсь провозгласить тост.

Люс ощущала притягательность вечеринки, зато Пенн казалась куда менее мобильной.

– Давай ты, – предложила она, жестом подталкивая подругу.

– В чем дело? Не хочешь заходить?

По правде сказать, Люс и сама слегка тревожилась, не ведая, что может случиться в подобном месте. Ей определенно было бы легче, если бы Пенн находилась где-нибудь поблизости, поскольку по-прежнему не было уверенности в том, насколько можно положиться на Арриану.

Но Пенн нахмурилась.

– Я тут не в своей тарелке. Не моя стихия. Я бываю в библиотеке, на семинарах по работе с PowerPoint. Если хочешь влезть в какой-нибудь файл, я к твоим услугам. А это, – она привстала на цыпочки и заглянула в комнату, – ну, не знаю. Народ здесь считает меня просто какой-то всезнайкой.

Люс, насколько могла, недоверчиво нахмурилась.

– А меня они считают котлетой, а мы их – полными придурками. Разве

не чудесно мы все поладим?

Пенн медленно улыбнулась, взяла-таки боа и накинула его на плечи.

– О, тогда хорошо, – и она переступила порог перед подругой.

Люс поморгала, пока глаза не привыкли к освещению. В комнате царила суцая какофония, тем не менее смеющийся голос Аррианы слышался отовсюду. Кэм захлопнул дверь и потянул девушку за руку в сторону от веселящейся компании.

– Я действительно рад, что ты пришла, – повторил он, кладя руку ей на талию и склоняясь так, чтобы она могла расслышать его в тотальном гаме.

Его губы казались такими притягательными, особенно когда произносили что-то вроде «я подпрыгивал всякий раз, когда кто-то стучал, в надежде, что это окажешься ты».

Что бы в ней ни привлекло Кэма, Люс совершенно не хотелось этому помешать. Его все любили, он оказался неожиданно заботливым, а его внимание более чем льстило ей. С ним она почувствовала себя спокойнее в этом странном новом месте, осознав, что, если попробует ответить на его комплимент, запутается в словах. А потому просто рассмеялась. И он – тоже. Рассмеялся и притянул ее к себе для нового объятия.

Внезапно Люс оказалось некуда пристроить руки, кроме как ему на шею. Голова слегка закружилась, когда он стиснул ее крепче и приподнял так, что оторвал от пола.

Потом поставил обратно. Люс повернулась к остальной компании. Первым, кого она увидела, оказался Дэниел. А ей казалось, что Кэм ему не нравится. Однако он сидел, скрестив ноги, на кровати, его белая футболка сияла в ультрафиолетовом освещении. Стоило глазам остановиться на нем, как их стало трудно отвести от него. Что совершенно не имело смысла, поскольку у нее за спиной стоял шикарный, дружелюбный парень и спрашивал, чего бы она выпила. Так почему бы ей не оторвать взгляд от другого шикарного, но куда менее дружелюбного парня? И он смотрел на нее. Пристально, с загадочным прищуром. Возможно, ей никогда не удастся разгадать его, даже если она увидит его тысячу раз.

Она знала только, как действует на нее этот взгляд. Все остальные словно расплылись перед глазами, и сама она начала таять. Люс могла бы смотреть всю ночь, если бы не Арриана с поднятым стаканом в руке, взобравшаяся на стол и оттуда окликнувшая Люс.

– За Люс, – провозгласила она, невинно улыбаясь подруге, – которая явно отвлеклась и прослушала мою приветственную речь, и так никогда и не узнает, насколько изумительно все прошло. Разве моя речь не изумительна, Ро? – уточнила она у Роланда.

Тот ободряюще похлопал ее по щиколотке.

Кэм вложил в ладонь Люс пластиковый стаканчик с шампанским. Она залилась краской и попыталась обратить все в шутку, вымученно рассмеявшись, когда вся компания принялась вторить Арриане.

– За Люс! За Котлету!

– За Люс, которая так никогда и не узнает, – прошептала Молли, неслышно скользнувшая к уху Люс.

Несколько дней назад Люс отшатнулась бы, но этим вечером лишь закатила глаза и отвернулась. За все это время Молли не произнесла ни единого слова, которое не ужалило бы Люс, но показать это означало раздражить ее. Поэтому она просто присела на один стул с Пенн, протянувшей ей лакричную тянучку.

– Ты только подумай. Кажется, мне действительно весело.

Люс откусила кусочек конфеты и отпила крошечный глоток шипучего шампанского. Не самое приятное сочетание. Вроде них с Молли.

– А Молли со всеми такая злая или я особый случай?

На секунду показалось, будто Пенн собирается ответить как-то иначе, но та похлопала Люс по спине.

– Просто ее обычные очаровательные манеры, милая моя. Не более того.

Девушка окинула взглядом комнату: рекой льющееся шампанское, занятный старомодный проигрыватель, зеркальный шар, вращающийся под потолком и осыпающий лица бликами-звездочками.

– Где они все это раздобыли? – вслух удивилась она.

– Говорят, Роланд может протащить сюда что угодно, – заметила Пенн как о чем-то само собой разумеющемся. – Хотя я никогда ни о чем его не просила.

Возможно, это и имела в виду Арриана, говоря, что Роланд – добытчик. Единственным запрещенным предметом, который отчаянно могла бы захотеть Люс, был мобильник. Правда, Кэм советовал не слушать Арриану насчет того, как все устроено в школе. И, возможно, это стоит принять во внимание. Только вот Роланд столько всего принес на вечеринку. Чем больше она пыталась во всем разобраться, тем меньше видела смысла. Возможно, следует удовольствоваться тем, что она в достаточной мере «в курсе», чтобы ее приглашали на вечеринки.

– Ладно, отщепенцы, – громко объявил Роланд, привлекая общее внимание.

Проигрыватель замолк.

– Мы приступаем к следующей части вечеринки с переходящим микрофоном. Я принимаю заявки на караоке.

– Дэниела Григори! – выкрикнула Арриана.

– Нет! – без промедления откликнулся тот.

– Ох, молчун Григори снова отказывается участвовать, – прокомментировал в микрофон Роланд. – Уверен, что не хочешь исполнить собственную версию «Адский пес идет по моему следу»?

– Думаю, это твоя песня, Роланд.

Он слабо улыбнулся, но Люс показалось, будто улыбка вышла растерянной. Что-то вроде «кто-нибудь, пожалуйста, переключите внимание на себя».

– В чем-то он прав, народ, – рассмеялся Роланд. – Хотя известно, что караоке под Роберта Джонсона способно очистить комнату от людей.

Он выдернул из стопки альбом Р. Л. Бернсайда и задвинул проигрыватель в угол.

– Давайте-ка отправимся на юг.

Когда басы набрали силу, Роланд занял сцену, представляющую собой лишь несколько квадратных футов освещенного луной пола посреди комнаты. Все остальные хлопали в ладоши или топали ногами в такт.

А Дэниел взглянул на часы.

Люс не забыла, как чуть раньше этим же вечером Дэниел кивнул ей в вестибюле, когда Кэм пригласил ее. Будто по какой-то причине хотел ее здесь видеть. И, разумеется, теперь, когда она появилась, не выказывал осведомленности о ее существовании.

Ах если бы только застать его одного!

Роланд успешно завладел вниманием аудитории, и только Люс обратила внимание на то, как посреди песни Дэниел встал, незаметно протиснулся мимо Молли и Кэма и тихо выскользнул за дверь.

Это ее шанс.

Пока остальные аплодировали, девушка медленно поднялась.

– Бис! – выкрикнула Арриана, но, заметив, что Люс встает со стула, добавила: – О, ну надо же, неужели моя девочка хочет спеть?

– Нет!

Люс хотелось петь не больше, чем признать настоящую причину, по которой она встала. Но вот незадача: сейчас она на своей первой вечеринке в «Мече и Кресте», а Роланд сует микрофон ей под нос. И что теперь?

– Мне... мне просто стало, э... жалко Тодда. Ведь он все пропустил.

Ее голос вернулся к ней эхом из колонок. Она уже сожалела о своей

нескладной лжи и о том, что путь к отступлению отрезан.

– Я решила сбегать вниз, посмотреть, не закончили ли они с мистером Коулом.

Похоже, никто из ребят не сообразил, как отнестись к этому заявлению. Только Пенн застенчиво окликнула ее:

– Возвращайся скорее!

Молли свысока ухмыльнулась в фальшивом умилении.

– Любовь чудиков. Как романтично.

Стоп! Они что, решили, что ей нравится Тодд? Впрочем, какая разница?

Не обращая внимания на Молли, девушка поспешила к двери, где столкнулась с Кэмом.

– Составить тебе компанию? – с надеждой спросил он.

Люс покачала головой. В любой другой ситуации она, вероятно, была бы только рада его обществу. Но только не сейчас.

– Я сейчас же вернусь, – воодушевленно заверила она.

И, прежде чем успела заметить его разочарование, выскользнула в коридор. После гама вечеринки тишина зазвенела в ушах. Только спустя секунду ей удалось расслышать приглушенную беседу за углом.

Дэниел. Его голос она узнает где угодно. Правда, в его собеседнике она была уверена куда меньше.

Девушка.

– Ну пра-асти, – протянула та, кем бы она ни была, с отчетливым южным выговором.

Габби?

Дэниел тайком сбежал с вечеринки, чтобы увидеться с крашеной блондинкой Габби?

– Этого больше не повторится, – обещала она, – клянусь.

– Это не должно повториться, – шептал Дэниел, хотя его тон буквально вопил о ссоре влюбленных. – Ты обещала, что будешь там, и не пришла.

Где? Когда? Люс вся извелась. Она осторожно двинулась по коридору, пытаясь не шуметь.

Но эти двое умолкли. Она представляла, как Дэниел берет Габби за руки. Или приникает к ее губам в долгом, искреннем поцелуе. Когти всепоглощающей зависти сдавили ей грудь.

За углом один из них вздохнул.

– Придется довериться мне, милый, – ворковала Габби слащавым

голоском, за который Люс раз и навсегда возненавидела ее. – Никого другого у тебя нет.

Глава 6. Никакого избавления

Ярким ранним утром четверга в коридоре за дверью комнаты Люс с треском ожил репродуктор.

– Внимание, учащиеся «Меча и Креста»!

Люс со стоном перекатилась на другой бок, но, как бы она ни прижимала к ушам подушку, это мало помогало заглушить рывканье Рэнди по системе громкой связи.

– У вас ровно девять минут, чтобы явиться в спортзал для ежегодной проверки физической формы. Как вам известно, мы с неодобрением относимся к опозданиям, поэтому не мешкайте и приготовьтесь к сдаче нормативов.

Проверка физической формы? Сдача нормативов? В полседьмого утра? Люс уже жалела, что так поздно легла прошлой ночью и еще дольше не спала, переживая. А когда представляла, как целуются Дэниел и Габби, ее слегка замутило, впрочем, как всегда, когда она вела себя по-дурацки. Вернуться на вечеринку она не смогла. Только отлепиться от стены, прокрасться в спальню и там обдумать странное чувство, охватывающее ее рядом с Дэниелом, по глупости принятое за некую связь.

Люс проснулась с мерзким послевкусием вечеринки. Меньше всего на свете ей хотелось думать о физкультуре.

Она спустила ноги с кровати на холодный пол. За чисткой зубов попыталась представить, что в «Мече и Кресте» подразумевается под сдачей нормативов. Пугающие образы товарищей по учебе. Молли, с мрачным видом выполняющая множество подтягиваний. Габби, легко взбирающаяся на тридцать футов по канату. Все мелькали перед ее внутренним взором. Единственное, что можно сделать, чтобы снова не выставиться полной дурой, – попробовать выбросить из головы Дэниела и Габби.

Люс пересекла южную часть школьного двора, направляясь к спортзалу, большому готическому строению с аркбутанами и каменными башенками, из-за чего оно больше походило на церковь, чем на место, где можно хорошенько пропотеть.

– Пенн, – окликнула Люс, заметив подругу в спортивном костюме, зашнуровывающую на скамейке кеды.

Она окинула взглядом ее черную одежду и обувь и вдруг испугалась, что прозевала напоминание о форме. Правда, здесь толкуются и другие

учащиеся, по виду не слишком-то отличающиеся от нее самой.

Взгляд Пенн был мутным.

– Как я устала, – стонала она. – Слишком увлеклась караоке прошлой ночью. Решила уравновесить, попытавшись хотя бы выглядеть спортивно.

Люс рассмеялась. Ее подруга неуклюже возилась со вторым узелком на шнурках.

– И все же что с тобой стряслось прошлой ночью? – недоумевала Пенн. – Ты ведь так и не вернулась на вечеринку.

– О, – уклончиво отозвалась Люс, – я решила...

– А-а-ах, – Пенн заткнула уши. – Каждый звук отдается у меня в мозгу, словно отбойный молоток. Расскажешь потом?

– Ага. Конечно.

Двойные двери в спортзал распахнулись. Из них вышла Рэнди в тяжелых резиновых сапогах, с вечным планшетом в руках и жестом велела учащимся подтянуться ближе. Один за другим они подходили к ней, чтобы получить назначение на спортивную секцию.

– Тодд Хаммонд, – объявила она, когда тот добрал до нее на подкашивающихся ногах.

Его плечи обвисли вперед, словно круглые скобки. Люс обратила внимание на остатки въевшегося фермерского загара сзади на его шее.

– Гимнастика, – распорядилась Рэнди, подтолкнув его к входу.

– Пенниуэзер ван Сикль-Локвуд, – прогремела она дальше, вынудив Пенн съежиться и вновь заткнуть ладонями уши. – Бассейн, – сообщила Рэнди, пошарив в стоящей за ее спиной картонной коробке и бросив красный слитный купальник спортивного покроя.

– Люсинда Прайс, – продолжила воспитательница, сверившись с бумагами, и, к облегчению Люс, заключила: – Также бассейн.

Девушка протянула руку, ловя купальник в воздухе. Тот оказался растянутым и пергаментно-тонким на ощупь. Но, по крайней мере, судя по запаху, чистым. Вроде как.

– Гэбриэл Гивенс.

Люс резко обернулась, чтобы увидеть, как наименее любимая особа выступает вперед, облаченная в коротенькие черные шортики и тоненькую маечку. Интересно, как ей удалось заполучить Дэниела, проведя в этой школе всего три дня?

– При-ивет, Рэнди, – Габби, по обыкновению, растягивала слова с говорком, от которого Люс захотелось, в подражание Пенн, заткнуть уши.

«Только не бассейн, – взмолилась она. – Что угодно, только не бассейн».

– Бассейн, – сообщила Рэнди.

Шагая рядом с Пенн к женской раздевалке, Люс пыталась не оглядываться на Габби, которая вертела на указательном пальчике с французским маникюром, похоже, единственный во всей коробке стильный купальник. Вместо этого она сосредоточилась на серых каменных стенах и древней религиозной атрибутике на них. Прошла мимо резных деревянных крестов с барельефными картинами страстей Христовых. На уровне глаз висели ряды поблекших триптихов, на которых выделялись лишь круги нимбов.

Люс подалась вперед, чтобы ближе рассмотреть исписанный латынью длинный свиток под стеклом.

– Воодушевляющее убранство, не находишь? – заметила Пенн, кинув в рот пару таблеток аспирина и запив их глотком воды из припрятанной в сумке бутылки.

– Что это все такое?

– Древняя история. Единственный сохранившийся пережиток тех времен, когда здесь еще проходили воскресные мессы. В годы гражданской войны.

– Это объясняет, почему здание так похоже на церковь, – Люс задержалась перед мраморной репродукцией «Оплакивание Христа» Микеланджело.

– Как и со всем остальным в этой адской дыре. Здесь совершенно бестолково подошли к обновлению. Ну кто вообще, скажи на милость, устраивает бассейн посреди старой церкви?

– Ты шутишь.

– Хотелось бы, – Пенн закатила глаза. – Каждое лето директору взбредает в голову поручить мне переоформление этого места. Он не желает признавать, но все эти религиозные штуки его заметно беспокоят. Беда в том, что, даже если бы мне захотелось в это ввязываться, я бы понятия не имела, что со всем этим делать или хотя бы как убрать это отсюда, не оскорбив, так сказать, всех, включая бога.

Люс вспомнила безукоризненно белые стены доверского спортзала, ряды и ряды профессиональных фотографий с межшкольных соревнований, каждая из которых снабжена темно-синей карточкой с подписью и выставлена в золотистой рамочке. Единственный более чтимый коридор в Довере шел от входа, где были вывешены портреты всех

выпускников, ставших сенаторами штата или получивших стипендию Гутгенхайма^[4], или просто заурядных миллиардеров.

– Ты могла бы повесить тут снимки всех выпускников, сделанные в полицейском участке, – предложила Габби.

Люс рассмеялась забавной и странной шутке, но вдруг вспомнила, как прошлой ночью та заявила Дэниелу, что у него нет никого другого. И поспешно отреклась от малейшего намека на общение с ней.

– Вы отлыниваете! – рявкнула незнакомая тренерша, возникшая словно из ниоткуда.

У нее, во всяком случае, Люс показалось, что это женщина, была копна вьющихся каштановых волос, собранная в хвост, икры, похожие на окорока, и пожелтевшие «невидимые» скобки на верхней челюсти. Она сердито загнала девушек в раздевалку, где выдала каждой висячий замок с ключом и указала на ряд пустых шкафчиков.

– Никто не смеет отлынивать под надзором тренера Дианте.

Люс и Пенн втиснулись в выцветшие мешковатые купальники. Люс содрогнулась при виде собственного отражения в зеркале, закуталась, насколько это удалось, в полотенце.

Выйдя из раздевалки, она внезапно поняла, о чем говорила Пенн. Бассейн оказался гигантским, просто олимпийских размеров, одним из немногих современных сооружений, до сих пор встретившихся ей на территории школы. Правда, Люс, пребывая в благоговейном ужасе, поняла, что примечателен он отнюдь не этим. Его построили прямо посреди того, что некогда было огромной церковью.

Ряд красивых витражных окон, в которых, как оказалось, разбито всего лишь несколько стекол, опоясывал помещение под высоким сводчатым потолком. В каменных стенных нишах горели свечи. Трамплин для прыжков был установлен там, где некогда, вероятно, располагался алтарь. Если бы Люс растили не агностиком, а богобоязненной прихожанкой, как остальных ее друзей из начальной школы, она сочла бы это все кощунством.

Некоторые ребята уже мерили гребками бассейн, хватая ртом воздух. Но ее внимание привлекли те, кто еще и не подходил к воде. Молли, Роланд и Арриана расположились на скамейках, протянувшихся вдоль стен, и над чем-то смеялись до упаду. Роланд от хохота буквально сложился вдвое, Арриана утирала слезы. Им, в отличие от нее, достались куда более симпатичные купальные костюмы, при этом никто из них не горел желанием лезть в бассейн.

Люс затеребила свой мешковатый наряд. Хотелось присоединиться к

Арриане. Однако, пока она взвешивала «за» (возможное вхождение в мир элиты) и «против» (ругань тренера Дианте за сознательное уклонение от упражнений), к компании неторопливо присоединилась Габби. Как если бы уже успела накрепко сдружиться со всеми. Уселась рядышком с Аррианой, вторя им, сразу же рассмеялась, будто уловила шутку, в чем бы та ни заключалась.

– У них всегда находятся записки с освобождением, – пояснила Пенн, мрачно глядя на сборище. – И не спрашивай меня, как это сходит им с рук.

Люс мялась и мешкала у края бассейна, не в состоянии вникнуть в распоряжения тренера Дианте. Поглядывая на Габби и компанию, собравшихся на скамейках в стиле крутых ребят, жалела, что с ними нет Кэма, и представляла, как здорово он смотрелся бы в глянцево-черных плавках. С улыбкой пригласил бы ее присоединиться к ним, отчего она сразу почувствовала бы, что ее не против видеть там, а даже рады.

Девушку терзала потребность извиниться за то, что так рано сбежала с его вечеринки. Что весьма удивительно, ведь они не были парой и ничто не обязывало Люс отчитываться перед Кэмом. Но одновременно ей нравилось, когда он уделяет ей внимание. Нравился его запах, какой-то свежий и свободный, будто едешь ночью в машине с открытыми окнами. Нравилось, как он ловит каждое ее слово, замирает неподвижно, словно не видит и не слышит никого, кроме нее. Понравилось даже то, как он обнял ее, приподняв над землей. На глазах у Дэниела. Так не хотелось, чтобы его отношение к ней хоть как-то менялось.

Когда раздался тренерский свисток, ошеломленная Люс замерла, выпрямившись, с сожалением проводила взглядом Пенн и остальных учащихся, попрыгавших в бассейн. И обернулась к преподавателю за подсказкой.

– Должно быть, ты Люсинда Прайс, которая всегда опаздывает и никогда не слушает? – вздохнула тренер. – Я слышала о тебе от Рэнди. Восемь дорожек, выбери свой лучший стиль.

Люс кивнула и встала, цепляясь пальцами ног за край бортика. Ей всегда нравилось плавать. Когда-то папа учил ее в общественном бассейне Тандерболта, и ей даже вручили награду как самому младшему ребенку, отважившемуся добраться до самого дальнего конца без каких-либо плавсредств. Как давно это было. Люс даже не могла вспомнить, когда она находилась в воде последний раз. Подогретый открытый бассейн в Довере всегда искрился, искушая ее, но туда не пускали ребят, не входивших в команду по плаванию.

Тренер Дианте прочистила горло.

– Возможно, ты не уловила, что это состязание, и ты его уже проигрываешь.

Так называемое «состязание» показалось Люс самым жалким и смехотворным. Она в жизни не видела ничего подобного, однако это не помешало проявиться ее соревновательной жилке.

– И да, по-прежнему проигрываешь, – заметила тренер, пожевывая свисток.

– Это ненадолго, – пообещала Люс.

Она глянула, как проходит состязание. Парень слева от нее отплевывался водой, неуклюже барахтаясь по-собачьи. Справа с зажатым носом лениво скользила Пенн, живот которой покоился на розовой пенопластовой доске. На долю секунды Люс покосилась в сторону компании на скамейках. Молли и Роланд наблюдали за пловцами. Арриана и Габби рухнули друг на дружку в раздражающем приступе хихиканья.

Но ее не заботила причина их веселья. Отчасти. Люс взяла старт.

Сложив руки над головой, нырнула, выгнув спину, скользнув в подернутую рябью воду. Однажды в бассейне папа объяснил восьмилетней Люс: «Не каждый способен делать это действительно хорошо. Но стоит тебе отточить технику баттерфляй, как окажется, что быстрее двигаться в воде невозможно».

Позволив раздражению подгонять себя, Люс взметнулась из воды. Движение вернулось обратно, и она взмахнула руками, словно крыльями, поплыла усерднее. словно что-то доказывая себе, обогнала остальных пловцов один раз, затем другой.

Она уже завершала восьмую дорожку, когда задержала над водой голову. Этого оказалось достаточно, чтобы услышать, как медлительный голосок Габби произносит имя Дэниела.

Движущая сила Люс исчезла, словно свечку задули. Она встала ногами на дно, дожидаясь, не скажет ли та чего-нибудь еще. К сожалению, больше ничего не удалось услышать, кроме шумного плеска и свистка мигом позже.

– И победил в заплыве, – объявила тренер Дианте, – Джоэл Бранд.

Тощий парнишка со скобками, плывший по соседней дорожке, выскочил из бассейна и запрыгал на месте, радуясь победе.

Рядом остановилась Пенн.

– Что стряслось? Ты же легко его размазывала.

Девушка пожала плечами. Стряслась Габби.

Люс глянула на скамейки, но та уже исчезла вместе с Аррианой и

Молли. Остался только Роланд, да и тот целиком погрузился в книжку.

Пока плыла, возбуждение нарастало, теперь же Люс оказалась настолько раздавленной, что Пенн пришлось едва ли не силой вытаскивать ее из бассейна.

Роланд поднялся со скамейки.

– А у тебя неплохо получалось, – заметил он, бросив ей полотенце и ключ от шкафчика, которые она совершенно упустила из вида. – Некоторое время.

Люс поймала ключ в воздухе и завернулась в полотенце. Но, прежде чем сумела выговорить что-нибудь вроде «спасибо за полотенце» или «думаю, я просто не в форме», недавно проявившаяся в ней странная опрометчивая натура неожиданно выпалила:

– А что, Дэниел с Габби встречаются или как? Серьезная ошибка. Громадная. По выражению его глаз она могла с уверенностью заявить, что этот ее вопрос уже на пути к Дэниелу.

– О, ясно, – протянул Роланд и рассмеялся. – Ну, я не могу, на самом деле...

И окинул ее взглядом, почесав нос, вроде как сочувственно улыбнулся, кивнул в сторону открытой двери в коридор. Она увидела опрятного светловолосого Дэниела, проскользнувшего мимо них.

– Почему бы тебе самой у него не спросить, а?

* * *

С волос все еще капало, ноги оставались босыми, когда Люс обнаружила, что замешкалась у двери в просторный гимнастический зал. А ведь она-то собиралась в раздевалку, чтобы переодеться и вытереться. Вообще непонятно, почему вся эта история с Габби так ее потрясла. Дэниел может встречаться с кем захочет, верно? Возможно, Габби по вкусу парни, демонстрирующие неприличный жест средним пальцем.

Или, вероятнее, с Габби просто не случается подобных историй.

Тем не менее тело взяло верх над разумом, когда она вновь заметила Дэниела. Он стоял в углу к ней спиной и выбирал из спутанной груды скакалку. Люс наблюдала, как он берет тонкий темно-синий шнур с деревянными ручками, выходит на открытое пространство посреди зала. Его золотистая кожа едва ли не сияла, а каждое движение, поистине достойное резца скульптора, – неважно, потягивался он, выгибал длинную шею или наклонялся почесать колено, – всецело захватывало ее внимание.

Люс вжалась в дверной косяк, не замечая, как стучат зубы, а полотенце пропиталось водой.

Когда он приготовился прыгать, Люс ощутила дежавю. Не то чтобы ей показалось, будто она уже видела Дэниела за этим упражнением, скорее, поза, которую он принял, выглядела знакомой. Он встал, слегка расставив ноги и не смыкая колен, расправил плечи, наполняя грудь воздухом. Люс почти могла бы это нарисовать.

Лишь когда Дэниел принялся вращать скакалку, ее выдернуло из оцепенения, при этом оглушив новым. Никогда в жизни она не видела, чтобы кто-нибудь так двигался. Казалось, Дэниел летит. Шнур мелькал вокруг его высокой фигуры и словно таял в воздухе. А ноги... Изысканные узкие ступни... Да касались ли они пола вообще? Он прыгал так быстро, что даже сам вряд ли мог бы вести счет.

Люс отвлекли громкий стон и глухой удар с другого конца зала. Это Тодд рухнул вниз с каната. Она на миг пожалела парня, уставившегося на стертые ладони. Но, прежде чем вновь посмотрела на Дэниела, проверяя, заметил ли он произошедшее, нечто холодное и черное коснулось ее кожи, бросив в дрожь. Сначала тень, леденящая, мрачная, с размытыми краями, надвигалась медленно. Но потом, внезапно набрав силу, врезалась в нее с размаху и вынудила попятиться. Дверь в гимнастический зал захлопнулась перед носом, и Люс осталась в коридоре одна.

— Ой! — вскрикнула она, не столько от боли, сколько оттого, что никогда прежде тени не прикасались к ней.

Девушка посмотрела на голые руки, за которые ее как будто кто-то схватил, вышвыривая из зала.

Не может быть. Она просто встала в неудачном месте. Должно быть, ее толкнул порыв сквозняка. Люс встревоженно подобралась к закрытой двери и прижалась лицом к небольшому стеклянному окошку.

Дэниел оглядывался по сторонам, словно что-то услышал. Без сомнения, ее голоса он не узнал, поскольку не хмурился.

Люс обдумала предложение Роланда насчет того, чтобы просто спросить Дэниела, что происходит, но быстро отмела эту идею. Она не смогла бы ничего у него спросить. Не хотелось, чтобы его лицо вновь исказила сердитая гримаса.

Кроме того, любой вопрос не имел бы смысла. Прошлой ночью она уже слышала все, что требовалось услышать. Нужно быть своего рода садистом, чтобы заставлять его признаваться в связи с Габби.

Люс повернулась в сторону раздевалки, но вдруг осознала, что не

может уйти.

Ключ.

Должно быть, он выскользнул из рук, когда она пятилась из зала. Девушка привстала на цыпочки, заглядывая вниз сквозь маленькое окошко. А вот и он, маленький кусочек бронзы на мягком синем мате. Как его занесло так далеко вглубь зала, близко к тому месту, где выполнял упражнение Дэниел? Люс вздохнула и толкнула дверь, решив, что, если уж придется зайти, по крайней мере, стоит сделать это быстро.

Потянувшись за ключом, она украдкой бросила на парня последний взгляд. Он прыгал все медленней и медленней, хотя его ноги по-прежнему едва касались земли. Потом, сделав заключительный воздушно-легкий подскок, он остановился и обернулся к ней.

Мгновение ничего не говорил. Она покраснела и искренне пожалела, что ей достался такой ужасный купальник.

– Привет, – нашла Люс.

– Привет, – ответил он куда более спокойно и, кивнув на ее наряд, добавил: – Ты победила?

Она издала грустный самоуничижительный смешок и покачала головой.

– Вовсе нет.

Дэниел поджал губы.

– Но ты ведь всегда...

– Всегда что?

– Я имел в виду, ты выглядишь хорошей пловчихой. Только и всего.

Она шагнула к нему. Они стояли в футе друг от друга. Капли воды падали с ее волос и, словно дождь, барабанили по гимнастическому мату.

– Ты не это собирался сказать, – не отступала она. – Ты сказал, что я всегда...

Дэниел сворачивал скакалку, укладывая витки себе на запястье.

– Ну, я не имел в виду именно тебя. Я в общем смысле. Здесь принято позволять вам, новичкам, выиграть первое соревнование. Негласный кодекс поведения для нас, старожилов.

– Но Габби тоже не победила, – возразила Люс, – а ведь она новенькая. Она даже в бассейн не полезла.

– Она не совсем новенькая, просто вернулась после некоторого отсутствия.

Дэниел очередной раз пожал плечами, ничем не выдавая своих чувств к Габби. Его явная попытка выглядеть равнодушным заставила Люс

ревновать лишь еще сильнее. Она смотрела, как он заканчивает сворачивать скакалку в кольцо. Его руки двигались почти столь же быстро, как прежде ступни. А вот она – неуклюжая и одинокая, замерзшая и всеми покинутая. Ее нижняя губа задрожала.

– Ох, Люсинда, – прошептал Дэниел, тяжело вздохнув.

От этого звука ее тело согрелось. Его голос казался таким родным и знакомым.

Ей захотелось, чтобы он еще раз назвал ее по имени, но он отвернулся повесить скакалку на гвоздь.

– Мне нужно переодеться перед занятиями. Она положила ладонь ему на плечо.

– Погоди.

Он отдернулся, словно от удара током. Люс тоже это ощутила, но такой удар показался ей приятным.

– У тебя никогда не было ощущения...

Она посмотрела ему в глаза. Вблизи стало понятно, насколько они необычны. Издали они казались серыми, а с такого расстояния в них виднелись лиловые крапинки. Она знала кого-то еще с похожими глазами...

– Я могла бы поклясться, что мы встречались прежде. Я сумасшедшая?

– Сумасшедшая? – переспросил он, отмахиваясь от нее. – Разве ты здесь не по этой причине?

– Я серьезно.

– Я тоже.

Лицо Дэниела ничего не выражало.

– И на заметку, – он показал вверх на помигивающее устройство, укрепленное на потолке, – камеры ведут наблюдение и за навязчивыми преследователями.

– Я не преследую тебя.

Она напряглась, отчетливо сознавая разделяющее их расстояние.

– Ты можешь честно сказать, что не представляешь, о чем я говорю?

Дэниел снова пожал плечами.

– Я тебе не верю, – настаивала Люс. – Посмотри мне в глаза и скажи, что я ошибаюсь и никогда в жизни не видела тебя до этой недели.

Ее сердце зачастило, когда он шагнул к ней и положил ладони ей на плечи. Его большие пальцы как влитые легли во впадинки под ключицами, и ей захотелось закрыть глаза в тепле этого прикосновения. Но она не сделала этого. Внимательно смотрела, как он наклоняет голову так, что их носы едва не соприкоснулись. Она лицом ощущала его дыхание. Уловила сладковатый запах кожи.

Он исполнил ее просьбу. Посмотрел в глаза и очень медленно, отчетливо, так, чтобы его слова невозможно было истолковать неправильно, произнес:

– Ты никогда в жизни не видела меня до этой недели.

Глава 7. Пролитый свет

– Ну а ты куда идешь? – полубопытствовал Кэм, сдвинув ниже солнцезащитные очки в красной оправе.

Он вышел из дверей «Августина» так неожиданно, что Люс едва не врезалась в него. Или, возможно, стоял там уже некоторое время, а она не заметила его, торопясь на урок. Так или иначе, но ее сердце заколотилось быстрее, а ладони взмокли.

– На занятия.

Собственно, а что, похоже, будто она идет куда-то еще? Ее руки оттягивали два тяжелых учебника и недописанное задание по религии.

Самое время извиниться за столь внезапное исчезновение прошлой ночью. Но Люс не могла себя заставить это сделать. Слишком уж опаздывала. В душевой раздевалки не оказалось горячей воды, пришлось бежать в общежитие. Почему-то все произошедшее после вечеринки больше не казалось ей важным, не хотелось привлекать еще больше внимания к своему уходу, особенно после того, как Дэниел вынудил ее почувствовать себя настолько жалкой. Кроме того, не хотелось, чтобы Кэм счел ее грубой. Она собиралась пройти мимо него и остаться в одиночестве, чтобы оборвать утреннюю цепочку неловких положений.

Вот только чем дольше на нее смотрел Кэм, тем меньше ей хотелось уходить и тем меньше саднила гордость из-за поведения Дэниела. Как ему удалось одним лишь взглядом добиться подобного эффекта?

С чистой бледной кожей и черными как смоль волосами Кэм не походил ни на одного знакомого парня. Излучал уверенность. И не только потому, что знал всех и мог достать что угодно, прежде чем Люс разобралась хотя бы, где у нее уроки. А сейчас, стоя около тусклого серо-коричневого школьного здания, он напоминал художественную черно-белую фотографию с искусственно подкрашенными красными очками.

– Ах, на занятия, – Кэм демонстративно зевнул. Он загораживал вход с какой-то лукавой смешинкой в изгибе губ. Интересно, какую дикую идею он придерживает в рукаве до поры до времени. На плече у него висела холщовая сумка, в руках он держал одноразовую чашку с эспрессо. Он нажал «стоп» на своем айпаде, оставив наушники-пуговицы болтаться на шее. Выяснить бы, какую песню он слушал и где достал нелегальный эспрессо. Игривая улыбка, притаившаяся в его зеленых глазах, так и подначивала Люс поинтересоваться.

Кэм слегка пригубил кофе.

– Позволь поделиться с тобой моим девизом, касающимся занятий в «Мече и Кресте», – он воздел к небу указательный палец. – Лучше никогда, чем поздно.

Люс рассмеялась, а Кэм снова сдвинул очки на переносицу. Линзы были настолько темными, что его глаза сделались совершенно неразличимыми.

– Кроме того, – улыбнулся он, сверкнув рядом белых зубов, – близится обед, а я затеял пикник.

Обед? Люс еще даже не завтракала. В животе урчало, и мысль о том, как мистер Коул примется пилить ее за пропуск утренних занятий, казалась тем менее привлекательной, чем дольше она стояла рядом с Кэмом.

Люс кивнула на его сумку.

– А там хватит на двоих?

Положив ей на талию широкую ладонь, Кэм повел ее по школьному двору, мимо библиотеки и унылого спального корпуса. У чугунных ворот, ведущих на кладбище, он остановился.

– Я понимаю, странное место для пикника, однако лучшее известное мне укрытие, где можно ненадолго исчезнуть из виду. По крайней мере, в пределах территории. Порой я просто не могу там дышать.

Он показал на здание.

Люс определенно могла это понять. Здесь она постоянно чувствовала себя и задыхающейся, и выставленной напоказ. Кэм – последний, кого будет мучить синдром новичка. Он такой сдержанный. После вечеринки прошлой ночью, а теперь еще и запретного эспresso она ни за что бы не заподозрила, что и он тоже ощущает удушье. Или выберет ее, чтобы поделиться этим ощущением.

За его спиной виднелся запущенный школьный двор. Отсюда не было заметно разницы между местностью по разные стороны кладбищенских ворот.

Люс решила согласиться.

– Только пообещай, что спасешь меня, если опрокинется еще какая-нибудь статуя.

– Нет, – пообещал Кэм так серьезно, что это разом свело на нет ее шутку, – этого больше не произойдет.

Ее взгляд упал на то место, где лишь парой дней раньше они с Дэниелом оказались близки к тому, чтобы остаться на кладбище навсегда.

Теперь мраморный ангел, опрокинувшийся на них, исчез, оставив после себя лишь пустой постамент.

– Идем, – позвал Кэм, увлекая ее за собой.

Они обходили разросшиеся кусты сорняков. Кэм неизменно оборачивался подать ей руку, когда они перебирались через холмики грязи, раскопанной неизвестно кем.

Один раз Люс едва не потеряла равновесие и схватилась за какое-то надгробие, чтобы удержаться на ногах. Это оказалась большая отполированная плита, одна из сторон которой была оставлена необработанной.

– Мне всегда оно нравилось, – заметил Кэм, указывая на розоватый камень под ее пальцами.

Люс зашла с другой стороны, чтобы рассмотреть надпись.

– Джозеф Майли. С тысяча восемьсот двадцать первого по тысяча восемьсот шестьдесят пятый. Храбро сражался с северными захватчиками. Пережил три пули и пять павших под ним лошадей, прежде чем обрести вечный покой.

Люс хрустнула суставами пальцев. Может, Кэму нравится это надгробие, потому что полированный розоватый камень выделялся среди преимущественно серых? Или из-за замысловатых завитушек над надписью? Она вопросительно изогнула бровь.

– Ну да, – Кэм пожал плечами. – Мне просто нравится то, как оно повествует о его гибели. Это честно, понимаешь? Обычно люди не хотят в это углубляться.

Люс отвела взгляд. Это она усвоила слишком хорошо по уклончивой эпитафии на могиле Тревора.

– Подумай, насколько интереснее стало бы это место, если бы на надгробиях высекали причину смерти каждого.

Он указал на небольшую могилку чуть в стороне от места упокоения Джозефа Майли.

– Как думаешь, отчего она умерла?

– М-м, от скарлатины? – предположила Люс, пробираясь ближе.

Похороненная здесь девушка была младше нее, когда умерла. Не хотелось всерьез задумываться о том, как это могло случиться.

– Возможно. Либо так, либо при загадочном пожаре на сеновале, где юная Бетси невинно «прикорнула» вместе с соседским пареньком.

Люс прикинулась было оскорбленной, но выжидательное выражение на лице Кэма заставило ее рассмеяться. Как давно она последний раз

прогуливала уроки с парнем. Конечно, сейчас это малость мрачнее, в отличие от обычного киношного флирта. Ну, или театрального, или на парковке, к которому она привыкла. Но эта мрачность присуща и всем учащимся «Меча и Креста». Хорошо это или плохо, но теперь Люс одна из них.

Она последовала за Кэмом на дно вогнутого кладбища, к более изукрашенным могилам и мавзолеям. Надгробия, казалось, наблюдали за ними со склонов, словно они актеры, выступающие в амфитеатре. Полуденное солнце оранжево сияло сквозь листву огромного кладбищенского дуба, и девушке пришлось ладонями заслонить глаза от света. День выдался самым жарким за всю неделю.

– Теперь об этом парне, – продолжил Кэм, указывая на огромную могилу, обрамленную коринфскими колоннами. – До конца уклонялся от призыва. Задохнулся, когда в его подвале рухнула балка. Что лишь доказывает: не стоит прятаться от облавы конфедератов.

– Вот как? Напомни-ка мне, отчего ты так хорошо в этом разбираешься?

Даже когда она поддразнивала его, Люс не оставляло ощущение странной избранности оттого, что она находится здесь с ним. Он постоянно поглядывал на нее, убеждаясь, что она улыбается.

– Всего лишь шестое чувство, – невинно усмехнулся Кэм. – Если захочешь, найдутся и седьмое, и восьмое, и девятое чувства.

– Впечатляюще. Пожалуй, пока удовольствуюсь чувством вкуса. Умираю от голода.

– К твоим услугам.

Кэм вытащил из сумки одеяло и расстелил его в клочке тени под могучим дубом. Открыл термос. Люс учуяла запах крепкого эспрессо. Она обычно не пила черный кофе, но Кэм наполнил стаканчик льдом, плеснул в него эспрессо и добавил сверху необходимый слой молока.

– Я забыл прихватить сахар.

– Я без сахара.

Люс отпила немного ледяного безалкогольного латте, первый за всю неделю изумительный глоток кофеина, запрещенного в школе «Меч и Крест».

– Повезло, – заметил Кэм, доставая из сумки продукты.

Глаза Люс все больше и больше округлялись, пока она наблюдала за тем, как он раскладывает еду. Темный хлеб, небольшая головка тающего сыра, глиняная плошка с оливками, мисочка фаршированных яиц и два ярко-зеленых яблока. Невероятно, как удалось Кэму запихнуть все это к

себе в сумку. Неужели он планировал съесть все сам?

– Где ты это достал? – Люс притворилась, что полностью сосредоточена на отламывании горбушки хлеба. – Кстати, с кем ты собирался разделить пикник, пока под руку не подвернулась я?

– Пока под руку не подвернулась ты? – Кэм рассмеялся. – Я едва могу припомнить мою унылую жизнь до тебя.

Люс одарила его слегка язвительным взглядом, показывая, что сочла этот ответ крайне низкопробным и только самую малость лестным. Она оперлась локтями на одеяло и вытянула скрещенные ноги. Кэм сидел по-турецки к ней лицом, а когда потянулся через нее за ножом для сыра, его ладонь скользнула, а потом и вовсе оперлась о ее коленку. Парень взглянул на нее, словно спрашивая: «Это ничего?».

Люс не отпрянула, и он, оставшись в той же позе, взял у нее из рук буханку, воспользовавшись ее бедром словно столешницей, пока раскладывал на хлеб треугольнички сыра. Ей понравилось ощущение его веса на своей ноге.

– Я начну с вопроса попроще. Пару дней в неделю я помогаю на кухне. Это часть соглашения, касающегося моего возвращения в «Меч и Крест». Предполагается, что я должен это отрабатывать, – он закатил глаза. – Знаешь, я не против. Думаю, дело в том, что мне нравится жара. Конечно, если не считать ожогов от масла.

Кэм, подняв руки, продемонстрировал множество крохотных шрамов на внутренней стороне запястий.

– Производственный риск, – небрежно пояснил он. – Зато у меня есть доступ в кладовую.

Люс не смогла удержаться и провела пальцами по мельчайшим бледным рубцам, растворяющимся на еще более бледной коже. Прежде чем она успела смутиться от собственной развязности и отстраниться, Кэм перехватил и сжал ее руку.

Она уставилась на его пальцы, обхватившие ее ладонь. Удивительно, насколько близки оттенки их кожи. В этих краях среди покрытых загаром южан Люс всегда стеснялась своей бледности. Но кожа Кэма оказалась такой поразительной и броской, почти с металлическим блеском. И теперь Люс осознала, что, возможно, выглядит так же, как и он. Ее плечи вздрогнули, и слегка закружилась голова.

– Замерзла?

Встретившись с ним взглядом, Люс поняла: он знает, что ей не холодно.

Кэм придвинулся ближе и понизил голос до шепота.

– Теперь, полагаю, ты захочешь, чтобы я признался, что увидел из окна кухни, как ты идешь по двору, и упаковал все это, надеясь уговорить тебя прогулять вместе со мной уроки?

Сейчас она охотно уткнулась бы в свою чашку, выуживая оттуда лед, если бы тот уже не растаял на душной сентябрьской жаре.

– И ты заранее рассчитал весь этот романтический пикник, – заключила Люс. – На живописном кладбище.

Кэм тронул пальцем ее нижнюю губу.

– Эй, это ты завела разговор о романтике. Девушка отпрянула. Он прав. Она слишком самонадеянна. Второй раз за день. Щеки вспыхнули, когда она попыталась не думать о Дэниеле.

– Я шучу, – вздохнул он, покачав головой при виде пришибленного выражения ее лица. – Неужели это не очевидно?

Он взглянул на стервятника, описывающего круги над огромным белым памятником в форме пушки.

– Знаю, тут отнюдь не рай, – заметил он, бросая Люс яблоко, – но просто представь, что мы в песне Smiths^[5]. Что до меня, – продолжил Кэм, облокачиваясь на одеяло, – по-моему, место вполне приемлемое.

Люс с сомнением покосилась на него. Заодно пожалела, что он отстранился, но застенчивость не позволила ей пододвинуться.

– Там, где я вырос, жизнь не слишком-то отличалась от тюремных порядков, принятых в «Мече и Кресте». В итоге я абсолютно невосприимчив к тому, что меня окружает.

– Не может быть. Если бы я вот сейчас протянула тебе билет на самолет до Калифорнии, ты бы не пришел в полнейший восторг от возможности вырваться отсюда?

– М-м, скорее, остался бы умеренно равнодушным.

– Я тебе не верю, – Люс пихнула его в бок.

– Должно быть, у тебя было счастливое детство. Девушка вгрызлась в плотную зеленую кожицу яблока, слизнула побежавший по пальцам сок, мысленно перелистала перечень всех хмурых взглядов родителей, визитов к врачам, смен школ, окутанных, словно саваном, черными тенями. Нет, она бы не назвала свое детство счастливым. Но если Кэм даже не ищет выхода из «Меча и Креста», не видит на горизонте ничего обнадеживающего, возможно, его детство было еще хуже.

У их ног раздался шорох. Люс сжалась в комок, когда толстая зеленая с желтым змея поползла мимо. Пытаясь не придвигаться к ней слишком

близко, девушка перекатилась на колени и уставилась на мерзкую тварь. Не просто змея, а змея в линьке. Полупрозрачная шкурка сходила с ее хвоста. Змеи водятся по всей Джорджии, но Люс никогда не видела сброшенной кожи.

– Не кричи, – попросил Кэм, положив ладонь ей на колено.

От его прикосновения действительно стало спокойнее.

– Она уползет, если мы просто оставим ее в покое.

Быстро это закончиться не могло. Люс отчаянно хотелось завизжать. Она всегда терпеть не могла и боялась змей. Они такие скользкие и чешуйчатые, и...

– Фу-у.

Она дрожала, но не могла отвести глаз от змеи, пока та не скрылась в высокой траве.

Ухмыляясь, Кэм подобрал сброшенную шкурку и положил ей на ладонь. На ощупь кожа все еще казалась живой, словно влажная головка чеснока. Правда, эта штуковина только что свалилась со змеи. Гадость. Люс швырнула ее на землю и вытерла руку о джинсы.

– Ну же, неужели тебе не показалось это милым?

– Меня что, выдала дрожь?

Ее слегка смущало то, насколько по-детски она, должно быть, выглядела.

– Как насчет твоей веры в силу преобразования? – спросил Кэм, ощупывая сброшенную кожу. – В конце концов, для этого-то мы здесь.

Он успел снять очки. Изумрудные глаза казались такими уверенными. Он снова застыл, ожидая ее ответа.

– Мне начинает казаться, что ты несколько странный, – наконец выдавила она, вымученно улыбнувшись.

– О, и только подумай о том, как много тебе еще предстоит узнать обо мне, – он придвинулся ближе.

Ближе, чем когда появилась змея. Ближе, чем от него ожидала Люс. Он медленно провел ладонью по ее волосам. Она напряглась.

Кэм красив и притягателен. Непонятно, почему, когда она должна была превратиться в комок нервов, вот как сейчас, ей по-прежнему было уютно. Хотелось находиться там, где она есть. Люс не могла оторвать глаз от его губ, полных, розовых, придвигающихся ближе, отчего голова закружилась еще сильнее. Он прижался к ее плечу своим, у нее в груди зародилась непривычная дрожь. Она смотрела, как он приоткрывает губы. Потом прикрыла глаза.

– Так вот вы где! – запыхавшийся голос выдернул Люс из настроения.

Она раздраженно вздохнула и переключила внимание на Габби, стоящую перед ними с завязанным сбоку высоким хвостиком и рассеянной улыбкой на лице.

– Я вас повсюду ищу.

– И с какой стати ты этим вообще занимаешься? – мрачно уставился на нее Кэм, чем в глазах Люс заработал еще несколько очков.

– О кладбище я подумала в последнюю очередь, – продолжала трещать Габби, загибая пальцы. – Проверила ваши комнаты, потом под трибунами, потом...

– Чего ты хочешь, Габби? – оборвал ее Кэм, едва ли не по-братски, будто они знакомы уже долгое время.

Та моргнула, прикусила губку.

– Эта мисс София, – призналась Габби, прищелкнув пальцами. – Точно. Она просто обезумела, когда Люс не появилась на занятии. Твердила, какая ты многообещающая ученица и все такое.

Люс никак не могла понять эту девицу. Она говорит правду и просто выполняет поручение? Высмеивает Люс за то, что произвела хорошее впечатление на учителя? Ей недостаточно того, что она вьет веревки из Дэниела, собирается отбить еще и Кэма?

Габби должна была почувствовать, что чему-то помешала, но нет, она стояла, моргая огромными оленьими глазами и накручивая на палец прядку светлых волос.

– Ну чего вы там? – она протянула руки, помогая Люс и Кэму подняться. – Давайте уже вернемся в класс.

* * *

– Люсинда, ты можешь занять третий стол, – сообщила мисс София, уткнувшись в листок бумаги, когда они втроем вошли в библиотеку.

Никакого «где вы были?». Никаких наказаний за опоздание. Только мисс София, рассеянно усаживающая ее рядом с Пенн в компьютерной лаборатории при библиотеке. Слово даже не заметила отсутствия девушки.

Люс кинула на Габби обвиняющий взгляд, но та лишь пожала плечами и одними губами выговорила:

«Что?».

– Где ты была? – потребовала ответа Пенн, как только Люс села.

Похоже, она единственная вообще обратила внимание на отсутствие подруги.

Люс нашла глазами Дэниела, буквально зарывшегося в компьютер. Со своего места она могла разглядеть только светлый ореол волос, но и этого оказалось достаточно, чтобы на ее щеках вспыхнул румянец. Она сползла на стуле пониже, вспомнив унижение от их разговора в гимнастическом зале.

Даже после смешков, улыбок и едва не случившегося поцелуя с Кэмом она не могла не обращать внимание на то, что чувствовала при виде Дэниела.

И они никогда не будут вместе.

Вот к чему сводилось то, что он сказал ей в зале. После того, как она едва ли не призналась ему в любви.

Этот отказ ранил ее глубоко, в самое сердце, и она не сомневалась: достаточно один раз глянуть на нее, чтобы понять, что случилось.

Пенн нетерпеливо постукивала карандашом по столу Люс, а она не знала, что ей ответить. Габби прервала ее пикник с Кэмом, прежде чем она успела хотя бы по-настоящему разобраться в том, что происходит. Или вот-вот произойдет. Особенно странно то, что она так и не смогла понять, почему все это кажется ей менее важным, чем разговор с Дэниелом в гимнастическом зале.

Мисс София остановилась посреди лаборатории и прицелкнула пальцами, словно воспитатель в детском саду, привлекая внимание учеников. Ее серебряные браслеты зазвенели, как колокольчики.

– Если кто-то из вас когда-либо прослеживал свое семейное древо, – она перекрикивала гул голосов, – тогда он знает, какого рода сокровища погребены под его корнями.

– Ох, черт, пожалуйста, избавьте меня от этой метафоры, – прошептала Пенн. – Или избавьтесь от меня. Одно из двух.

– У вас будет двадцатиминутный доступ к сети, чтобы начать исследование собственного семейного древа, – сообщила мисс София, запуская секундомер. – Поколение сменяется примерно за двадцать – двадцать пять лет, так что, ваша цель – углубиться как минимум, на шесть поколений.

Стон.

Шумный вздох донесся от седьмого стола. Дэниел.

Мисс София обернулась к нему.

– Дэниел? У тебя возникли какие-то трудности с заданием?

Он снова вздохнул и пожал плечами.

– Нет, никаких. Все отлично. Мое семейное древо. Должно быть, занято.

Мисс София озадаченно склонила голову набок.

– Что ж, приму это заявление за выражение энтузиазма, – и она вновь обратилась ко всему классу. – Уверена, вы найдете линию, достойную рассмотрения в письменной работе объемом от десяти до пятнадцати страниц.

Люс не могла сосредоточиться на этом прямо сейчас. Ей нужно столько всего обдумать. Они с Кэмом на кладбище. Возможно, это не укладывается в общепринятое определение романтики, но ей понравилось, пожалуй, даже больше. Прогулять уроки, чтобы слоняться среди могил. Устроить пикник, на котором он напоил ее превосходным латте. Посмеяться над ее боязнью змей. Ну, то есть она прекрасно бы обошлась и без эпизода со змеей, но, по крайней мере, Кэм был в этом вопросе мягок. Мягче, чем был Дэниел на протяжении всей недели.

Как ни больно признавать, но это правда. Дэниела она не интересуется.

С другой стороны, Кэм...

Люс оглянулась на парня, сидящего за несколькими столами от нее. Тот подмигнул ей, прежде чем застучать по клавиатуре. И так, она ему нравится. Келли будет без умолку тараторить о том, насколько очевидны его чувства к ней.

Захотелось позвонить подруге сейчас же, отложив исследование семейного древа на потом. Обсудить другого парня – самый быстрый, а возможно, и единственный способ выбросить из головы Дэниела. Ох уж эти жуткие порядки «Меча и Креста», касающиеся звонков, и учащиеся, прилежно взявшиеся за дело. Крохотные глазки мисс Софии обшаривали класс, высматривая бездельников.

Люс обреченно вздохнула, запустила поисковик на своем компьютере и застряла здесь еще на двадцать минут. Ни единая клеточка мозга не заинтересована в полученном задании. В последнюю очередь хочется что-то выяснять о собственной занудной семье. Вялые пальцы набрали тринадцать букв исключительно по собственной воле.

«Дэниел Григори». Найти.

Глава 8. Прыжок в глубину

Когда Люс в субботу утром открыла дверь на стук, ей на руки свалилась Пенн.

– А ведь можно было подумать, что однажды до меня дойдет: двери открываются внутрь, – та извинилась, поправляя очки. – Надо запомнить, не стоит на них облокачиваться. Отличная комната, кстати, – добавила Пенн, оглядевшись и подойдя к окну. – Неплохой вид, если не считать решеток и всего такого.

Люс стояла у нее за спиной, глядя на кладбище и тот самый дуб, под которым они с Кэмом устроили пикник, и на то место, невидимое отсюда, но четко стоящее у нее перед глазами, где их с Дэниелом едва не придавило статуей, ангелом мщения, таинственно исчезнувшим после происшествия.

Ей вспомнились встревоженные глаза Дэниела, когда в тот день он прошептал ее имя, их почти соприкоснувшиеся носы, его пальцы на ее шее, и ее бросило в жар.

Люс сама себе показалась жалкой, вздохнула и повернулась спиной к окну, заметив, что Пенн тоже сдвинулась с места.

Теперь она перебирала вещи на парте, каждую подвергая тщательному осмотру. Пресс-папье в виде статуи Свободы, привезенное отцом с конференции в Нью-Йоркском университете, фотография презабавнейшей неудачной завивки мамы, когда та была примерно в ее возрасте, диск ее тезки, Люсинды Уильямс, который на прощание подарила Келли еще до того, как девушка впервые услышала название «Меч и Крест».

– А где твои книги? – спросила она Пенн, пытаясь уклониться от путешествия в страну воспоминаний. – Ты сказала, что зайдешь позаниматься вместе.

К этому времени подруга уже обшаривала шкаф, быстро потеряв интерес к вариациям на тему черных свитеров и футболок. Пенн потянулась к выдвижным ящикам, Люс шагнула вперед, чтобы ей помешать.

– Ладно, сыщик, достаточно, – заявила она. – Разве нам не надо заниматься исследованием фамильных деревьев?

Глаза Пенн сверкнули.

– Если уж говорить о сыском деле, да, есть исследование, которым нам стоит заняться. Но не тем, о котором ты думаешь.

Люс непонимающе уставилась на нее.

– Э-э-э?

Пенн положила руку ей на плечо.

– Смотри. Если ты действительно хочешь что-то узнать о Дэниеле Григори...

– Тсс! – зашипела Люс, кинувшись закрывать дверь.

Она высунула голову в коридор и осмотрела окрестности. Горизонт выглядел чистым, но это еще ничего не означало. Люди здесь имеют подозрительную привычку объявляться из ниоткуда. Особенно Кэм. А Люс умерла бы на месте, если бы он – или кто угодно – обнаружил, насколько она без ума от Дэниела.

Удовлетворившись осмотром, она закрыла и заперла дверь и повернулась к подруге. Пенн сидела по-турецки на краю постели и выглядела позабавленной.

Люс сцепила руки за спиной и поковыряла пальцем ноги полукруглый красный коврик у двери.

– А с чего ты решила, будто я хочу что-то о нем узнать?

– Ой, не морочь мне голову. А – совершенно очевидно, что ты все время пялишься на Дэниела Григори.

– Тсс! – повторила Люс.

– Б – я видела, как ты на занятии все время выслеживала его в сети. Можешь подать на меня в суд, но ты вела себя до крайности бесстыдно. В – не впадай в паранойю. Думаешь, я треплюсь в этой школе со всеми, кроме тебя?

Пенн и впрямь говорила дело.

– Я всего лишь имею в виду, что если гипотетически допустить, что хотела бы узнать больше о некой безымянной особе, ты, предположительно, могла бы обратиться по более подходящему адресу. Понимаешь, за помощью.

Она пожала плечом.

– Я слушаю, – откликнулась Люс, оседая на кровать.

Ее недавние изыскания в Интернете ограничились лишь набором, стиранием и опять набором имени Дэниела в поле поиска.

– Я надеялась, что ты это скажешь. Сегодня я не захватила с собой книги, поскольку намерена устроить тебе, – Пенн дурашливо округлила глаза, – экскурсию по строжайше запретному подземному логову официальных документов «Меча и Креста»!

Люс поморщилась.

– Не знаю. Копаться в личном деле Дэниела? Не уверена, что мне

нужен еще один повод, чтобы почувствовать себя одержимой фанатичкой.

– Ха! И да, ты только что произнесла это вслух. Ну же, Люс. Будет весело. Кроме того, чем еще ты собираешься заниматься восхитительно солнечным субботним утром?

День выдался приятным. Именно того рода приятности навевают мысли о собственном одиночестве, если у тебя не запланировано каких-нибудь развлечений на свежем воздухе. Среди ночи в открытое окно ворвался порыв прохладного ветра, а когда Люс проснулась утром, жара и влажность почти исчезли.

Когда-то они проводили эти золотые деньки ранней осени с подружками, раскатывая по окрестностям на велосипедах. Но это было еще до того, как она начала избегать лесных тропинок из-за теней, которых не видел больше никто. До того, как подружки однажды заявили ей на привале, что их родители запрещают им в дальнейшем приглашать ее в компанию во избежание неприятных происшествий.

Честно говоря, Люс слегка тревожилась о том, как проведет первые выходные в «Мече и Кресте». Никаких уроков, никаких пугающих проверок физической формы, никаких общественных мероприятий на повестке дня. Только сорок восемь бесконечных часов свободного времени. Вечность. Ее все утро мучила тошнотворная тоска по дому. Пока не объявилась Пенн.

И Люс наконец решилась.

– Ладно. Веди меня в твоё тайное логово.

* * *

Пенн едва ли не вприпрыжку потащила подругу по истоптанной траве школьного двора к главному вестибюлю у входа.

– Ты не представляешь, как долго я ждала сообщника по преступлению, чтобы взять его с собой вниз.

Люс улыбнулась, радуясь тому, что подруга куда больше увлечена обретением нового товарища по исследованиям, чем, ну, этим пунктиком, касающимся Дэниела.

Они прошли мимо нескольких ребят, бездельничающих на трибунах под ясным предполуденным солнцем. Странно было наблюдать разные краски на территории школы, на тех самых учениках, которые стойко ассоциировались у Люс с черным цветом. Но там сидел Роланд в ярко-зеленых футбольных шортах и лениво катал ногой мяч. И Габби в бело-

фиолетовой клетчатой рубашке. Джулс с Филлипом – парочка с проколотыми языками – что-то рисовали друг у друга на штанинах выцветших джинсов. Тодд Хаммонд в камуфляжной футболке сидел в стороне от остальных ребят и читал журнал комиксов. Даже собственные серые майка и шорты казались Люс более радостными, чем то, что она носила всю неделю.

Тренер Дианте и Альбатрос несли дежурство вне зданий, установив на краю газона два пластмассовых складных стула и обвислый зонт. Если бы они не стряхивали на траву пепел с сигарет, вполне можно было подумать, что обе дежурные дремлют под темными очками. Издали было заметно, насколько скучно им, по долгу службы лишенным свободы так же, как и те, за кем они наблюдали.

Снаружи ошивалась куча народу, но Люс, ни на шаг не отстающая от Пенн, с радостью убедилась, что около главного вестибюля нет ни души. До сих пор никто не сказал ей ни слова о вторжении на запретную территорию или о том, какие территории считаются запретными, но она не сомневалась, что Рэнди назначит ей соответствующее наказание.

– А как насчет камер? – она вспомнила про вездесущее видеонаблюдение.

– По пути к тебе в комнату я вставила в парочку из нихдохлые батарейки, – пояснила Пенн беспечным тоном, как если бы сказала: «Я заправила машину бензином».

Девушка торопливо оглянулась, прежде чем провести подругу к заднему входу в главное здание и вниз по трем крутым ступенькам к оливкового цвета неприметной двери.

– Этот подвал тоже со времен гражданской войны? – спросила Люс.

Дверь выглядела словно вход туда, где можно припрятать нескольких военнопленных.

Пенн шумно, напоказ втянула носом сырой воздух.

– Разве эта гниlostная вонь не отвечает на твой вопрос? Тут еще сохранилась довоенная плесень. Большинство учащихся из кожи вон вылезли бы ради возможности вдыхать исторический воздух.

Люс попыталась не дышать носом, пока Пенн доставала связку ключей, достойную скобяной лавки.

– Насколько проще была бы моя жизнь, если бы они додумались сделать для этого места отмычку, – пробормотала она и наконец остановилась на тонком серебристом ключике.

Тот провернулся в замке. Люс неожиданно пробрала дрожь возбуждения. Пенн права, здесь куда интереснее, чем зарисовывать фамильное древо.

Они немного прошли по теплому сырому коридору, потолок которого лишь на несколько дюймов возвышался над головами. Спертый воздух смердел так, словно поблизости что-то сдохло. Люс почти радовалась тому, что в помещении слишком темно, чтобы ясно различать пол. Едва закрался страх перед замкнутым пространством, как Пенн достала новый ключ, открывший маленькую, но куда более современную дверцу. Пригнувшись, они нырнули внутрь, где уже смогли выпрямиться во весь рост.

В архиве пахло плесенью, хотя воздух был куда прохладнее и суше. Внутри стояла непроглядная темнота, только табличка «выход» мерцала у них над головами тусклым красноватым светом.

Люс с трудом различала приземистый силуэт Пенн, шарящей руками в воздухе.

– Где же этот шнурок? – бормотала она. – Да вот же он.

Легонько потянув, она включила лампочку без абажура, свисающую с потолка на металлической цепочке. В комнате по-прежнему было сумрачно, но теперь Люс видела, что бетонные стены выкрашены в тот же оливково-зеленый цвет, а вдоль них выстроены тяжелые металлические стеллажи и картотечные шкафы. Полки тоже были заставлены множеством ящиков с карточками, а проходы между ними, казалось, таяли в бесконечности. Все покрывал толстый войлочный слой пыли.

Внезапно Люс померещилось, что солнечный свет дня остался далеко-далеко. Хотя она знала, что от поверхности земли ее отделяет лишь один лестничный пролет, с тем же успехом это могло быть и милей. Она зябко растерла голые плечи. На месте теней она бы не преминула поселиться именно в этом подвале. Пока никаких следов их присутствия не было, но Люс прекрасно знала, что это еще не повод чувствовать себя в безопасности.

Пенн, совершенно не беспокоясь царящим в подвале полумраком, вытащила из угла табурет-стремянку.

– Ух ты, – заметила она, волоча его за собой. – А кое-что изменилось. Раньше документы прямо тут и хранили. Наверное, устроили небольшую весеннюю приборку с тех пор, как я последний раз совала сюда нос.

– И как давно это было?

– Около недели назад.

Голос Пенн постепенно стих, когда она скрылась в темноте за высоким картотечным шкафом.

Люс не могла представить, зачем «Мечу и Кресту» могло понадобиться столько ящиков с бумагами. Она приподняла одну из крышек, извлекла из-под нее толстую папку, помеченную «Исправительные меры». И сглотнула пересохшим горлом. Возможно, ей лучше и не знать.

– Они тут в алфавитном порядке, по фамилиям учащихся, – приглушенно и словно бы издали сообщила Пенн. – Б, В, Г. А вот и Григори.

Люс двинулась по узенькому проходу на звук шелестящей бумаги и вскоре обнаружила Пенн с ящиком в руках, шатающуюся под его весом. Папку с личным делом Дэниела она зажала под подбородком.

– Какая тоненькая, – заметила она, приподняв голову так, чтобы Люс смогла забрать находку. – Обычно они куда как толще.

Она покосилась на подругу и прикусила губу.

– Ладно, теперь я говорю как одержимая фанатичка. Давай просто поглядим, что там внутри.

В папке Дэниела обнаружилась единственная страница. Черно-белая ксерокопия, по всей видимости, фотография из его ученического дела была приклеена в верхнем правом углу. Он смотрел прямо в камеру, на Люс, с едва заметной улыбкой на губах. Она не удержалась и улыбнулась ему в ответ. Он выглядел так же, как и той ночью, когда, ну, словом, она никак не могла вспомнить, когда именно. Его образ с подобным выражением лица четко вырисовывался в ее сознании, но она никак не могла определить, где его видела.

– Боже, он что, ни капли не изменился? – Пенн прервала размышления девушки. – Глянь-ка на дату. Этот снимок был сделан три года назад, когда он только попал в «Меч и Крест».

Люс наверняка должна была думать о том же самом. Да, тогда Дэниел выглядел точно так же, как и сейчас. Но ей казалось, что она думала – или вот-вот подумала бы – о чем-то другом, правда, не могла вспомнить, о чем именно.

– Родители неизвестны, – вслух читала Пенн, пока подруга заглядывала ей через плечо. – Опекун – сиротский приют округа Лос-Анджелес.

– Сиротский приют? – Люс прижала ладонь к сердцу.

– Это все, что здесь есть. Остальное относится к его...

– ...истории правонарушений, – договорила Люс. – Праздношатание по общественным пляжам после их закрытия, вандализм по отношению к тележке для покупок, переход улицы в неположенном месте.

Пенн вытаращилась на нее во все глаза и подавила смешок.

– Красавчика Григори арестовали за переход улицы в неподобающем месте? Согласись, это забавно.

Люс не хотелось представлять, как Дэниела арестовывают, за что бы то ни было. Еще меньше нравилось то, что, по мнению «Меча и Креста», вся его жизнь сводилась не более чем к списку мелких правонарушений. Тут внизу столько ящиков с бумагами, а про него нашлось только это.

– Должно быть что-то еще, – настаивала она. Над их головами послышались шаги. Взгляды Люс и Пенн метнулись вверх.

– В главной конторе, – прошептала Пенн, вытащив из рукава бумажный платочек, чтобы высморкаться. – Это может быть кто угодно. Но, поверь мне, никто сюда не спустится.

Секундой позже дверь в глубине комнаты со скрипом приоткрылась, и лестницу озарил свет из коридора. Шаги направились вниз. Пенн дернула Люс сзади за майку, втащив ее в просвет между стеной и стеллажом. Они затаились, задержав дыхание и сжимая в руках личное дело Дэниела. Вот так провал!

Люс зажмурилась в ожидании худшего, когда по комнате разлилось навязчивое, мелодичное гудение. Кто-то мурлыкал себе под нос.

– Ду-у-у да-да-да ду-у, – тихонько напевал женский голос.

Она вытянула шею, выглянув между двух ящиков с папками, и различила худенькую пожилую женщину с небольшим фонариком, укрепленным на голове шахтерским манер. Мисс София. Она тащила пару больших коробок, поставленных одна на другую, так что единственной частью, видневшейся из-за них, оказался сияющий лоб. Ее походка казалась такой легкой, словно коробки набиты пухом, а не тяжелыми папками.

Пенн стиснула Люс руку. Девушки наблюдали за тем, как мисс София убирает коробки на пустую полку. Потом она достала ручку и что-то пометила в своем блокноте.

– Осталась еще парочка, – пробормотала мисс София и прибавила что-то совсем тихое, Люс не удалось это расслышать.

Секундой позже она уже плавно поднималась по лестнице, исчезнув столь же быстро, сколь и появилась. Мгновением позже стихло и ее мурлыканье.

Когда дверь захлопнулась, Пенн шумно выдохнула.

– Она сказала, что остались еще коробки. Скорее всего, она вот-вот вернется.

– И что нам делать?

– Поднимешься по лестнице, – велела Пенн, указывая направление. – Наверху повернешь налево и вернешься в главное здание. Если кто-то тебя увидит, можешь сказать, что искала уборную.

– А ты?

– Я уберу личное дело Дэниела и нагоню тебя у трибун. Мисс София ничего не заподозрит, если встретит меня одну. Я провожу тут внизу столько времени, будто это моя вторая спальня.

Люс с легким уколом сожаления посмотрела на папку, не готовая уйти. Примерно в то же время, когда решила заглянуть в личное дело Дэниела, она заодно задумалась и о документах Кэма. Дэниел такой скрытный, и, к сожалению, его папка – тоже. А вот Кэм казался настолько открытым и понятным, что это пробудило ее любопытство. Интересно, сумеет ли она выяснить о нем что-нибудь такое, чем он сам не стал бы делиться. Но единственный взгляд на лицо Пенн подсказал, что времени у них в обрез.

– Если о Дэниеле возможно еще что-то разузнать, мы это сделаем, – пообещала Пенн. – Будем продолжать поиски. А теперь иди.

И она легонько подтолкнула Люс к двери. Девушка торопливо пробежала по вонючему проходу и распахнула дверь на лестницу. Воздух там еще был душным, но с каждой ступенькой вверх становился все свежее. Когда она наконец заглянула за угол, пришлось поморгать и потереть глаза, чтобы те привыкли к яркому солнечному свету, заливающему коридор. Она едва не на ощупь свернула, через побеленные двери вышла в главный вестибюль. И застыла на месте.

Два черных сапога на шпильках, скрещенные в районе щиколоток, выглядывали из телефонной кабинки, крича прямо-таки в голос о Злой ведьме с Юга^[6].

Люс поспешила к входной двери, надеясь остаться незамеченной, но обнаружила, что сапоги на каблуках прилагаются к лосинам под змеиную кожу, а те, в свою очередь, – к не улыбчивой Молли. Крохотный серебристый фотоаппарат лежал у нее в ладони. Она взглянула на Люс, повесила телефонную трубку и со стуком поставила ноги на пол.

– И почему ты выглядишь такой виноватой, а, Котлетка? – Молли упирала руки в бока. – Позволь, я угадаю. Ты по-прежнему пропускаешь мимо ушей мой совет держаться подальше от Дэниела.

Все это разыгрывание из себя злобного чудовища – явно не притворство. Откуда знать Молли, где только что побывала Люс. Она вообще ничего о ней не знает. И у нее нет причин вести себя так недоброжелательно. С первого школьного дня Люс ничего ей не сделала, не

считая попыток держаться от нее подальше.

– Ты что, забыла, каким чертовым несчастьем обернулся последний раз, когда ты пыталась навязаться не заинтересованному в тебе парню? – резко спросила та. – Как там его звали? Тейлор? Трумэн?

«Тревор».

Откуда Молли знает о Треворе? Вот он, ее самый жуткий секрет. Единственное, что хотела и должна была сохранить в тайне Люс.

Воплощение зла не только все о ней знает, но и не стесняется заводить разговор на эту тему, жестоко, надменно. Посреди административного корпуса школы.

Возможно ли, что Пенн солгала и Люс не единственная, с кем она делится своими открытиями? И найдется ли этому хоть какое-то разумное объяснение? Она обхватила руками плечи, чувствуя себя несчастной, выставленной на всеобщее обозрение. И необъяснимо виноватой, как и в ночь пожара.

Молли склонила голову набок.

– Наконец-то, – с заметным облегчением заключила она. – Что-то до тебя все-таки дошло.

Она повернулась к Люс спиной и настежь распахнула входную дверь. Перед тем как неторопливо прошествовать наружу, оглянулась и свысока воззрилась на нее.

– В общем, не стоит делать со старым добрым Дэниелом того же, что ты сотворила с этим, как там его. Усекла?

Люс бросилась было за ней, но в нескольких шагах от двери поняла, что, скорее всего, сломается, если попробует сцепиться с Молли прямо сейчас. Эта девица попросту слишком злобная. Затем, посыпая солью ее раны, от трибун рысцой поспешила Габби, встретившись с Молли посреди поля. Они стояли слишком далеко, чтобы различить выражения их лиц, когда обе повернулись и посмотрели на нее. Голова, увенчанная блондинистым хвостиком, склонилась к короткой темной стрижке. Самый зловещий разговор с глазу на глаз, какой когда-либо наблюдала Люс.

Она стиснула взмокшие кулачки, представляя, как Молли выложит все, что ей известно о Треворе, а Габби тут же побежит передавать новости Дэниелу. При мысли об этом от кончиков пальцев вверх по рукам и до самой груди раскатилась ноющая боль. Может, Дэниела и поймали за переходом улицы в непопозволенном месте, ну и что? Это и в сравнение не идет с тем, из-за чего сюда угодила Люс.

– Поберегись! – раздался окрик.

Она всегда терпеть не могла это слышать. Спортивный инвентарь

любого рода обладал занятным свойством попадать точно в нее. Девушка прищурилась, оглянувшись против солнца. И ничего не успела увидеть, не говоря уже о том, чтобы заслонить лицо, прежде чем в него что-то вмазалось так, что у нее загудело в ушах. Ой.

Футбольный мяч Роланда.

– Отлично! – крикнул парень, когда мяч отлетел прямо ему в руки.

Будто она специально его отбила. Люс потеряла лоб и сделала несколько неуверенных шагов в сторону.

Ладонь на запястье. Искорка жара, вышибившая из нее дыхание. Она опустила глаза, обнаружив на своей руке загорелые пальцы, обернулась навстречу глубоким серым глазам Дэниела.

– Ты в норме?

Она кивнула, он приподнял бровь.

– Если ты хотела поиграть в футбол, могла бы сразу так и сказать. Я был бы счастлив объяснить некоторые тонкости игры. Скажем, как большинство людей использует менее чувствительные части тела, чтобы отбивать мяч.

И он выпустил ее запястье. Люс показалось, что он тянется погладить пальцами саднящую сторону ее лица. На миг она застыла на месте затаив дыхание. Потом в груди все сжалось, поскольку Дэниел откинул челку, упавшую на глаза.

И только тогда Люс поняла, что он над ней смеется.

А почему бы ему и не смеяться? У нее на лице, должно быть, отпечатался футбольный мяч.

Молли и Габби, скрестив на груди руки, по-прежнему наблюдали за ней. А теперь еще и за Дэниелом.

– Похоже, твоя девушка начинает ревновать, – заметила Люс, показывая на них.

– Которая? – уточнил он.

– Я и не знала, что они обе твои девушки.

– Ни одна из них не является моей девушкой. У меня вообще нет девушки. Я имел в виду, которую из них ты сочла моей девушкой?

Люс была ошеломлена. А как насчет того разговора шепотом с Габби? И как эти девицы смотрят на них сейчас? Или Дэниел лжет?

Он смотрел на нее как-то странно.

– Возможно, ты ударила голову сильнее, чем я думал. Пойдем-ка, прогуляемся, заодно проветришься.

Люс попыталась отследить в предложении Дэниела скрытую

насмешку. Может, он имел в виду, что в ее пустой голове только ветру и гулять? Нет, это какая-то бессмыслица. Она взглянула на него. Как ему удастся выглядеть столь неподдельно искренним? И это в тот момент, когда она начала привыкать к тому, что он ее отшил.

– Куда? – осторожно спросила Люс.

Слишком просто обрадоваться тому, что у Дэниела нет девушки и он хочет куда-то с ней пойти. Тут должен быть какой-то подвох.

Дэниел чуть повел глазами в сторону девиц на другой стороне поля.

– Куда-нибудь, где нас не увидят.

Правда, Люс обещала Пенн встретиться с ней у трибун. Ничего страшного, позже у них будет время объясниться, подруга, разумеется, все поймет.

Девушка позволила Дэниелу увести себя от пристальных взглядов, через рощицу подгнивающих персиковых деревьев, за бывшую церковь. Они приближались к лесу замысловато сплетающихся дубов, причем Люс даже в голову не приходило, что Дэниел может тут прятаться. Он оглянулся, убеждаясь, что она не отстает. Она улыбнулась, будто следовать за ним не составляло для нее никаких трудностей, однако, перебираясь через узловатые древние корни, невольно вспомнила о тенях.

Люс совсем уже было собралась углубиться в лесные заросли, во мрак под густой листвой, который лишь изредка прорезает луч солнечного света. Запах густой влажной грязи витал в воздухе, и она вдруг поняла, что где-то поблизости течет вода.

Если бы умела, непременно помолилась бы о том, чтобы тени не приближались к ней, пусть даже на то краткое время, что она может провести с Дэниелом. Ох, только бы он не увидел, насколько безумной она порой становится. Но Люс никогда в жизни не молилась. И не знала, как это делается. Пришлось просто скрестить пальцы.

– Отсюда, сверху, открывается хороший вид на лес, – заметил Дэниел.

Они вышли на поляну, и Люс задохнулась от изумления.

Пока они пробирались по лесу, что-то успело измениться. Выйдя из-под деревьев и остановившись на высоком красном утесе, они будто оказались на открытке из тех, что вращаются на металлической стойке в аптеках небольших городков. В сказочном пейзаже идиллического юга, которого больше не существует. Каждый цвет, на который падал взгляд, казалось, блистал ярче, чем мгновением прежде. От кристально-синего озера до густо-изумрудного леса, окружающего их. Две чайки кружили в чистом небе у них над головами. Привстав на цыпочки, Люс смогла

разглядеть краешек рыжевато-коричневого солончака, который, по ее сведениям, где-то на невидимом горизонте уступал место белой океанской пене.

Она посмотрела на Дэниела. Он тоже будто сверкал. В этом свете его кожа казалась золотой, а глаза цветом напоминали дождь. Его глаза тяжело смотрели на нее.

– Что думаешь? – он выглядел теперь, вдали от всех остальных, куда более расслабленным.

– Никогда в жизни не видела ничего столь же чудесного, – она не отрывала глаза от нетронутой глади озера, мечтая нырнуть в него.

Примерно в пятидесяти футах от берега из воды поднималась большая плоская, поросшая мхом скала.

– Что это?

– Я тебе покажу, – пообещал Дэниел, сбрасывая обувь.

Люс безуспешно попыталась не пялиться на него, когда он стянул футболку, обнажив мускулистый торс.

– Давай же, – окликнул он.

Она невольно осознала, насколько, должно быть, выглядит примерзшей к месту.

– Ты можешь плавать прямо в этом, – добавил он, кивнув на ее майку и обрезанные джинсы. – На этот раз я даже позволю тебе победить.

Она рассмеялась.

– В отличие от случаев, когда я позволяла победить тебе?

Дэниел едва не кивнул, но резко остановился.

– Нет. В отличие от того, как ты на днях проиграла в бассейне.

На секунду ей захотелось объяснить, почему она проиграла. Возможно, они бы вместе посмеялись над этим недоразумением по поводу его отношений с Габби. Но Дэниел уже вскинул над головой руки, оттолкнулся, выгнулся и ринулся вниз, нырнув в озеро почти без брызг.

Одно из самых красивых зрелищ, по мнению Люс. Подобное изящество ей прежде не встречалось. Даже плеск приятным звоном отдавался у нее в ушах.

Ей хотелось быть там, внизу, вместе с ним.

Она оставила туфли под магнолией, рядом с обувью Дэниела, и встала на краю скалы. Обрыв около двадцати футов в высоту, вроде прыжка с вышки, от которого у нее всегда замирало сердце. В хорошем смысле слова.

Секундой позже голова парня показалась над поверхностью воды. Он усмехнулся, задержавшись у берега.

– Не вынуждай меня передумывать насчет твоей победы.

Глубоко вдохнув, Люс нацелилась пальцами поверх его головы и оттолкнулась от края, прыгнув ласточкой. Падение продолжалось лишь долю секунды, но ощущение того, как она парит в прогретом солнцем воздухе, устремляясь все ниже и ниже, было самым восхитительным на свете.

Плеск. Вода поначалу показалась обжигающе-холодной, зато мгновением позже – просто великолепной. Девушка вынырнула, чтобы перевести дух, бросила взгляд на Дэниела и привычным баттерфляем устремилась вперед.

Она так усердно выкладывалась, что потеряла его из виду, хотя сознавала, что рисуется, и надеялась, что он наблюдает за этим. Скала все приближалась и приближалась, пока она не хлопнула ладонью по ее боку. На мгновение раньше Дэниела.

Оба тяжело дышали, выбираясь на плоский, нагретый солнцем камень со скользкими от мха краями. Люс никак не удавалось как следует за них ухватиться, в отличие от Дэниела. У него подъем не вызвал никаких затруднений. Он протянул ей руку и поднял выше, так, чтобы ей удалось забросить ногу через край.

К тому времени, как она полностью выбралась из воды, он уже лежал на спине, почти просохнув. Только по шортам оставалось немного заметно, что он недавно купался. Мокрая одежда Люс, напротив, липла к телу, с волос стекала вода. Большинство парней не упустили бы возможности поглазеть на промокшую до нитки девушку, а Дэниел откинулся на спину и закрыл глаза, будто давая ей время выжать майку. То ли из любезности, то ли из безразличия.

«Из любезности» – решила наконец она, сознавая, что ведет себя как безнадежный романтик.

Дэниел казался таким проникательным и наверняка хотя бы отчасти воспринял то, что чувствует Люс. Не одно лишь влечение, потребность быть рядом, когда все остальные призывают держаться от него подальше, но совершенно отчетливое ощущение, будто они откуда-то знают друг друга. Да, действительно знают.

Дэниел распахнул глаза и улыбнулся так же, как на фотографии в его личном деле. Дежавю накрыло Люс настолько основательно, что ей даже пришлось прилечь.

– В чем дело? – тревожно спросил Дэниел.

– Ни в чем.

– Люс.

– Не могу выбросить это из головы, – объяснила она, перекатываясь на бок, чтобы смотреть ему в лицо.

Она пока чувствовала себя недостаточно устойчиво, чтобы сесть.

– Да это ощущение, будто мы знакомы. Причем знакомы уже давно.

Вода плескалась о скалу, брызги летели на пальцы. От холода по ее икрам расползалась гусиная кожа.

– Разве мы с этим еще не разобрались?

Тон его изменился, будто он пытался все превратить в шутку. Дэниел напоминал парня из Довера, самодовольного, неизменно скучающего, гордого собой.

– Я действительно польщен тем, что тебе мерещится связь между нами. Однако нет нужды выдумывать какую-то забытую историю, чтобы парень обратил на тебя внимание.

Ах вот оно что! Он полагает, что странное ощущение, от которого она никак не может избавиться, – скажем так, лукавство с целью его закадрить? Люс скрипнула зубами от обиды.

– И зачем бы мне это сочинять?

– Это ты мне скажи. Хотя нет, лучше не надо. Ничего хорошего из этого не выйдет, – он вздохнул. – Послушай, мне следовало сказать это раньше, когда я только начал замечать первые знаки.

Люс села. Сердце отчаянно колотилось. Дэниел тоже видит знаки.

– Я знаю, что слишком резко отшил тебя в спортзале, – медленно начал он, отчего девушка придвинулась ближе, как если бы быстрее могла вытягивать из него слова. – Мне следовало просто сказать тебе правду.

Она ждала.

– Я уже однажды обжегся с девушкой.

Дэниел опустил руку в воду, сорвал лист кувшинки и смял его в ладони.

– Я действительно любил ее. Знаешь, еще совсем недавно. Ничего личного, и я не хотел пренебрегать тобой.

Он поднял на нее глаза, капля воды у него в волосах сверкнула в лучах солнца.

– Но я не хотел бы обнадеживать тебя. Просто пока не собираюсь ни с кем связываться. Только не в ближайшее время.

Ох.

Она отвела взгляд, уставившись на спокойную, полуночно-синюю воду, где лишь несколько минут назад они смеялись и плескались. Озеро ничем больше не напоминало о том веселье. Как и лицо Дэниела.

Что ж, она тоже однажды обожглась. Может, если рассказать ему о Треворе и о том, как ужасно это было, Дэниел разговорится о своем прошлом. Но Люс прекрасно понимала, что не вынесет рассказа о его прошлом с кем-то другим. Одна мысль о нем с другой девушкой, и она вообразила себе Габби, Молли и калейдоскоп улыбающихся лиц, огромных глаз, длинных волос. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы ее замутило.

Его история о скверном разрыве должна была, по идее, все объяснить. Но не объяснила. Дэниел с самого начала вел себя с ней очень странно. Сначала показал средний палец, не успели они даже познакомиться, потом защитил от статуи на кладбище. Теперь вот привел сюда, к озеру. Одну. Люс совершенно ничего не понимала.

Дэниел опустил голову, но его глаза не отрывались от нее.

– Недостаточно удачное объяснение? – он будто знал, о чем она думает.

– Мне по-прежнему кажется, что ты что-то недоговариваешь, – настаивала Люс.

Она не сомневалась, что подобное невозможно объяснить единожды разбитым сердцем. В этой области у нее существует определенный опыт.

Дэниел сидел к ней спиной и смотрел в ту сторону, откуда они пришли. Спустя некоторое время он едко рассмеялся.

– Разумеется, я не обо всем тебе говорю, поскольку едва тебя знаю. Не понимаю, почему ты считаешь, что я тебе что-то должен.

Он вскочил.

– Ты куда?

– Мне нужно вернуться, – объяснил он.

– Не уходи, – прошептала Люс, но Дэниел, похоже, не услышал.

Затаив дыхание она смотрела, как он прыгает и погружается под воду. А потом он вынырнул, уже вдали, и поплыл в сторону берега. Один раз, примерно на полпути, Дэниел оглянулся и на прощание помахал ей рукой.

Сердце переполнило непонятное чувство, когда он перешел на безупречный баттерфляй. Как бы пусто ни было внутри, Люс не могла им не восхититься. Дэниел плыл так искусно и без усилий, что это едва вообще походило на плавание.

В мгновение ока он достиг берега, отчего расстояние между ними показалось куда меньшим, чем ей представлялось. Он выбрался на сушу столь же непринужденно, сколь и плыл.

Как же ему было важно убраться от нее подальше и как можно скорее!

Солнечный луч пробился сквозь деревья и облил его силуэт ярким свечением. Люс пришлось прищуриться от представшего ее глазам зрелища.

Она гадала, не помутилось ли ее зрение от удара футбольным мячом по голове. Или, может, то, что ей кажется сейчас, – не более чем просто мираж. Игра послеполуденного света.

Она встала на скале, чтобы рассмотреть все получше.

Дэниел всего лишь стряхивал воду с мокрых волос, но капли словно зависали над ним и по сторонам от него, бросая вызов тяготению в пределах размаха его рук.

И мерцание воды в лучах солнца выглядело почти так, будто у него есть крылья.

Глава 9. Состояние невинности

Вечером в понедельник мисс София стояла за кафедрой в просторнейшем кабинете «Августина», собственными руками изображая театр теней. Она созвала учеников на последний перед завтрашним экзаменом в середине семестра урок. Люс пропустила целый месяц занятий, поэтому мисс София решила, что ей придется много нагонять.

Это объясняло и то, почему Люс хотя бы делала вид, будто что-то записывает. Никто из учеников даже не замечал, что вечернее солнце, просачивающееся сквозь узкие западные окна, не лучшим образом сказывается на самодельной сцене мисс Софии. А Люс не хотелось вставать и опускать пыльные шторы, таким образом привлекая внимание к тому, что она следит за происходящим.

Когда лучи коснулись затылка, до нее вдруг дошло, как долго она сидит в этой комнате. Люс видела, как во время утреннего урока мировой истории пылает, словно грива, восходящее солнце над редкими волосами мистера Коула. Она изнемогала от душливого полуденного зноя на биологии у Альбатрос.

Теперь близился вечер. Солнце описало дугу над территорией школы, а девушка почти не вставала из-за парты. Тело застыло, как металлический стул, на котором она сидела, разум затупился, словно карандаш, которым уже бросила делать пометки.

И что за дела с этим театром теней? Им с остальными учениками что, по пять лет?

А потом Люс ужалило чувство вины. Из всего здешнего преподавательского состава мисс София оказалась самой заботливой, на днях даже мягко отозвала девушку в сторону, чтобы обсудить, насколько та отстала в написании работы о своем фамильном древе. Пришлось даже изобразить удивленную признательность, когда учительница заново повторила для нее детальные инструкции примерно в час длиной. Люс было слегка стыдно, но прикинуться дурочкой оказалось куда проще, чем признаться, что она слишком увлеклась мыслями о некоем однокласснике вместо того, чтобы посвятить хоть сколько-нибудь времени исследованиям.

Теперь мисс София стояла в длинном платье из черного крепа, изящно сплетая большие пальцы рук и поднимая ладони в воздух в приготовлениях к следующей фигуре. За окном облако заслонило солнце. Люс снова включилась в лекцию, заметив, что на стене за спиной мисс Софии вдруг

появилась настоящая тень.

– Как все вы помните из прочитанного в прошлом году «Потерянного рая»^[7], когда Бог даровал ангелам свободу воли, – вещала мисс София, дыша в микрофон, прикрепленный к лацкану пиджака цвета слоновой кости, и взмахивая тонкими пальцами, словно крыльями настоящего ангела, – нашелся один, преступивший черту.

Она театрально понизила голос и выгнула указательные пальцы, так что ангельские крылья превратились в дьявольские рога.

– Тоже мне фокус, – пробормотал кто-то за спиной Люс. – Старо как мир.

С самого начала лекции по меньшей мере один человек в классе, казалось, оспаривал каждое ее слово. Может, потому что Люс, в отличие от остальных, не получила религиозного воспитания, или потому что было жаль учительницу, но ее терзало нарастающее желание обернуться и заткнуть крикунов.

Девушка была злой, усталой, голодной. Вместо общего ужина с остальной школой двадцати ученикам, записанным в религиозный класс мисс Софии, сообщили, что, если они будут присутствовать на «факультативном» занятии, их накормят прямо в классе, чтобы не тратить время зря.

Еда – не ужин и даже не полдник, а какой-то неопределенный вечерний перекус – оказалась необычным опытом для Люс, которой было трудно найти что-нибудь съедобное и в заикленном на мясе кафетерии. Рэнди просто вкатил в класс тележку с наводящими тоску бутербродами и несколькими кувшинами тепловатой воды.

Состав бутербродов ограничился загадочной мясной нарезкой, майонезом и сыром. Люс с завистью смотрела, как Пенн уминает их один за другим, оставляя после себя лишь колечки корок со следами зубов. Она уже почти решилась очистить от колбасы один из бутербродов, когда Кэм толкнул ее плечом и разжал кулак, показав горсточку свежих фиг. На его ладони их темно-фиолетовые кожицы смотрелись словно драгоценные камни.

– Что это? – Люс едва сдерживала улыбку.

– Не можешь же ты жить на одном хлебе, – объяснил Кэм.

– Не ешь их, – встряла Габби, выхватывая фиги из ее пальцев и швыряя в мусорную корзину.

Она снова вмешалась в чужой разговор и заполнила опустевшее место в ладони Люс пригоршней M&M's с арахисом. Ободок на Габби был

раскрашен во все цвета радуги. Люс представила, как срывает пеструю шутовину с головы девушки и выкидывает в помойку.

– Она права, Люс, – заметила возникшая откуда-то Арриана, мрачно глянув на Кэма. – Кто знает, что он туда подсыпал?

Люс рассмеялась, подозревая, что подруга, конечно же, шутит. Но, заметив, что никто даже не улыбнулся, осеклась и сунула горстку конфет в карман, поскольку мисс София попросила всех занять свои места.

* * *

Казалось, прошло уже несколько часов, а они все еще были заперты в классе. Мисс София едва перешла от зари творения к войне на небесах. Они еще даже не добрались до Адама и Евы. Живот Люс урчал в знак протеста.

– Всем ли известно, кем был дурной ангел, восставший против Бога? – спросила мисс София, словно читала книжку с картинками детям в библиотеке.

Люс почти ожидала, что класс грянет в ответ ребяческое «да, мисс София».

– Ну, кто-нибудь?

– Роланд! – еле слышно предложила Арриана.

– Правильно, – подтвердила мисс София, кивая головой с благостным одобрением.

Ее просто подвел слух.

– Теперь мы называем его сатаной, но на протяжении многих лет он выступал под разными именами: Мефистофеля, Белиала, для некоторых даже Люцифера.

Сидящая впереди Молли, которая в течение последнего часа раскачивалась на стуле так, чтобы его спинка стукалась о парту сзади, с явным намерением свести Люс с ума, немедленно бросила ей через плечо клочок бумаги.

«Люс... Люцифер... ничего общего?» Сердитый размашистый почерк.

Люс заметила, как дрогнула высокая скула Молли, когда ее губы раздвинулись в усмешке. В мгновение голодной слабости она принялась яростно строчить ответ на обороте записки.

Ее называли в честь Люсинды Уильямс, величайшей из ныне живущих авторов-исполнительниц, на чьем концерте, едва не отмененном из-за

дождя, впервые встретились ее родители. А мама, поскользнувшись на пластиковом стаканчике и рухнув со склона, приземлилась на руки отцу и больше не покидала его объятий. Вот уже двадцать лет.

Ее имя напоминает о романтической истории. А может ли злоязычная Молли сказать то же самое о себе? В любом случае если во всей этой школе и найдется кто-нибудь, хотя бы чем-то напоминающий сатану, то это не адресат записки, а отправитель.

Ее взгляд сверлил затылок короткой, недавно перекрашенной в алый цвет стрижки. Люс уже была готова швырнуть в него клочок бумаги, рискуя нарваться на вспыльчивость Молли, когда мисс София привлекла ее внимание к своему представлению.

Учительница вскинула над головой руки, сложенными чашечкой ладонями вверх. И пока опускала, тени от ее пальцев на стене чудесным образом походили на молотящие по воздуху руки и ноги, будто кто-то спрыгнул с моста или крыши. Зрелище выглядело столь причудливым и мрачным, хотя и превосходно исполненным, что обескуражило Люс. Ей никак не удавалось отвести взгляд.

– В течение девяти дней и девяти ночей, – продолжала мисс София, – сатана и его ангелы падали, все дальше и дальше от небес.

Ее слова что-то всколыхнули в памяти Люс. Она посмотрела через два ряда на Дэниела. Тот на миг встретился с ней глазами, прежде чем уткнуться носом в тетрадь. Но и этого краткого взгляда оказалось достаточно, чтобы разом вернулось все. Сон, виденный ею прошлой ночью.

Это была переигранная история их с Дэниелом вылазки на озеро. Но во сне, когда он попрощался и нырнул, Люс хватило мужества последовать за ним. Вода оказалась теплой и такой уютной, что она даже не ощутила влажности. Косяки лиловых рыб мельтешили вокруг нее. Она плыла быстро, как только могла, и поначалу решила, что они помогают ей, подталкивая в сторону берега. Но вскоре скопище рыб потемнело, заслоня ей обзор. Люс больше не могла разглядеть парня. Рыбы сделались злобными и смутными, словно тени, и все приближались к ней, вскоре она уже ничего не могла разобрать и начала тонуть, соскальзывая и погружаясь в илистые глубины озера. Дело было не в трудностях с дыханием, а в невозможности подняться наверх со дна, в потере Дэниела навсегда.

Затем откуда-то снизу появился он, раскинув руки словно паруса, разбросав рыб-теней и обняв Люс. Вместе они воспарили к поверхности. Рвались сквозь воду, все выше и выше, мимо скалы и магнолии, где бросили свою обувь. И мгновением позже оказались так высоко, что она уже не различала внизу землю.

– И они приземлились, – заключила мисс София, опуская ладони на кафедру, – в пламенную бездну ада.

Люс зажмурилась и выдохнула. Сон оказался всего лишь сном. А вот это, увы, ее явь.

Она вздохнула и улеглась подбородком на руки, вспомнив о позабытом ответе на записку Молли. Свернутый клочок бумаги по-прежнему лежал в пальцах. Теперь это казалось глупым и опрометчивым. Лучше не отвечать вовсе, чтобы Молли не узнала, что ей удалось задеть Люс.

Бумажный самолетик приземлился на левое плечо. Она оглянулась в дальний угол класса, где, преувеличенно подмигивая, сидела Арриана.

«Думаю, ты не о сатане гредишь. Куда вы с Д. Г. умчались в субботу днем?»

Люс за весь день не выпало возможности поговорить с подругой наедине. Но откуда той известно, что она куда-то ходила с Дэниелом? Пока мисс София занималась изображением девяти кругов ада в виде театра теней, Арриана отправила по тому же адресу еще один точно нацеленный самолетик. Прямо на ее глазах.

И Молли.

Та потянулась вверх как раз вовремя, чтобы поймать записку гладкими, выкрашенными в черный ноготками, но Люс не собиралась уступать. Выхватила самолетик из рук Молли так, что его крыло с громким треском разорвалось почти надвое. Ей едва хватило времени убрать добычу в карман, прежде чем мисс София резко обернулась к ним.

– Люсинда и Молли, – она поджала губы. – Надеюсь, что бы вам ни понадобилось срочно обсудить путем неуважительного обмена записками, это можно сказать и перед всем классом.

Мысли Люс понеслись вскачь. Если она что-нибудь срочно не придумает, это сделает Молли, и трудно предугадать, в насколько неловкое положение это ее поставит.

– М-молли просто не согласна с вашим представлением о делении ада. У нее есть собственный взгляд на этот вопрос, – запинаясь, заявила она.

– Что ж, Молли, если ты иначе представляешь преисподнюю, я, разумеется, хотела бы об этом услышать.

– Какого черта, – чуть слышно выругалась Молли.

Затем прочистила горло и встала.

– Ну, вы описали пасть Люцифера как глубочайшее место в аду, где оказываются все предатели. Но что до меня, – она говорила так, словно успела отрепетировать эту речь, – я считаю, что жутчайшие муки...

И, оглянувшись, покосилась на Люс.

– ...следовало бы приберечь не для предателей, а для трусов, слабейших, бесхребетных неудачников. Поскольку, как мне кажется, предатели по крайней мере сделали свой выбор. Но трусы... они просто мечутся вокруг и грызут ногти, не решаясь хоть что-нибудь предпринять. Что гораздо хуже.

Молли сделала вид, что снова прочищает горло, и украдкой выкашляла слово «Люсинда!».

– Но это всего лишь мое мнение. И села на место.

– Спасибо, Молли, – осторожно поблагодарила мисс София, – уверена, все мы здесь узнали много нового.

К Люс это явно не относилось. Она вообще перестала слушать на середине тирады, когда в желудке зародилось злое тошнотворное ощущение.

Тени. Она почувствовала прежде, чем увидела их пузырящихся на полу, словно деготь. Щупальце мрака обвилося вокруг запястья, и Люс в ужасе уставилась вниз. Оно пыталось забраться к ней в карман. Охотилось за бумажным самолетиком Аррианы. А она еще даже не прочла записку! Девушка запихнула руку глубже в карман и, собрав в кулак всю силу воли, ущипнула тень так сильно, как только смогла.

Произошло нечто поразительное. Тень отпрянула и попятилась, словно обиженная собака. Люс впервые удалось добиться подобного эффекта.

Через весь класс она встретила взглядом с Аррианой. Подруга склонила голову, приоткрыв рот.

Записка. Должно быть, она все еще ждет, что Люс прочтет записку.

Мисс София выключила подсветку.

– Думаю, моему артриту достаточно ада для одного вечера.

Она хихикнула, приглашая оцепеневших мозгами учеников посмеяться с ней за компанию.

– Если перечитаете семь критических эссе, которые я задала по «Потерянному раю», думаю, вы окажетесь более чем готовыми к завтрашнему экзамену.

Пока ученики торопливо собирали вещи и высыпали из комнаты, Люс развернула записку Аррианы.

«Только не говори, что он загрузил тебя дурацкими рассказами в стиле “я уже однажды обжегся”».

Ох. Ей определенно нужно поговорить с Аррианой и выяснить, что именно та знает о Дэниеле. Но сначала...

Он стоял перед ней. Серебристая пряжка пояса поблескивала на уровне ее глаз. Люс набрала в грудь побольше воздуха и посмотрела ему в лицо.

Серые с лиловыми крапинками глаза Дэниела выглядели отдохнувшими. Она не заговаривала с ним два дня, с тех пор как он бросил ее на озере. Будто время, проведенное вдали от нее, придало ему сил.

Люс сообразила, что обличительная записка Аррианы все еще лежит у нее на парте, и поспешно убрала бумажку в карман.

– Я хотел извиниться за то, что так внезапно ушел в тот раз, – начал Дэниел каким-то странным, формальным тоном.

Девушка не знала, следует ли принимать его извинения, но он не дал ей времени ответить.

– Я так понимаю, ты благополучно добралась до берега?

Она попыталась улыбнуться. Пришло на ум рассказать Дэниелу о своем сне, но, к счастью, она вовремя сообразила, насколько дико это прозвучит.

– Что ты думаешь о повторении материала на этом занятии?

Парень казался отчужденным, закостеневшим, словно они никогда прежде не разговаривали. Возможно, он так шутил.

– Это просто пытка какая-то, – заметила Люс. Ее всегда раздражало, когда смекалистые девицы притворялись, будто им что-то не по душе по одной простой причине: что какой-то парень хотел бы услышать именно это. Сама она не притворялась. Это действительно было пыткой.

– Хорошо, – кивнул Дэниел, заметно обрадованный.

– Ты тоже весь извелся?

– Нет.

Люс пожалела, что не солгала, чтобы показаться более заинтересованной, чем это было на самом деле.

– Значит, тебе понравилось, – протянула она, пытаясь сказать что угодно, лишь бы задержать его рядом. – Ну и что именно тебе понравилось?

– Возможно, «понравилось» – не самое точное слово, – он помедлил и продолжил после долгой паузы: – Просто в моей семье изучают подобные вещи. Думаю, я не мог не ощутить связи.

Потребовалось мгновение, чтобы его слова в полной мере дошли до нее. Она мысленно вернулась к затхлому древнему подвалу, где заглянула в одностраничное личное дело Дэниела, утверждавшее, что Дэниел Григори большую часть жизни провел в сиротском приюте округа Лос-Анджелес.

– Я и не знала, что у тебя есть семья, – ляпнула Люс.

– А откуда бы тебе?.. – съязвил он.

– Не знаю. Так, в смысле, она у тебя есть?

– Вопрос в том, почему ты вообразила, будто вообще что-то знаешь о моей семье или обо мне?

В животе Люс что-то резко ухнуло вниз. Она увидела, как во встревоженных глазах Дэниела вспыхнуло: «Осторожно, преследователь». И поняла, что вновь испортила отношения с ним.

– Ди.

Откуда-то сзади объявился Роланд и положил руку на обтянутое футболкой плечо Дэниела.

– Ты собираешься торчать тут в надежде дожидаться еще одной лекции длиной в год или мы все-таки свалим?

– Да, – тихо согласился Дэниел, напоследок бросив на Люс еще один косой взгляд. – Пойдем отсюда.

Конечно. Очевидно, ей следовало бы всполошиться несколько минут назад. Скажем, при первом же порыве выболтать какие-либо подробности из его личного дела. Разумный, нормальный человек на ее месте уклонился бы от разговора или сменил бы тему на менее опасную. В крайнем случае придержал бы длинный язык на привязи.

А Люс день за днем доказывала, что неспособна на поступки, подпадающие под категорию «нормальных» или «разумных». Особенно когда дело касается Дэниела.

Она смотрела вслед парню, уходящему вместе с Роландом. Он так и не оглянулся. По мере того как он удалялся, она чувствовала себя все более одинокой. Беспочинно.

Глава 10. Дыма без огня не бывает

– Чего ты ждешь? – спросила Пенн спустя секунду после того, как парни удалились. – Идем.

И потянула Люс за руку.

– Идем куда?

Сердце все еще грохотало после разговора с Дэниелом и наблюдения за тем, как он удаляется. Контур рельефных плеч, маячащий перед глазами, казался больше него самого.

Пенн легонько постучала ей по лбу.

– Эй, там, ау? В библиотеку, как я писала в записке.

Она заметила недоумевающее выражение на лице Люс.

– Ты не получила ни одной моей записки?

Пенн разочарованно шлепнула себя ладонью по бедру.

– Я отдавала их Тодду, чтобы он передавал Кэму, а тот – тебе.

– Пони-экспресс^[8].

Между девушками вклинился Кэм, протянув два сложенных клочка бумаги.

– Не морочь мне голову. Твоя лошадь что, от изнеможения пала в дороге? – фыркнула Пенн, выхватывая записки. – Я передала их тебе примерно час назад. Почему так долго? Надеюсь, ты их не читал.

– Разумеется, нет.

Оскорбленный Кэм прижал ладонь к широкой груди. На его среднем пальце поблескивало широкое черное кольцо.

– Если помнишь, у Люс были неприятности из-за переписки с Молли.

– Я не переписывалась с Молли.

– Тем не менее, – заключил Кэм, отобрав записки у Пенн и наконец передав их Люс. – Я всего лишь проявил осмотрительность в твоих же интересах. Ждал подходящей возможности.

– Ну спасибо.

Девушка убрала бумажки в карман и, посмотрев на подругу, пожалала плечами: дескать, что тут поделаешь?

– И коль скоро речь зашла о подходящем моменте, я на днях побывал снаружи и увидел вот это.

Он достал маленькую красную бархатную коробочку, открыл и показал ее Люс.

Пенн высунулась из-за ее плеча, чтобы тоже взглянуть.

Внутри лежала маленькая круглая подвеска на тонкой золотой цепочке. К ее центру спускалась прорезная линия, наверху красовалась крохотная змеиная головка.

Люс подняла глаза на Кэма. Он что, смеется над ней?

Кэм коснулся подвески.

– Я подумал после того случая, ну, словом, хотел помочь тебе посмотреть в лицо своему страху, – объяснил он, побаиваясь, что она не примет подарка.

А следует ли ей его принимать?

– Только в шутку. Мне просто понравилось. Единственная в своем роде вещица, и она напомнила мне о тебе.

Единственная в своем роде. И очень красивая. Люс странным образом ощутила себя недостойной.

– Ты ходил за покупками? – неожиданно для себя поинтересовалась она, поскольку обсуждать, как он выбрался за территорию школы, оказалось легче, чем спросить: «А почему обо мне?». – Я думала, весь смысл исправительной школы в том, чтобы все мы намертво тут застряли.

Кэм слегка вздернул подбородок и улыбнулся одними глазами.

– Есть способы, – тихонько сообщил он. – Когда-нибудь посвящу тебя. Я мог бы показать даже сегодня ночью.

– Кэм, милый, – окликнул голос откуда-то сзади. Габби.

Похлопала его по плечу. Тонкая прядка надо лбом была заплетена во французскую косичку и заколота за ухом, словно небольшой изящный ободок. Люс с завистью уставилась на нее.

– Мне нужна твоя помощь с приготовлениями, – промурлыкала она.

Люс огляделась и обнаружила, что в классе остались только они четверо.

– Устраиваю маленькую вечеринку у себя в комнате, чуть позже, – пояснила Габби, прижимаясь к плечу Кэма, чтобы обратиться к ним с Пенн. – Вы ведь придете, правда?

Эта Габби! Ее губы всегда блестели помадой, а блондинистые волосы неизменно объявлялись на горизонте в ту же секунду, как с Люс заговаривал парень. Дэниел заявил, будто между ними ничего нет, хотя, впрочем, Люс не сомневалась, что он никогда не подружится с этой девицей.

Однако, необязательно хорошо относиться к человеку, чтобы бывать на его вечеринках, особенно если кое-кто другой, кто тебе нравится, тоже может там оказаться.

Или стоит поймать Кэма на слове? Он действительно предложил ей выбраться наружу? По классу как раз поползли слухи, когда Джулс и Филлип, парочка с проколотыми языками, не явились на занятие к мисс Софии. Судя по всему, попытались бежать с территории школы среди ночи, но тайная встреча сорвалась, а теперь они угодили в одиночное заключение, и их местоположение не известно даже Пенн.

Самое странное заключалось в том, что мисс София, не выносившая перешептываний, не одернула сплетников во время урока. Как если бы преподавательский состав хотел, чтобы они вообразили себе худшее из возможных наказаний за нарушение одного из их деспотических правил.

Люс сглотнула, бросив взгляд на Кэма. Тот подставил локоть, предлагая ей руку и совершенно не обращая внимания на Габби и Пенн.

– Ну и как насчет этого, детка? – его тон очаровательно напомнил классику голливудских фильмов, Люс напрочь забыла о случившемся с Джулс и Филлипом.

– Прости, – вмешалась Пенн, ответив обоим, и за локоть потащила подругу к двери, – но у нас другие планы.

Кэм смотрел на нее так, словно пытался понять, откуда она вдруг взялась. Обычно ему удавалось убедить Люс, будто она лучше и круче, чем есть на самом деле. И это сразу после того, как Дэниел уверял ее в обратном.

Габби по-прежнему ошивалась рядом с ним. Пенн тянула все сильнее, так что в конце концов Люс помахала рукой, все еще сжимая его подарок.

– Э-э-э, может, в другой раз? Спасибо за кулон! Оставив Кэма и Габби, сбитых с толку, в классе, подруги устремились прочь из «Августина.» Представлялось жутковатым оставаться вдвоем в темном здании. По торопливому стуку сандалий Пенн Люс могла с уверенностью утверждать, что в этом она не одинока.

Снаружи было ветрено. На дереве ухала сова. Когда они проходили под дубами, клочковатые плети бородатого мха щекотали их, словно спутанные пряди волос.

– «Может, в другой раз?» – Пенн передразнила Люс. – И что это было?

– Ничего. Не знаю.

Ей отчаянно захотелось сменить тему.

– А уж какими шикарными мы вышли по твоим словам, Пенн, – со смехом заметила она, пока они тащились по двору. – Другие планы. Мне казалось, тебе понравилась вечеринка на той неделе.

– Если бы ты все же ознакомилась с моими письмами, то поняла бы,

почему у нас на повестке дня более важные вопросы.

Люс вывернула карманы, обнаружила пять несъеденных конфет и поделилась с подругой. Пенн, весьма в своем духе, высказала надежду, что они прежде лежали в гигиенически чистом месте. Тем не менее съела их.

Люс развернула первую из записок, похожую на ксерокопию странички из какой-нибудь папки в подвальном архиве.

«Гэбриэл Гивенс

Кэмерон Брил

Люсинда Прайс

Тодд Хаммонд

Прежнее местонахождение:

Все на северо-востоке, кроме Т. Хаммонда

(Орландо, Флорида)

Арриана Альтер

Дэниел Григори

Мэри Маргарет Зейн

Прежнее местонахождение:

Лос-Анджелес, Калифорния»

Рядом с группой Люсинды стояла пометка о том, что они появились в «Мече и Кресте» пятнадцатого сентября этого года. Вторая компания прибыла пятнадцатого марта, тремя годами раньше.

– А кто такая Мэри Маргарет Зейн? – Люс ткнула пальцем в имя.

– Всего лишь замысловатый способ обозначения Молли, – пояснила Пенн.

Полное имя Молли – Мэри Маргарет?

– Неудивительно, что она так зла на весь мир, – заметила Люс. – Ну и где ты все это взяла?

– Выкопала в одной из коробок, которые на днях принесла вниз мисс София. Это ее почерк.

Люс подняла на нее удивленный взгляд.

– И что это означает? Зачем бы ей понадобилось это выписывать? Я думала, даты прибытия отмечены по отдельности в наших личных делах.

– Так и есть. Я тоже не могу понять. И, опять же, даже если ты появилась тут одновременно с этими ребятами, это не значит, что у тебя есть с ними что-то общее.

– У меня могло бы оказаться не меньше общего с ними, – буркнула Люс, представив жеманное выражение, которое постоянно изображала на своем лице Габби.

Пенн задумчиво поскребла подбородок.

– Арриана, Молли и Дэниел, появившись здесь, уже знали друг друга. Думаю, они прибыли из одного детдома в Лос-Анджелесе.

Где-то здесь был ключ к истории Дэниела. Она не могла ограничиваться одним лишь калифорнийским приютом. Хотя, если вспомнить его реакцию – как он побледнел от ужаса при одной мысли о том, что Люс захочет что-то о нем узнать, – ей сразу начинало казаться, будто их с Пенн поиски – не более чем пустое ребячество.

– И в чем смысл?

– Зачем мисс София собирает сведения, я понять не могу. Ведь сама она прибыла в «Меч и Крест» одновременно с ними.

Пенн чуть помолчала.

– Кто знает? Возможно, это ничего и не значит. Просто в архивах так мало упоминаний о Дэниеле, потому я и решила показать тебе все, что нашлось. Отсюда и экспонат Б.

Она показала на второй листок в руках Люс.

Та вздохнула. Отчасти хотелось прекратить поиски и больше не смущаться из-за него. Однако более дерзкая сторона ее натуры по-прежнему жаждала узнать больше, что, как ни странно, оказалось куда проще в его отсутствие, поскольку он не подавал новых поводов для неловкости.

Она заглянула в записку – ксерокопию старомодной карточки из библиотечного каталога.

«Григори, Д. Хранители: Миф в средневековой Европе.

Серафим Пресс, Рим, 1755. УДК: Р999.318 ГРИ»

– Похоже, какой-то предок Дэниела был ученым, – заметила Пенн, заглядывая Люс через плечо.

– Вот что, должно быть, он имел в виду, – еле слышно заметила Люс, обернувшись к подруге. – Он сказал мне, что в его семье принято изучать религию. Наверное, подразумевал именно это.

– А я думала, он сирота.

– И не спрашивай. Это для него больная тема. Люс чиркнула пальцем по названию книги.

– А что значит «хранители»?

– Есть только один способ выяснить, – сообщила Пенн. – Только мы

можем пожалеть об этом. Поскольку, судя по названию, эта книга имеет шансы оказаться скучнейшей на свете. Тем не менее я взяла на себя смелость проверить каталог. Книга должна находиться на полках. Поблагодаришь меня позже.

– Ты молодец, – улыбнулась Люс.

Ей хотелось скорее добраться до библиотеки. Если кто-то в семье Дэниела написал книгу, она не может оказаться скучной. По крайней мере, не для нее. Вскоре она взглянула на еще один предмет, оставшийся в руках. Бархатная коробочка от Кэма.

– Как думаешь, что это может означать? – спросила она Пенн, пока они поднимались по мозаичным ступеням лестницы в библиотеку.

Та пожала плечами.

– По отношению к змеям ты чувствуешь...

– Ненависть, боль, крайний ужас и отвращение, – перечислила Люс.

– Может, это как... Ладно, раньше я боялась кактусов. Не могла к ним подойти. Не смейся, ты когда-нибудь кололась об эту пакость? Их иголки застревают в коже надолго. В любом случае однажды на день рождения папа купил мне штук одиннадцать кактусов. Поначалу мне хотелось в него же ими и швырнуть. Но потом, знаешь, я к ним привыкла. Перестала шарахаться, проходя мимо. В конце концов это все же сработало.

– Так ты полагаешь, подарок Кэма на самом деле весьма мил?

– Думаю, так, – подтвердила Пенн. – Правда, если бы я знала, что он на тебя запал, ни за что бы не доверила ему нашу частную переписку. Извини.

– Он вовсе на меня не запал, – оправдывалась Люс, поглаживая пальцем золотую цепочку внутри коробочки и представляя, как украшение будет смотреться на ней.

Она ничего не сказала Пенн о своем пикнике с Кэмом, потому что... Словом, она сама толком не знала, почему. Это имело какое-то отношение к Дэниелу и к тому, как она по-прежнему не могла определиться, в каких отношениях находится или хочет находиться с каждым из них.

– Ха. То есть он тебе нравится! И это измена Дэниелу. Я не успеваю отслеживать твоих мужчин.

– Как если бы у меня что-то было хотя бы с одним из них, – хмуро отмахнулась Люс. – Думаешь, Кэм прочел записки?

– Если прочел и все-таки отдал тебе этот кулончик, значит, и впрямь на тебя запал.

Они вошли в библиотеку, тяжелые двери шумно захлопнулись за ними.

Стук эхом отозвался по комнате. Мисс София оторвала глаза от груды бумаг, устилавших подсвеченный лампой стол.

– О, здравствуйте, девочки, – обрадовалась она. Лицо учительницы просияло широкой улыбкой.

Люс снова кольнуло чувство вины за то, что отвлекалась на лекции.

– Надеюсь, вам понравилось мое коротенькое занятие, посвященное повторению пройденного! – едва ли не пропела мисс София.

– Очень, – кивнула Люс, хотя кратким это повторение назвать было трудно. – Мы пришли сюда еще кое-что перечитать перед экзаменом.

– Точно, – поддержала Пенн. – Вы нас вдохновили.

– Как чудесно! – воскликнула мисс София, принимаясь шелестеть бумагами. – У меня тут где-то был список дополнительного чтения. С радостью сделаю вам копию.

– Великолепно, – солгала Пенн, украдкой подталкивая Люс к стеллажам. – Мы непременно дадим вам знать, если он нам понадобится!

В библиотеке за пределами стола мисс Софии царила тишина. Девушки просматривали коды, переходя от полки к полке в сторону книг по религии. Энергосберегающие лампочки, снабженные детекторами движения, должны были включаться, когда они пересекали очередной проход, но работала примерно половина из них. Люс заметила, что Пенн все еще держит ее за руку, и осознала, что и сама не хочет, чтобы ее отпускали.

Они подошли к обычно людному читальному залу, освещенному единственной настольной лампой. Остальные ребята, должно быть, отправились на вечеринку к Габби. Все, кроме Тодда. Он сидел, забросив ноги на соседний стул, и, казалось, читал атлас мира размером с кофейный столик. Когда девушки прошли мимо, он поднял на них тусклый взгляд, который с равным успехом мог выражать и крайнее одиночество, и раздражение из-за того, что его побеспокоили.

– Поздненько вы тут, – ровно голосом заметил он.

– А сам-то, – парировала Пенн, показав ему язык.

Когда между ними и Тоддом образовалось расстояние в несколько стеллажей, Люс обернулась, удивленно выгнув бровь.

– И что это было?

– Что? Просто он со мной заигрывает.

Пенн скрестила руки на груди и сдула с глаз каштановый завиток волос.

– Как это?

– Ты что, в четвертом классе?

Пенн грозно ткнула в подругу указательным пальцем, та чуть не подпрыгнула, но вовремя захихикала.

– Может, знаешь кого-то еще, кто полезет с тобой копаться в семейной истории Дэниела Григори? Вот уж не думаю. Поэтому оставь меня в покое.

Они уже добрались до самого дальнего угла библиотеки, где на одном стеллаже были выстроены все девятьсот девяносто девять томов. Пенн присела на корточки и повела указательным пальцем по книжным корешкам. Люс вздрогнула, будто кто-то легонько коснулся ее шеи. Она оглянулась и увидела серый клок. Не черный, какими обычно представляли тени, а светлее и тоньше. Хотя и столь же непрошенный.

Широко распахнув глаза, девушка наблюдала, как тень вытягивается длинной извивающейся прядью в сторону головы Пенн. Она медленно опускалась, словно игла с заправленной в нее нитью. Не хотелось даже думать о том, что может случиться, если серый краешек дотронется до подруги. На днях в гимнастическом зале тени впервые коснулись ее самой. Она до сих пор чувствовала себя оскверненной, едва ли не грязной и понятия не имела, на что еще те способны.

Встревоженная Люс вытянула руку словно бейсбольную биту. Глубоко вздохнула и замахнулась. Кожа пошла мурашками от ледяного прикосновения, когда она отбросила тень прочь, смазав Пенн по макушке.

Та прижала руки к затылку и с удивлением оглянулась на Люс.

– Да что с тобой такое?

Люс осела на пол рядом и рассеянно пригладила взъерошенные волосы подруги.

– Прости, пожалуйста. Там была... Мне показалось, я заметила пчелу у тебя на голове. Я испугалась, что она тебя ужалит.

Люс прекрасно понимала, насколько нелеп этот вымышленный повод, и ждала, что Пенн вот-вот объявит ее сумасшедшей. С какой стати пчеле вообще залетать в библиотеку? А вдруг подруга встанет и уйдет?

Однако круглое лицо Пенн смягчилось. Она взяла ладонь Люс обеими руками и крепко пожала.

– Я тоже боюсь пчел, – призналась она. – Я страшный аллергик. Считай, ты мне только что жизнь спасла.

Это мгновение могло бы оказаться важным, едва ли не переломным для их дружбы. Но не оказалось, поскольку внимание Люс было всецело поглощено тенями. Если бы только существовал способ выбросить их из головы, отделаться, не отделавшись заодно и от Пенн.

Девушку изрядно беспокоил этот светло-серый клок. Единообразие теней ее никогда не утешало, а уж эти последние разновидности привели в

еще большее замешательство. Означает ли это, что дорогу к ней проторило большее количество разновидностей? Или она стала лучше их различать? А как насчет странного случая на лекции мисс Софии, когда ей удалось щипком отпугнуть тень, пытавшуюся проникнуть в карман? Она сделала это не задумываясь и никак не ожидала, что всего лишь два пальца в состоянии хоть как-то обуздать распоясавшуюся тень. Люс огляделась: «По крайней мере, временно».

Она задумалась, не создала ли своего рода прецедент по взаимодействию с ними. Только вот называть то, что сделала с тенью, нависшей над головой Пенн, «взаимодействием» – эвфемизм. Даже Люс понимала это. Леденящее, тошнотворное чувство шевельнулось в животе, когда она осознала, что все это больше похоже на сражение с ними.

– Странное дело, – заговорила Пенн. – Она должна стоять как раз между «Словарем ангелов» и этими жуткими рассуждениями Билли Грэма^[9] об огне и сере. Но, представь, ее здесь нет.

– Мне показалось, ты говорила...

– Именно. Когда вечером смотрела, в компьютерной базе данных значилось, что она на полках, но уже поздно, и мы не можем подключиться, чтобы проверить снова.

– Сходи, спроси Тодда, – предложила Люс. – Может, он прикрывает ею «Плейбой».

– Вот гадость.

Пенн стукнула ее по бедру.

Люс понимала, что шутит лишь в попытке скрыть собственное разочарование. Все оказалось тщетно. Ей не удавалось ничего выяснить о Дэниеле без того, чтобы натолкнуться на препятствие. Она не представляла, что найдет на страницах книги его прапра... кого бы то ни было, но, по крайней мере, это может пролить некий свет на парня. Уж куда лучше, чем совсем ничего.

– Подожди здесь, – попросила Пенн. – Пойду, расспрошу мисс Софию, не брал ли ее кто-нибудь сегодня.

Люс смотрела, как она уходит по длинному проходу в сторону абонементного стола. И рассмеялась, когда подруга ускорила шаг, проходя мимо места, где сидел Тодд.

Оставшись в одиночестве в дальнем углу, она провела рукой по корешкам книг. Наскоро перебрала в уме учащихся «Меча и Креста», но не сумела придумать ни одного вероятного кандидата на чтение древних религиозных фолиантов. Возможно, мисс София воспользовалась этим источником, готовясь к вечернему занятию. Люс задумалась, каково было

Дэниелу сидеть там и слушать, как библиотекарь рассуждает о том, что, вероятно, служило темой для застольных бесед, пока он рос. Вот бы узнать, на что было похоже его детство. Что случилось с его семьей? Было ли воспитание в приюте религиозным или хоть чем-то напоминало ее собственное, когда единственными вещами, к которым относились с благоговейным трепетом, были хорошие отметки и награды за отличную учебу? Ей хотелось знать, читал ли Дэниел книгу своего предка, что о ней думал, понравилось ли ему это. Интересно, что он делает в настоящий момент на вечеринке Габби, когда у него день рождения, какого размера ботинки носит, вспоминал ли за все это время о ней.

Люс покачала головой. Поезд мыслей следовал прямым на станцию Жалость, и ей хотелось сойти.

Она сняла с полки первую попавшуюся книжку – весьма непривлекательно затянутый в ткань «Словарь ангелов» – и решила отвлечься чтением в ожидании Пенн.

Она добралась только до падшего ангела Аваддона, пожалевшего о том, что присоединился к сатане, и с тех пор непрерывно оплакивающего свою ошибку – вот скуотища, – когда над головой раздался пронзительный звон. Люс подняла глаза и увидела красную вспышку пожарной тревоги.

– Внимание. Внимание, – объявил по репродуктору монотонный механический голос. – Объявлена пожарная тревога. Покиньте здание.

Она запихнула книгу обратно на полку и вскочила. В Довере такие штуки устраивали постоянно. Вскоре дошло до того, что даже учителя не обращали внимания на ежемесячные пожарные учения, и пожарное депо стало включать тревогу, просто чтобы заставить людей реагировать. Люс вполне могла представить, как руководство «Меча и Креста» проделывает подобный трюк. Но, направившись к выходу, она, к немалому своему удивлению, сильно закашлялась. Библиотеку заполнял настоящий дым.

– Пенн! – крикнула она.

Собственный голос эхом отозвался в ушах. Она поняла, что ее заглушил пронзительный визг тревоги.

Едкий запах дыма мгновенно обрушил ее в пламя той ночи с Тревором. Сознание переполняли образы и звуки, которые она задвигала на такие глухие задворки памяти, что с тем же успехом они могли бы изгладиться вовсе. До этого момента.

Жутковатые белки глаз Тревога на фоне рыжего сияния. Отдельные всполохи пламени, когда огонь разбежался по каждому его пальцу. Крик, нескончаемый пронзительный визг, долго гудевший у нее в голове словно

сирена после того, как умолк Тревор. Все это время она стояла там и смотрела, не могла не смотреть, застывшая в этой купели жара, не в силах шевельнуться. Не в силах что-нибудь предпринять, чтобы помочь ему. И он погиб.

Рука сжала левое запястье. Люс обернулась, ожидая увидеть Пенн. Но это оказался Тодд с широко распахнутыми глазами. Он тоже кашлял.

– Нам надо выбираться отсюда, – выговорил он, часто дыша. – Думаю, в дальнем конце должен быть запасной выход.

– А что с Пенн и мисс Софией?

Ее мучили слабость и головокружение. Она потеряла глаза.

– Они были там.

Указав в сторону прохода, ведущего к двери, она заметила, насколько там сгустились клубы дыма.

Казалось, Тодд на миг засомневался, но потом кивнул.

– Ладно.

Он так и держал ее за руку, когда они, пригнувшись, припустили к главному входу в библиотеку, забрав правее, когда один из проходов показался особенно густо задымленным. Потом они уткнулись в книжную стену без единой подсказки, куда бежать дальше. Ребята остановились отдышаться. Дым, лишь мгновение раньше висевший над их головами, уже стелился на уровне плеч.

Даже пригибаясь ниже этого слоя, они задыхались. И не могли ничего разглядеть уже в нескольких футах от себя. Удостоверившись, что крепко держится за Тодда, Люс огляделась по сторонам, внезапно засомневавшись, с какой стороны они пришли. Подняла руку и нащупала горячую металлическую полку стеллажа. Ей не удавалось даже разобрать буквы на корешках. Они сейчас в секции «Г» или «Т»?

Не было никаких подсказок, которые бы привели их к Пенн, мисс Софии или к выходу. Люс с головой захлестнула волна паники, отчего дышать стало еще трудней.

– Они наверняка уже выбрались через входную дверь! – крикнул Тодд, лишь отчасти уверенный в этом. – Нам надо вернуться!

Люс прикусила губу. Если что-нибудь случится с Пенн...

Она едва различала Тодда, стоящего прямо перед ней. Он прав, но в какую сторону возвращаться? Люс молча кивнула, и он потянул ее за руку.

Она еще долго двигалась, не понимая, куда они бегут, но чем дальше, тем выше поднимался дым, понемногу, пока в конце концов она не увидела красное свечение таблички аварийного выхода и с облегчением вздохнула. Тодд нащупал ручку и наконец распахнул дверь.

Они оказались в коридоре, которого девушка никогда прежде не видела. Парень захлопнул за ними дверь. Они хватали ртами свежий воздух, наполняя легкие. У него был такой приятный вкус, что Люс даже захотелось вонзить в него зубы, выхлебать целый галлон, искупаться в нем. Они выкашливали дым, пока не засмеялись тревожным, с толикой облегчения смехом. Они хохотали, пока Люс не расплакалась. Но даже когда она перестала всхлипывать и кашлять, глаза продолжали слезиться.

Как она может вдыхать этот воздух, когда даже не знает, что случилось с Пенн? Если подруга не выбралась, упала где-то внутри, значит, Люс снова подвела человека, о котором волновалась. Только на этот раз будет гораздо хуже.

Она утерла слезы и заметила, как из щели под дверью, завиваясь кольцами, выползает клуб дыма. Они еще не в безопасности. В конце коридора виднелась еще одна дверь. Сквозь стеклянное окошко Люс разглядела ветку дерева, качающуюся в ночи, и выдохнула. Через несколько мгновений они окажутся снаружи, вдали от удушливого дыма.

Если они поспешат, смогут обойти вокруг здание, попасть к главному входу и убедиться, что Пенн и мисс София успешно выбрались наружу.

– Идем, – сказала она Тодду, с хрипом сложившемуся вдвое. – Надо двигаться дальше.

Он выпрямился, но Люс видела, что ему действительно плохо. Его лицо побагровело, глаза поблескивали диковато и влажно. Ей пришлось тащить его к двери едва ли не волоком.

Люс так сосредоточилась на том, чтобы выбраться наружу, что не сразу распознала низкий шипящий шум, который обрушился на них, заглушая сигнал тревоги.

Она посмотрела вверх, прямо в водоворот теней. Весь спектр серых и густо-черных оттенков. Она никак не могла видеть дальше потолка над головой, но казалось, что тени каким-то образом простираются за его пределы. В чуждое, скрытое от нее небо. Все они густо переплелись друг с другом, пребывая тем не менее по отдельности.

Среди них была и более светлая, сероватая тень, которую Люс видела чуть раньше. Та уже утратила форму иглы и теперь походила, скорее, на пламя спички, пританцовывающее в коридоре над их головами. Неужели ей действительно удалось отогнать эту бесформенную тьму, когда та собралась коснуться головы Пенн? От одного воспоминания у Люс начали зудеть ладони и поджались пальцы ног.

Тодд принялся колотить в стены, словно коридор смыкался вокруг них. Люс помнила, что они даже близко не подошли к двери, и схватила парня за руку, но их вспотевшие ладони выскользывали друг из друга. Тогда она крепко стиснула его запястье. Тодд был белым, как призрак, и пригибался к полу, едва не съезжившись. С его губ сорвался стон ужаса.

Потому что дым заполнял теперь и коридор?

Или потому что он тоже чувствовал близость теней?

Невозможно.

Однако его лицо было измученным и перепуганным. И теперь тени клубились у них над головами куда сильнее, чем прежде.

– Люс! – окликнул он дрогнувшим голосом. Новая стая теней поднялась прямо у них на пути.

Густо-черный покров мрака застил стены так что, Люс больше не могла различить дверь. Она оглянулась на Тодда. Видит ли он ее?

– Бежим! – крикнула она.

Может ли он вообще бежать? Его лицо приобрело мертвенно-бледный оттенок, веки почти сомкнулись. Он был на грани обморока. Как вдруг ей показалось, что именно он ее тащит.

Или нечто тащит их обоих.

– Что за черт? – заорал Тодд.

Спустя мгновение их ноги оторвались от пола. Люс показалось, что ее подхватила океанская волна, светлый гребень, поднимающий все выше, наполняющий тело воздухом. Она не знала, куда ее несет, не видела двери, только путаницу чернильных теней вокруг, нависающих, но не касающихся ее. Ей следовало бы испугаться, но она не боялась. Почему-то Люс чувствовала себя защищенной от теней, словно что-то ограждало ее, что-то обволакивающее, но непроницаемое, необъяснимо знакомое. Сильное и нежное одновременно.

Что-то.

Они с Тоддом почти мигом оказались у двери. Ее ноги вновь коснулись пола. Люс всем весом налегла на засов двери аварийного выхода.

Потом хватала воздух ртом. Задышалась. Кашляла. Давилась.

Зазвенел еще один сигнал тревоги. Но где-то вдали.

Ветер хлестнул ее по шее. Они выбрались! И стоят на небольшом карнизе. Вниз, к школьному двору, уходила лестница, и, хотя голова все еще была мутной и полной дыма, Люс показалось, что где-то поблизости звучат голоса.

Она обернулась, пытаясь понять, что произошло. Как они с Тоддом пробрались сквозь густую черную, непроницаемую тень? И что за сила их

спасла?

Ей почти хотелось вернуться и поискать эту силу. Но в коридоре было темно, а глаза все еще слезились, и ей никак не удавалось вновь различить извивающиеся очертания теней. Возможно, они испарились.

Затем последовала изломанная вспышка, похожая на древесный ствол с ветвями. Нет, скорее, на туловище с длинными раскинутыми конечностями. Мерцающая, почти лиловая колонна света нависла над ними. Люс, как это было ни нелепо, вспомнила о Дэниеле. У нее видения. Она глубоко вздохнула и попыталась смахнуть с глаз дымные слезы. Но свет не пропал. Она больше почувствовала, чем услышала его зов, успокаивающий, убаюкивающий, словно колыбельная на поле битвы.

Так что не заметила приближения теней.

Они врезались в них с Тоддом, разорвав сцепленные руки и подбросив девушку в воздух.

Она рухнула наземь у подножия лестницы. Мучительный хрип сорвался с ее губ.

Долгое мгновение голова раскалывалась. Люс никогда прежде не чувствовала столь сильной и жгучей боли. Она закричала в ночь, в схватку света и теней в вышине.

Но на том ее силы иссякли. Она, закрыв глаза, впала в забытие.

Глава 11. Грубое пробуждение

– Ты боишься? – спросил Дэниел.

Он склонил голову. Легкий ветерок трепал его светлые волосы. Он держал ее, и хотя его руки крепко сжимали талию, они казались мягкими и легкими, словно шелковый пояс. Ее пальцы сплетались за его шеей.

Боится ли она? Разумеется, нет. Она же с ним. Наконец-то. В его объятиях. Более точный вопрос, маячащий на задворках сознания: а следует ли ей бояться? Люс не уверена, поскольку даже не знала, где находится.

Девушка учуяла в воздухе запах близкого дождя. Хотя они с Дэниелом не промокли. Она ощущала на себе длинное белое платье, сбегаящее до самых щиколоток. Свет дня был уже на исходе. Люс пронизывало острое сожаление об упущенном закате, словно она могла что-то предпринять, чтобы остановить его. Откуда-то она знала, что последние лучи солнца столь же драгоценны, сколь и последние капли меда в горшочке.

– Ты останешься со мной?

Ее голос прозвучал еле слышным шепотом, почти заглушенным низким рокотом грома. Порыв ветра взвихрился вокруг них, бросив волосы ей в глаза. Дэниел тесней прижал ее к себе, чтобы она могла дышать его дыханием, чувствовать запах его кожи.

– Навсегда, – прошептал он.

Сладкий звук его голоса переполнил все ее существо.

Слева у него на лбу была заметна небольшая царапинка, но Люс сразу же забыла о ней, стоило Дэниелу положить ладонь ей на щеку и притянуть ближе ее лицо. Она чуть запрокинула голову, тело обмякло от предвкушения.

И в конце концов он накрыл ее губы своими с настойчивостью, от которой у нее перехватило дух. Он целовал Люс, словно она принадлежала ему. Так естественно, как если бы она была некой давно утерянной его частью, которую ему наконец удалось вернуть.

Затем начался дождь. Он пропитывал их волосы, сбегал по лицам и затекал в рот.

Теплый и пьянящий дождь. Словно сами поцелуи. Люс потянулась обнять Дэниела, прижаться к нему еще ближе, ее руки скользнули по чему-то бархатистому. Она провела по находке ладонью, затем другой, ища ее границы, и пыталась взглянуть во что-то за сияющим лицом.

Что-то разворачивалось за его спиной.

Крылья. Блестящие и переливающиеся, медленно, без усилий бьющие по воздуху, сверкающие под дождем. Она где-то видела их прежде, возможно, или нечто подобное.

– Дэниел, – задыхаясь, выговорила она.

Крылья поглотили обзор и мысли. Казалось, они мерцают миллионами оттенков, от которых заболела голова. Люс пробовала смотреть мимо них, куда угодно, но везде, куда хватало обзора, и все, помимо Дэниела, оказывалось розовыми и голубыми красками закатного неба.

Люс опустила глаза и заметила напоследок кое-что еще.

Землю.

В тысячах футов под ними.

* * *

Когда она открыла глаза, вокруг было слишком ярко, кожа казалась слишком сухой, затылок раскалывался от боли. Небо исчезло, а вместе с ним – и Дэниел.

Очередной сон.

Только после этого ее слегка замутило от тоски. Девушка находилась в комнате с белыми стенами.

Лежала на больничной койке. Слева от нее была наполовину задернута тонкая, словно бумага, занавеска, отгораживающая от какой-то суеты по другую сторону.

Люс осторожно потрогала чувствительное место у основания шеи и застонала.

Она попробовала сориентироваться на местности. Хотя и не знала, где находится, но была твердо уверена, что это не «Меч и Крест». Она похлопала себя ладонями по бокам. Струящееся белое платье оказалось мешковатым больничным халатом. Люс почти ощущала, как ускользают остатки сна. Каждая деталь, кроме тех крыльев. Они казались такими настоящими. Бархатистыми и текучими на ощупь. В животе все перевернулось. Она стиснула и разжала кулаки, остро ощущая пустоту.

Кто-то схватил ее правую руку и пожал. Девушка поспешно оглянулась и поморщилась. Она-то считала, что одна тут. А это Габби устроилась на краешке выцветшего синего стула на колесиках, словно нарочно раздражающе подчеркивавшего цвет ее глаз.

Люс хотелось отпрянуть, по крайней мере, она ожидала, что захочется

отпрянуть, но Габби тепло ей улыбнулась, и девушка почему-то почувствовала себя в безопасности, поняла, что ее радует чужое присутствие.

– И какая часть этого всего была сном?

Габби рассмеялась. На столике рядом с ней стояла баночка с кремом для кутикулы, и она принялась втирать белую массу с лимонным запахом в ногтевые ложа Люс.

– Кто знает, – Габби массировала чужие пальцы. – Но не забивай голову снами. Я знаю, когда мой мир опрокидывается вверх дном, ничто не помогает встать на ноги лучше, чем маникюр.

Люс опустила глаза. Она никогда особо не интересовалась уходом за ногтями, но Габби напонила ей маму, всегда предлагавшую посетить салон, когда дочери выпадал неудачный день. Пока одноклассница неторопливо занималась ее пальцами, Люс гадала, не упускала ли она чего-то все эти годы.

– Где мы?

– В больнице Лулвотер.

Впервые за пределами школьной территории – и в пяти минутах от родительского дома. В последний раз она находилась здесь после падения с велосипеда, тогда ей наложили три шва на локоть. Отец все время был рядом с ней. Теперь его нигде не видно.

– Как долго я здесь?

– Тебя нашли прошлым вечером, около одиннадцати. Ты упала в обморок, наглотавшись дыма. Это обычная практика – вызывать скорую, когда учащегося исправительной школы находят без сознания, но не волнуйся, Рэнди сказала, что тебя скоро отсюда выпустят. Как только твои родители дадут добро.

– Мои родители здесь?

– И полны тревоги за свою доченьку. До самых секущихся кончиков завивки твоей мамы. Они сейчас в коридоре, тонут в канцелярщине. Я пообещала им присмотреть за тобой.

Люс застонала и вжалась лицом в подушку, невольно вновь спровоцировав ноющую боль в затылке.

– Если не хочешь их видеть...

Но она стонала не из-за родителей. Девушка отчаянно жаждала их увидеть. Она помнила библиотеку, пламя и новую породу теней, становившихся все более пугающими с каждым разом, когда они находили ее, всегда мрачные и уродливые, вызывающие тревогу. Хотя прошлым вечером ей показалось, что почти ничего не хотели от нее. А потом

появилась та, другая штука, подъемная сила, которая помогла ей освободиться.

– Ну что за взгляд? – Габби склонила голову набок и помахала ладошкой перед лицом Люс. – О чем это ты думаешь?

Люс терялась в догадках, чем объяснить внезапную доброту одноклассницы. Габби не слишком походила на человека, готового вызваться другому в сиделки, а поблизости не наблюдалось парней, чьим вниманием она могла бы завладеть. Да и Люс ей вроде бы не особо нравилась. Не может же она в самом деле просто так заявиться сюда, по собственной прихоти?

Но как бы мило ни держалась Габби, происшествие прошлого вечера оставалось совершенно необъяснимым. Жуткое, неопишемое сборище в коридоре. Сюрреалистичное ощущение того, как ее потащило вперед сквозь эту тьму. Непонятная, неодолимая фигура из света.

– А где Тодд? – Люс ответила вопросом на вопрос, вспомнив испуганные глаза парня.

В падении она не удержала его руку, а затем... Бумажная занавеска внезапно отдернулась, и за ней обнаружилась Арриана на роликовых коньках и в спортивном костюме леденцовой, красно-белой расцветки. Ее короткие темные волосы были собраны на макушке во множество узелков. Она вкатилась, балансируя подносом, на котором красовались три кокосовые скорлупки, увенчанные неоновыми коктейльными зонтиками на соломинках.

– Позвольте мне уточнить, – протянула она хриловатым, чуть гнусавым голосом. – Вы добавляете в кокос лайм и выпиваете их разом. Эй-эй, унылые лица. Я что-то пропустила?

Арриана затормозила в ногах кровати и протянула Люс кокос с покачивающимся над ним розовым зонтиком.

Габби вскочила и первой схватила скорлупку, придирчиво понюхав ее содержимое.

– Слушай, Арриана, она только что перенесла травму. И, к твоему сведению, ты прервала разговор о Тодде.

Арриана расправила плечи.

– Именно поэтому ей и нужно кое-что покрепче, – она по-хозяйски удерживала поднос, пока они с Габби играли в гляделки. – Хорошо, я дам ей твой скучный старый напиток.

И протянула Люс кокос с голубой соломинкой. Должно быть, девушка пребывала в страшном оцепенении после пережитого. Где им удалось все

это достать: кокосы, коктейльные зонтики? Будто она потеряла сознание в исправительной школе, а очнулась в средиземноморском отеле.

– Где вы, ребята, все это раздобыли? Конечно, спасибо, но...

– Когда нужно, мы объединяем силы, – пояснила Арриана. – Роланд помог.

Они втроем сидели, потягивая холодное сладкое питье, но вскоре Люс не выдержала.

– Возвращаясь к вопросу о Тодде.

– Тодд, – начала Габби, откашлявшись. – Дело в том... Он просто вдохнул куда больше дыма, чем ты, милая.

– Нет, не так, – выплюнула Арриана. – Он свернул себе шею.

Люс ахнула, Габби стукнула Арриану коктейльным зонтиком.

– Что такое? – возмутилась та. – Люс способна это вынести. Если рано или поздно она все равно все выяснит, зачем приукрашивать детали?

– Свидетельства пока не вполне убедительны, – с нажимом возразила Габби.

Арриана пожала плечами.

– Люс сама там была и наверняка все видела.

– Я не видела, что произошло с ним. Мы были вместе, а потом каким-то образом нас разметало в разные стороны. У меня было дурное предчувствие, но я не знала, – она понизила голос до шепота. – Так он...

– Оставил этот мир, – мягко закончила Габби. Люс прикрыла глаза. По жилам растекался холодок, не имевший ничего общего с питьем. Она вспомнила, как Тодд бешено колотился о стены, а его взмокшая ладонь стиснула ее руку, когда рев теней над головами заглушил все остальные звуки. Жуткий миг, когда их разбросало в стороны и ей так и не удалось до него добраться.

Он видел тени. Теперь Люс в этом не сомневалась. И он погиб.

После смерти Тревора не проходило и недели без очередного полного ненависти письма, добравшегося до нее. Родители начали проверять почту до того, как она прочтет ядовитые слова, но даже после этого до нее доходило слишком многое. Некоторые послания были написаны от руки, другие напечатаны, а одно даже составлено из газетных букв, словно требование выкупа. «Убийца». «Ведьма». Ее обозвали достаточным количеством жестоких слов, чтобы заполнить альбом для вырезок, причинили достаточно мук, чтобы продержаться взаперти все лето.

Люс считала, что предприняла много усилий, чтобы вырваться из

этого кошмара, оставив прошлое позади, перевелась в Меч и Крест», сосредоточившись на занятиях, заведя друзей. О, боже. Она втянула воздух сквозь зубы.

– А что с Пенн? – девушка прикусила губу.

– Пенн в порядке, – отозвалась Арриана. – Готовый материал для передовицы, свидетель пожара. Они с мисс Софией обе выбрались, воняя словно коптильни Восточной Джорджии, но и только.

Люс с облегчением выдохнула. По крайней мере, хоть одна хорошая новость. Тем не менее она вся дрожала. Вскоре, несомненно, люди того же рода, что и те, кто мучил ее после смерти Тревора, снова за нее возьмутся. Не только авторы гневных писем. Доктор Сэнфорд. Надзиратель, назначенный ей в связи с условно-досрочным освобождением. Полиция.

Так же, как и прежде, от Люс будут ожидать, что она сумеет воссоздать в уме все происшедшее. Вспомнит малейшие подробности. Но, конечно же, точно так, как раньше, она не сможет. В одно мгновение он еще рядом с ней. Они вместе. В следующее...

– Люс!

В комнату ворвалась Пенн с большим коричневым гелиевым шариком в форме пластыря, на котором синим курсивом красовалась надпись «Держись».

– А это что? – поинтересовалась она, окинув скептическим взглядом остальных девушек. – Детский праздник с ночевкой?

Арриана уже расшнуровала ролики и забралась к ней на узенькую кровать. Она обеими руками держала кокосовое питье, а голову положила на плечо подруги. Габби наносила прозрачный лак на ногти другой руки Люс.

– Ага, – хмыкнула Арриана. – Присоединяйся к нам, Полпенни. Мы как раз собирались играть в «правду или действие». Ты можешь водить первой.

Габби попыталась скрыть смешок за утонченно-фальшивым чихом.

Пенн поднялась, уперев руки в бока. Люс стало одновременно неловко и страшновато. Подруга выглядела по-настоящему свирепо.

– Один из наших одноклассников погиб прошлой ночью, – медленно проговорила Пенн. – А Люс могла сильно пострадать. Как вы двое вообще можете валять дурака в такое время?

Она покачала головой и принялась.

– Это что, спиртное?

– О-ох, – протянула Арриана, с серьезным лицом уставившись на

нее. – Он тебе нравился?

Пенн схватила подушку со стоящего за ее спиной стула и швырнула в Арриану. Тем не менее она права. Странно, что девушки приняли смерть Тогда почти легко. Словно постоянно видели, как происходит нечто подобное. Словно это не подействовало на них так, как на Люс. Но они не могли знать того, что знает она о его последних мгновениях. Не могли знать, по

чему ей сейчас так плохо. Она похлопала по кровати у себя в ногах, предложив Пенн сесть, и протянула ей то, что еще осталось в охлажденном кокосе.

– Мы выбрались через заднюю дверь, а потом... – ей не удалось даже выговорить это. – А что произошло с тобой и мисс Софией?

Пенн с сомнением покосилась на Арриану и Габби, но они уже уgomонились. Тогда Пенн уступила и присела на краешек постели.

– Я только подошла туда, чтобы спросить ее о... Она снова бросила взгляд на Арриану и Габби, потом многозначительно посмотрела на Люс.

– ...о том, о чем собиралась. Ответа она не знала, но захотела показать мне другую книгу.

Люс уже успела полностью забыть об их расследовании прошлым вечером. Оно казалось таким далеким и таким неуместным после всего, что произошло.

– Мы на пару шагов отошли от стола мисс Софии, и тут я краем глаза увидела яркую вспышку. То есть я читала о внезапных самовозгораниях, но это...

К тому времени все три девушки подались вперед. История Пенн стоила передовицы.

– С чего-то ведь должен был начаться пожар, – предположила Люс, пытаясь мысленно представить стол мисс Софии. – Хотя мне казалось, в библиотеке больше никого не было.

Пенн покачала головой.

– Не было. Мисс София сказала, что, должно быть, в лампе коротнуло провод. Но, что бы ни произошло, этому огню досталось вдоволь топлива. Все бумаги занялись разом.

Она прищелкнула пальцами.

– Но с ней действительно все хорошо? – не отставала Люс, теребя бумажный подол больничного халата.

– Крайне расстроена, но цела. Противопожарные брызгалки в итоге включились, но, должно быть, она потеряла уйму своих вещей. Когда ей

сказали, что произошло с Тоддом, казалось, слишком оцепенела, чтобы осознать это.

– Возможно, мы все тут слишком оцепенели, чтобы осознать, – заметила Люс.

На этот раз Габби с Аррианой разом кивнули.

– А... а родители Тодда уже знают? – она гадала, как будет объяснять собственным родным, что произошло.

Представила, как они заполняют документы в вестибюле. Захотят ли они вообще увидеться с ней? Свяжут ли гибель Тодда и Тренора и обе эти ужасные истории с ней?

– Я подслушала, как Рэнди говорила по телефону с его родителями, – сообщила Пенн. – Думаю, они собираются подать иск. Его тело сегодня отправят обратно во Флориду.

И все? Люс сглотнула.

– В четверг в «Мече и Кресте» состоится поминальная служба по нему, – тихо добавила Габби. – Мы с Дэниелом собираемся помочь с ее устройством.

– С Дэниелом?

Люс не успела сдержаться. Взглянула на Габби и даже в горестном состоянии не смогла не вспомнить первое впечатление от нее. Блондинистая соблазнительница с розовыми губками.

– Именно он нашел вас двоих прошлой ночью, – пояснила та. – Отнес тебя от библиотеки до кабинета Рэнди.

Дэниел нес ее? На руках? Увиденный сон вновь вернулся, и ощущение полета, – нет, парения – захлестнуло ее. Казалось, она почти прикована к постели.

Люс томилась по тому небу и дождю, по его губам, зубам, языку, вновь сплетающемуся с ее языком. Лицо вспыхнуло сначала от желания, потом от мучительной невозможности всего этого в реальности. Эти великолепные, ослепительные крылья были не единственной невероятной деталью сна. Настоящий Дэниел всего лишь отнесет ее в медпункт. Он никогда не захочет ее, никогда не обнимет, как в том сне.

– Эй, Люс, ты в норме? – окликнула Пенн, обмахивая покрасневшие щеки подружки коктейльным зонтиком.

– Все хорошо.

Ей не удавалось выкинуть из головы эти крылья. Забыть ощущение его губ.

– Просто еще прихожу в себя, наверное. Габби потрепала ее по руке.

– Когда мы услышали о том, что произошло, то уговорили Рэнди захватить нас с собой, – сказала она, закатывая глаза. – Не хотели, чтобы ты очнулась в одиночестве.

Раздался стук в дверь. Люс ожидала, что вот-вот покажутся встревоженные лица родителей, но никто так и не вошел. Габби встала и посмотрела на Арриану, которая даже не шевельнулась.

– Подождите тут, ребята. Я все улажу.

Люс все еще переживала о том, что услышала про Дэниела. Хоть это и было ужасно глупо, но ей хотелось, чтобы за дверью оказался именно он.

– Как она? – прошептал посетитель.

Но Люс его расслышала. Это он. Габби что-то пробормотала в ответ.

– А это еще что за сборище? – прорычала за дверью Рэнди.

С замирающим сердцем Люс поняла, что часы посещения подошли к концу.

– Кто бы ни уболтал меня взять вас, хулиганов, с собой, получит отработку. И нет, Григори, подкупить меня цветами не выйдет. А ну все марш в машину.

При звуках голоса воспитательницы девушки вздрогнули и торопливо попрятали кокосовые скорлупки под кровать. Пенн запихнула коктейльные зонтики к себе в пенал. Арриана щедро попрыскала в воздухе духами с резким ванильно-мускусным запахом и сунула Люс подушечку мятной жевательной резинки.

Пенн закашлялась в расплывающемся ароматном облаке и поспешно наклонилась к подруге.

– Как только встанешь на ноги, мы отыщем книжку. Думаю, нам обеим будет полезно найти себе занятие, чтобы отвлечься.

Люс благодарно сжала ее руку и улыбнулась Арриане, на вид слишком занятой шнурованием роликов, чтобы что-то расслышать.

В палату ворвалась Рэнди.

– И еще сборище! – воскликнула она. – Невероятно.

– Мы уже... – начала было Пенн.

– Уходите, – закончила воспитательница.

У нее в руке был букетик диких белых пионов. Странно. Они нравились Люс больше всего. Но в округе их так трудно найти в цвету.

Рэнди открыла шкафчик под раковиной, минутку покопалась и извлекла маленькую пыльную вазу. Наполнила ее мутной водой из-под крана, небрежно сунула пионы и поставила на столик рядом с Люс.

– Это от твоих друзей, – пояснила воспитательница, – которым уже пора идти.

Дверь осталась распахнутой, и девушка заметила Дэниела, прислонившегося к косяку. Его подбородок был вскинут, серые глаза подернулись тревогой. Он встретился с ней взглядом и чуть-чуть улыбнулся, а когда отбросил с глаз челку, она разглядела небольшой багровый порез у него на лбу.

Рэнди выпроводила Пенн, Арриану и Габби за дверь. Люс не могла отвести глаз от Дэниела. Он помахал ей рукой и одними губами выговорил что-то, что она приняла за «прости», как раз перед тем, как Рэнди выставила всех из палаты.

– Надеюсь, они не слишком тебя утомили, – бросила сурово хмуриющаяся Рэнди, задержавшись в дверном проеме.

– Вовсе нет!

Люс поспешно замотала головой, осознавая, насколько привыкла полагаться на верность Пенн и своеобразную манеру Аррианы развеивать самое мрачное настроение. И Габби тоже была по-настоящему к ней добра. А Дэниел, хотя она едва повидалась с ним, сделал для восстановления ее душевного покоя больше, чем, должно быть, предполагал сам. Он пришел ее проводить. Думал о ней.

– Хорошо, – сообщила Рэнди. – Поскольку часы посещения еще не закончились.

И снова сердце Люс затрепетало, поскольку она ожидала вот-вот увидеть родителей. Но послышалось торопливое цоканье каблучков по линолеуму, и глазам девушки явилась крохотная фигурка мисс Софии. Цветастая, осенних тонов шерстяная шаль окутывала ее узкие плечи, губы были в тон подведены темно-красной помадой. Следом за ней вошли низенький лысый мужчина в костюме и двое полицейских, круглолицый и тощий, оба с редяющимися волосами и скрещенными на груди руками.

Полноватый полицейский выглядел моложе. Он опустился на стул рядом с Люс, затем, заметив, что никто больше и не подумал присесть, встал и снова сложил руки на груди.

Лысый мужчина вышел вперед и протянул Люс руку.

– Меня зовут мистер Шульц, я адвокат «Меча и Креста».

Девушка неловко пожала ему ладонь.

– Эти полицейские собираются задать тебе пару вопросов. Не для судебного разбирательства, просто в попытке установить подробности происшествия.

– А я настояла на том, чтобы присутствовать при беседе, Люсинда, –

добавила мисс София, подходя ближе, чтобы погладить ее по голове. – Как ты себя чувствуешь, милая? – шепотом спросила она. – Потеряла память от потрясения?

– Я в порядке.

Она умолкла, стоило заметить в дверях еще две фигуры, и едва не расплакалась, увидев темные курчавые волосы матери и отцовские большие очки в черепаховой оправе.

– Мама, – прошептала она слишком тихо, чтобы кто-нибудь мог ее расслышать. – Папа.

Они бросились к кровати, обнимая ее и стискивая руки. Ей отчаянно хотелось прижаться к ним, но она слишком ослабла, чтобы что-то делать, просто лежала спокойно и наслаждалась знакомым уютом прикосновений. Они выглядели ничуть не менее испуганными, чем она себя чувствовала.

– Солнышко, что случилось? – спросила мама. Люс не смогла произнести ни слова в ответ.

– Я сказала им, что ты ни в чем не виновата, – вмешалась мисс София, обращаясь к полицейским. – Проклятые зловещие совпадения.

Разумеется, у них остались записи о происшествии с Тревором, и, несомненно, полицейские сочтут это примечательным в свете гибели Тодда. Люс достаточно общалась с их коллегами, чтобы не сомневаться, что после разговора с ней они останутся разочарованными и раздраженными.

Тощий коп щеголял пышными седеющими бакенбардами. Открытая папка с ее личным делом, казалось, полностью поглотила его внимание, поскольку он ни разу не взглянул на нее саму.

– Мисс Прайс, – произнес он с тягучим южным выговором, – почему вы с мистером Хаммондом оказались одни в библиотеке в столь поздний час, когда все остальные учащиеся присутствовали на вечеринке?

Люс оглянулась на родителей. Мама кусала губы, оставив их почти без помады. Лицо отца было белым как простыня.

– Я была не с Тоддом, – ответила она, не понимая, к чему клонит полицейский. – Мы пришли туда с Пенн, моей подругой. И там была мисс София. Тодд что-то читал в одиночестве, а когда начался пожар, я потеряла из виду Пенн, и он оказался единственным, кого мне удалось найти.

– Единственный, кого вам удалось найти ради чего?

– Погодите минутку, – прервал полицейского мистер Шульц, выйдя на шаг вперед. – Если позволите напомнить, это был несчастный случай. Вы допрашиваете не подозреваемую.

– Нет, я хочу ответить, – перебила Люс.

В крохотной палате собралось столько людей, что она уже не знала, куда смотреть. А потому уставилась на копа.

– Что вы имели в виду? Он крепче сжал папку.

– Вы раздражительный человек, мисс Прайс? Вы назвали бы себя нелюдимой?

– Довольно, – вмешался отец.

– Люсинда – весьма вдумчивая девочка, – добавила мисс София. – И она не была настроена против Тодда Хаммонда. Все произошедшее было несчастным случаем, не более.

Полицейский покосился в сторону открытой двери, как если бы надеялся, что мисс София сама переместится за нее.

– Да, сударыня. В ситуациях с исправительными школами вера на слово – не самый разумный...

– Я расскажу все, что знаю, – твердо заявила Люс, стискивая простыню в кулаке. – Мне нечего скрывать.

И она как могла поведала о случившемся, медленно и четко, чтобы у родителей не возникало встречных вопросов, а полицейские успевали вести запись. Люс не позволила себе поддаться эмоциям, чего, похоже, все от нее ожидали, не упомянув, впрочем, о появлении теней, отчего история прозвучала вполне правдоподобно и осмысленно.

Они побежали к задней двери. Нашли выход в конце длинного коридора. Там обнаружилась лестница с крутыми ступеньками, а они с Тоддом так разогнались, что не успели остановиться, и оступились. Она потеряла его из виду и ударилась головой так сильно, что пришла в себя уже в больнице двенадцать часов спустя. Вот и все, что она помнит.

Девушка не оставила им повода придраться. С подлинными воспоминаниями о той ночи ей придется справляться самой. В одиночку.

Когда рассказ подошел к концу, мистер Шульц слегка склонил голову, глядя на полицейских, словно спрашивая, удовлетворены ли они. Мисс София широко улыбнулась девушке, как если бы они совместными усилиями преуспели в чем-то невыполнимом. А мама испустила долгий вздох.

– Мы разберемся с этим в участке, – сообщил тощий полицейский, закрывая папку Люс с таким смирением, словно ждал благодарности за свои услуги.

С этим должностные лица покинули палату, и девушка осталась

наедине с родителями.

Она смотрела на них, всем своим видом прося:

«Заберите меня домой». Нижняя губа мамы задрожала, папа лишь сглотнул.

– Рэнди вечером отвезет тебя обратно в «Меч и Крест», – сообщил он. – Не смотри так удивленно, солнышко. Доктор сказал, что ты в порядке.

– Более чем в порядке, – добавила мама, хотя и не так уверенно.

Папа потрепал ее по руке.

– Увидимся в субботу. Всего через несколько дней.

Суббота. Люс зажмурилась. Родительский день. Она предвкушала его с того самого мгновения, как прибыла в «Меч и Крест», но теперь все омрачила гибель Тодда. Казалось, родителей едва ли не тяготит ее компания. Они оказались не вполне готовы иметь дело с суровой действительностью, в которой дочь угодила в исправительную школу. Они ведь такие нормальные. Она совершенно искренне не могла их винить.

– А теперь немного отдохни, Люс, – посоветовал отец, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в лоб. – Тебе выпала долгая, нелегкая ночь.

– Но...

Она действительно вымоталась и лишь на мгновение закрыла веки, а когда вновь открыла глаза, родители, стоя в дверях, уже махали ей на прощание.

Люс вытащила из вазы пухлый белый пион и медленно поднесла его к лицу, любуясь глубоко прорезанными листьями, хрупкими лепестками и еще влажными каплями нектара в сердцевинке. Вдохнула мягкий, пряный аромат цветка.

Она попыталась представить, как они выглядели бы в ладонях Дэниела. Задумалась о том, где он их взял и о чем при этом думал.

Такой странный выбор цветов. Дикие пионы не растут на болотистых землях Джорджии. Они даже не приживались в садике ее отца в Тантерболте. Более того, Люс никогда прежде не видела таких пионов. Цветки размером достигали ладоней, сложенных вместе чашечкой, а запах напоминал о чем-то не вполне уловимом.

«Прости», – сказал ей Дэниел.

Вот только Люс никак не могла понять, за что.

Глава 12. В прах

В туманном сумраке над кладбищем кружил стервятник. Минуло два дня со смерти Тодда, и все это время Люс не могла ни есть, ни спать. В черном платье без рукавов она стояла во впадине кладбища, где собралась вся школа «Меч и Крест», чтобы почтить память парня. Будто одной безразличной церемонии длиной в час было достаточно. Особенно если учесть, что единственная часовня на территории школы была переоборудована в плавательный бассейн, и весь обряд пришлось проводить на мрачном топком кладбище.

После происшествия в школе поддерживался режим строгой изоляции, а преподавательский состав являл собой воплощение молчаливости. Последние два дня Люс провела, избегая пристальных взглядов других учеников разной степени подозрительности. Те, кого она знала не слишком хорошо, казалось, косились на нее с опаской. Другие, вроде Роланда и Молли, изучали в иной, куда более бесстыдной, манере, как если бы в том, что она выжила, крылось нечто крайне занимательное. На занятиях она выдерживала пытливые взгляды, как могла, и радовалась по вечерам, когда Пенн заглядывала к ней, чтобы занести исходящую паром кружку имбирного чая, или Арриана просовывала под дверь очередное послание.

Девушка отчаянно жаждала чего-нибудь, что могло бы отвлечь от неловкого ожидания из разряда «когда же упадет второй ботинок», поскольку не сомневалась: что-то еще произойдет. Повторный визит либо полиции, либо теней. А может, и тех, и других.

Тем утром по системе громкой связи объявили, что вечернее мероприятие отменяется в память о гибели Тодда, и учащихся отпустят с занятий на час раньше, чтобы они успели переодеться и к трем часам явиться на кладбище. Будто в остальные дни вся школа одевалась неподобающе для похорон.

Люс еще не видела, чтобы в одном месте собиралось столько народа. Рэнди возвышалась посреди толпы в плиссированной серой юбке длиной до щиколоток и тяжелых черных ботинках на резиновой подошве. Мисс София с затуманенным слезами взором и мистер Коул в траурных одеждах, прижимающий к глазам носовой платок, встали позади нее. Мисс Тросс и тренер Дианте в черном присоединились к группке преподавателей и руководства, которых Люс прежде не встречала.

Учащихся рассадили в алфавитном порядке. Впереди девушка

разглядела Джоэла Бранда, паренька, который выиграл заплыв на прошлой неделе, сморкающегося в грязный платок. Она безнадежно затерялась среди буквы П, но заметила Дэниела, к ее раздражению определенного в «Г» рядом с Габби, в двух рядах впереди. Он был облачен в безукоризненный черный блейзер в тонкую полоску, сидел, понутив голову заметно ниже, чем его соседи. Даже со спины Дэниел ухитрялся выглядеть сокрушительно хмурым.

Люс подумала о белых пионах, которые он ей принес. Рэнди не позволила ей взять с собой вазу при выписке из больницы, поэтому девушка отнесла букет к себе в комнату и проявила изобретательность, маникюрными ножницами отрезав верх у пластиковой бутылки из-под воды.

Цветы благоухали и утешали ее, но переданное ими послание оставалось неясным. Обычно, когда парень дарит цветы, сомневаться в его чувствах не приходится. Но в случае Дэниела такого рода допущения ни к чему хорошему не приводили. Куда безопаснее предположить, что он принес их, потому что так положено поступать, когда навещаешь больного.

И тем не менее. Он подарил ей цветы! Если сейчас податься вперед и взглянуть на спальный корпус сквозь металлические прутья на третьем окне слева, она почти сумеет их различить.

– В поте лица твоего будешь есть хлеб, – нараспев произнес священник, – доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься^[10].

Это был тощий мужчина под семьдесят, затерявшийся в просторном черном одеянии. У его поношенных спортивных туфель истерлись отверстия для шнурков, лицо казалось комковатым и обветренным. Он говорил в микрофон, подсоединенный к древнему пластмассовому магнитофону, похоже, образца восьмидесятых годов. Звук на выходе искажался, трещал помехами и едва долетал до задних рядов.

Все в этой службе было неподобающим и совершенно неправильным.

Как можно почтить память Тодда, присутствуя при этом? Панихида больше походила на попытку убедить учащихся в несправедливости жизни. Отсутствие тела многое говорило об отношении школы, точнее, о полнейшем его отсутствии к усопшему. Никто из них его не знал и никогда не узнал бы. Было что-то фальшивое в том, чтобы находиться сейчас в этой толпе, что лишь усугублялось немногочисленными плачущими людьми. От этого Тодд показался Люс еще более чужим, чем был на самом деле.

Дайте ему упокоиться с миром. Позвольте остальным просто жить дальше.

Белая ушастая сова заухала на высокой ветви дуба над их головами. Люс была уверена, что где-то поблизости скрыто гнездо с выводком молодых совят. На этой неделе она каждую ночь слышала тревожные причитания матери и вслед яростное хлопанье отцовских крыльев, когда тот возвращался с ночной охоты.

И вот все закончилось. Люс встала, ослабев от нечестности всего происходящего. Тодд был столь же невинен, сколь виновна она, хотя она и не знала, в чем.

Девушка направилась следом за остальными учащимися, гуськом потянувшимися на так называемые «поминки», как вдруг ей на талию легла рука и потянула назад.

Дэниел?

Но нет, это оказался Кэм.

Зеленые глаза перехватили ее взгляд и, казалось, уловили в нем разочарование, отчего ей стало лишь хуже. Девушка прикусила губу, чтобы не разразиться рыданиями. Вид Кэма не должен доводить до слез, просто она слишком опустошена в эмоциональном плане и балансирует на грани отчаяния. Укус оказался таким сильным, что она ощутила привкус крови и вытерла рот тыльной стороной ладони.

– Эй, – Кэм приглаживал ей волосы.

Люс поморщилась. На затылке, там, где она стукнулась головой о ступеньки, все еще красовалась шишка.

– Не хочешь отойти в сторонку и поговорить? Они вместе с остальными направлялись через газон в сторону стола с закусками, установленного в тени одного из дубов. Несколько стульев были расставлены едва ли не один поверх другого. Складной столик рядом загромождали черствые на вид пирожные, извлеченные из больших картонок, но попрежнему лежащие во внутренних пластиковых коробочках. Дешевую пластмассовую чашу для пунша заполняла вязкая красная жидкость, уже привлекавшая нескольких мух, как это бывает с трупами. Поминки получались настолько жалкими, что не многие ученики вообще обратили на них внимание. Люс заметила Пенн в черном костюме, пожимающую руку священнику. Дэниел смотрел куда-то в сторону, о чем-то шепчась с Габби.

Когда Люс повернулась обратно к Кэму, его палец легонько скользнул по ее ключице и задержался в ложбинке внизу шеи. Она глубоко вздохнула, с ног до головы покрываясь гусиной кожей.

– Если тебе не нравится подвеска, – он склонился к ней, – я могу

подобрать для тебя что-нибудь другое.

Его губы едва не коснулись ее шеи, так что она уперлась ладонью ему в плечо и отступила на шаг назад.

– Мне нравится.

Ей вспомнилась коробочка, лежащая на ее столе рядом с цветами Дэниела. Половину этой ночи она провела, переводя взгляд с одного подарка на другой, сравнивая их и скрывающиеся за ними намерения.

Кэм очень прозрачен, его оказалось куда проще понять. Если он – алгебра, то Дэниел – математический анализ. А Люс всегда нравился матанализ, в котором на то, чтобы вывести единственное доказательство, порой уходит по часу.

– Подвеска кажется замечательной, – заверила она Кэма. – Просто пока мне не выпало случая ее надеть.

– Прости, – он поджал губы. – Мне не следовало на тебя давить.

Его темные волосы были зализаны назад, открывая лицо больше, чем обычно. От этого он выглядел старше. И смотрел на Люс так напряженно. Большие зеленые глаза, казалось, просвечивали ее насквозь, одобряя все, что она скрывала внутри.

– Мисс София все твердила, чтобы мы оставили тебя в покое на эти пару дней. Ясное дело, она права, тебе многое пришлось вынести. Но знай, я думал о тебе. Все время. И хотел увидеть тебя.

Он погладил ее по щеке. Глаза Люс налились слезами. Ей действительно многое пришлось вынести, и это казалось до того ужасным, что она была готова вот-вот расплакаться. Не из-за Тодда, чья смерть что-то для нее значила, а должна была бы означать еще больше, по чисто эгоистическим причинам.

За последние два дня к ней вернулось слишком много боли, касающейся Тревора и жизни до «Меча и Креста», с чем, казалось, она уже разобралась, но не сможет объяснить никогда и никому. Очередные тени, которые приходится отгонять.

Кэм словно почувствовал это, поскольку обнял ее, прижал голову к своей сильной широкой груди и принялся легонько укачивать.

– Все хорошо, – повторял он. – Все будет хорошо.

Возможно, ей не нужно ничего ему объяснять. Создавалось впечатление, что Кэм становится тем более чутким, чем более запутавшейся ощущает себя она. И достаточно просто находиться в объятиях того, кто заботится о ней, позволить его незатейливым

ухаживаниям хотя бы ненадолго успокоить себя.

Приятно уже и то, что ее вообще обнимают.

Люс не знала, как отстраниться от Кэма. Он всегда так добр к ней. И нравится ей. Однако по причинам, из-за которых она чувствовала себя виноватой, начинает вроде как досаждать. Он настолько совершенный, всегда готовый помочь и именно тем, что может потребоваться ей в каждое отдельное мгновение. Но просто он не Дэниел.

Кусочек бисквитного торта выглянул из-за плеча. Люс узнала держащую его ухоженную ручку.

– Там еще есть пунш, который нужно выпить, – сообщила Габби, протягивая Кэму второе пирожное.

Тот сумрачно воззрился на покрывающую его глазурь.

– Ты в порядке? – спросила она Люс.

Девушка кивнула. Впервые внезапное явление Габби показалось ей уместным. Они улыбнулись друг другу. Люс благодарно приподняла пирожное и откусила небольшой сладкий кусочек.

– «Пунш» звучит здорово, – сквозь стиснутые зубы выговорил Кэм. – Почему бы тебе не принести нам пару стаканчиков, Габби?

Та подняла глаза.

– Стоит оказать мужчине услугу, и он начинает обращаться с тобой как с рабыней.

Люс рассмеялась. Кэм, конечно, слегка перегнул палку, но ей было очевидно, чего он пытался добиться.

– Я схожу за напитками, – предложила она, радуясь возможности перевести дух.

И направилась к складному столику с пуншем. Она как раз сгоняла с его поверхности муху, когда в ее ухо прозвучал чей-то шепот.

– Хочешь выбраться отсюда?

Люс обернулась, уже готовая изобретать повод для Кэма, по которому, увы, не сможет ускользнуть с поминок. Не сейчас и не с ним. Но это вовсе не Кэм протянул руку и погладил большим пальцем ее запястье.

Дэниел.

Она слегка оттаяла. Через десять минут ее очередь для телефонного звонка, и ей отчаянно хотелось услышать голос Келли и родителей. Поговорить о чем-то, происходящем снаружи кованых ворот. О чем-то, кроме уныния двух последних дней.

Но выбраться отсюда? С Дэниелом? Она и не заметила, как кивнула.

Кэм возненавидит ее, если увидит, как она уходит с Дэниелом. А он

увидит. Ведь он наблюдает за ней. Люс едва ли не ощущала затылком взгляд его зеленых глаз. Но, разумеется, она должна идти. Девушка вложила руку в ладонь Дэниела.

– Пожалуй.

До сих пор они касались друг друга либо случайно, либо один из них – обычно Дэниел – успевал отпрянуть, прежде чем волна тепла, которую всякий раз ощущала Люс, перерастала во все нарастающий жар. Но не сейчас. Девушка опустила глаза на его руку, крепко сжимающую ее пальцы, и ей захотелось большего. Больше жара, больше покалывания, больше Дэниела. Это было почти, хотя и не вполне, столь же приятно, как в том сне. Она не чувствовала под собой ног, лишь его завораживающее прикосновение.

Люс моргнуть не успела, как они уже поднялись к воротам кладбища. Внизу, вдали, расплывался в дымке остаток поминальной службы, утратив для них всякое значение.

Дэниел внезапно остановился и без предупреждения выпустил ее руку. Люс содрогнулась, снова замерзая.

– Ты и Кэм, – начал он, позволив вопросительным словам повиснуть в воздухе, – вы много времени проводите вместе?

– Звучит так, словно тебе не слишком-то это нравится, – заметила она, сразу же почувствовав себя глупо из-за своего кокетства.

Ей хотелось просто поддразнить его за то, что этот вопрос прозвучал слегка ревниво. Он оставался совершенно серьезным.

– Он не... – начал было Дэниел.

И уставился на краснохвостого сарыча, усевшегося на дуб у них над головами.

– Он недостаточно хорош для тебя.

Люс уже тысячу раз слышала, как люди произносят эту фразу. Так всегда и все говорят. «Недостаточно хорош». Но, сорвавшись с губ Дэниела, эти слова прозвучали как нечто важное, даже в чем-то истинное и относящееся к делу, не расплывчато или пренебрежительно, как она всегда воспринимала их в прошлом.

– Что ж, ладно. А кто достаточно?

Дэниел положил руки на пояс и рассмеялся.

– Не знаю, – наконец заключил он. – Тот еще вопрос.

Не совсем тот ответ, на который надеялась Люс.

– Не то чтобы это так уж сложно, – заметила она, запихивая руки в карманы, поскольку хотела прикоснуться к нему, – оказаться достаточно хорошим для меня.

Глаза Дэниела мгновенно потемнели.

– Да. Да, сложно.

Он потер лоб, случайно отбросив назад волосы. Всего на мгновение. Но этого оказалось достаточно, чтобы Люс заметила ссадину у него под челкой, уже заживающую, но, несомненно, совсем свежую.

– Что случилось с твоим лбом? – она потянулась осмотреть ссадину.

– Не знаю, – резко буркнул он, оттолкнув ее руку с такой силой, что Люс неловко попятилась назад. – Понятия не имею, откуда это взялось.

К ее удивлению, он, он казался более обеспокоенным, чем она сама. А всего лишь просто небольшая царапинка, а он не мог знать о ее сне.

За их спинами зашуршали шаги по гравию. Оба развернулись.

– Я же сказала, что не видела ее, – объясняла Молли, стряхивая руку Кэма, пока они поднимались по кладбищенскому склону.

– Идем, – позвал Дэниел, уловив настроение Люс. Она почти не сомневалась, что он на это способен.

Люс поняла, куда они идут, едва направилась за ним следом. За церковь-спортзал и в леса. В точности так же, как она знала, в какой позе он будет прыгать через скакалку, прежде чем застала его за упражнением. Так же как знала о том порезе, еще не увидев его.

Они шли в одном темпе, шагами равной длины. Их ноги касались травы в одно и то же время, пока они не добрались до леса.

– Если ты больше одного раза приходишь куда-то с тем же человеком, – заметил Дэниел, обращаясь скорее к себе, – думаю, это место перестает принадлежать только тебе.

Люс польщенно улыбнулась, осознав, что он подразумевает. Дэниел прежде никогда не бывал у озера с кем-то другим. Только с ней.

Пока они пробирались по лесу, прохлада древесных теней ложилась на ее голые плечи. Запах вокруг стоял тот же самый, что и всегда. Так пахнет большинство прибрежных лесов Джорджии: с ноткой дубовой гнили, которую Люс привыкла ассоциировать с тенями, но теперь прочно связала с Дэниелом. После недавней гибели Тодда она нигде не могла чувствовать себя в безопасности, но рядом с ним, казалось, впервые за много дней вздохнула с облегчением.

Девушка убеждала себя, что он повел ее сюда снова из-за того, что внезапно сбежал в прошлый раз. Как если бы им потребовалась вторая попытка все исправить. То, что поначалу ощущалось почти как первое свидание, в итоге стало для нее причиной крайнего разочарования. Дэниел

наверняка это понимал и сожалел о своем поспешном исчезновении.

Они подошли к магнолии, отмечающей место, с которого открывался вид на озеро. Солнце, склоняющееся к западу над лесом, бросало золотистую дорожку на воду. На исходе дня все выглядело иначе. Казалось, весь мир сияет мягким светом.

Дэниел прислонился к дереву, наблюдая за тем, как Люс любит воду. Она подошла и встала рядом с ним под восковыми листьями и цветами, которые к этому времени года давно должны были увянуть и исчезнуть, а выглядели свежими и чистыми, будто весной. Девушка вдыхала мускусный запах и ощущала себя куда ближе к Дэниелу. Ей нравилось это ощущение, возникающее словно бы ниоткуда.

– На этот раз мы одеты не вполне подходяще для купания, – заметил он, кивнув на черное платье Люс.

Она потеряла изящные петельки на подоле, спускающемся до колен, представляя мамино потрясение, если испортит приличное платье лишь потому, что ей захотелось поплавать в озере с одним парнем.

– А мы не могли бы хоть ноги окунуть?

Дэниел указал на крутую тропинку, сбегаящую к воде по красной скале. Они пробирались через густые рыжевато-коричневые камыши и озерную траву, придерживаясь за крученые сучья дубов, чтобы удержать равновесие. Край берега был усыпан галькой. Вода выглядела такой спокойной, что казалось, по ней можно ходить.

Люс сбросила туфли и босой ногой коснулась поросшей кувшинками поверхности. Вода оказалась прохладнее, чем в прошлый раз. Дэниел сорвал пучок травы и принялся плести из ее толстых стеблей косичку. Он посмотрел на девушку.

– Ты когда-нибудь думала о том, чтобы выбраться отсюда?

– Все время, – со стоном ответила она, предполагая, что он тоже об этом мечтает.

Разумеется, ей хотелось убраться от «Меча и Креста» так далеко, как только возможно. Любому хотелось бы. Но она, по крайней мере, попыталась держать свои мысли под контролем, не позволяя им перерасти в фантазии о том, как они с Дэниелом задумывают побег.

– Собственно, я имел в виду, не рассматривала ли ты по-настоящему возможность отправиться куда-нибудь еще? Попросить родителей перевести тебя? Просто «Меч и Крест» не производит впечатления подходящего тебе места.

Люс присела на скалу напротив него, обняв колени. Если он намекает

на то, что она изгой даже в школе, полной изгоев, трудно не оскорбиться.

Она прочистила горло.

– Я не могу позволить себе роскошь всерьез раздумывать на эту тему. «Меч и Крест» для меня, – она помедлила, – во многом последняя надежда.

– Да брось ты, – возразил Дэниел.

– Ты не поймешь.

– Пойму, – он вздохнул. – Всегда найдется куда податься, Люс.

– Звучит крайне многозначительно, Дэниел, – заметила она, повышая голос. – Но если ты так мечтаешь избавиться от меня, что мы здесь делаем? Никто не просил тебя тащить меня за собой сюда.

– Нет. Ты права. Я имел в виду, что ты не такая, как здешние ребята. Для тебя должно существовать более подходящее место.

Сердце Люс билось часто, как всегда рядом с Дэниелом. Но на этот раз все было иначе. От разговора ее бросило в пот.

– Когда прибыла сюда, я пообещала самой себе никому не рассказывать о моем прошлом, о том, что натворила, чтобы оказаться в этом месте.

Дэниел спрятал лицо в ладонях.

– То, о чем я говорю, не имеет никакого отношения к случившемуся с тем парнем.

– Ты знаешь о нем?

Люс жалобно сморщилась. Нет. Откуда бы ему знать?

– Что бы ни сказала тебе Молли.

Но она понимала, что уже слишком поздно. Именно Дэниел нашел их с Тоддом. Если Молли рассказала ему хоть что-то о том, что Люс замешана в еще одну загадочную смерть от огня, она не в состоянии даже представить, как это объяснить.

– Послушай, – он взял ее за руки. – То, о чем я говорю, не имеет отношения к этой части твоего прошлого.

В это ей оказалось трудно поверить.

– Значит, имеет какое-то отношение к Тодду? Он затряс головой.

– Это имеет отношение к этому месту. К вещам. Прикосновение Дэниела что-то всколыхнуло в памяти. Люс задумалась о диких тенях, которые видела той ночью. О том, насколько они изменились с тех пор, как она прибыла в эту школу, – от тревожащей, действующей исподтишка угрозы до нынешнего почти вездесущего ужаса.

Она сумасшедшая – вот что, должно быть, думает о ней Дэниел.

Возможно, находит ее симпатичной, но в глубине души знает, что она заметно не в себе. Поэтому-то и хочет, чтобы она убралась куда-нибудь, и его больше не терзало бы искушение связаться с кем-то вроде нее. Если он именно так и думает, то еще и половины всего не знает.

– Так, может, это имеет отношение к странным черным теням, которые я видела в ночь гибели Тодда? – Люс явно рассчитывала его потрясти.

Однако, едва договорив, она поняла, что целью ее было не испугать Дэниела еще больше, а наконец с кем-нибудь поделиться.

– Что ты сказала? – медленно переспросил он.

– Ну, понимаешь, – теперь она пыталась сгладить то, что ляпнула. – Раз в день или около того меня посещают эти темные штуки, которые я называю тенями.

– Не виляй, – резко оборвал Дэниел.

И хотя его тон задел ее, Люс понимала, что он прав. Ей самой было противно оттого, как фальшиво прозвучала ее беспечность, хотя на самом деле она вся изнемогала. Стоит ли рассказывать ему? Может ли она? Он кивнул, чтобы она продолжала, казалось, заглядывая внутрь нее и вытягивая слова.

– Это продолжается вот уже двенадцать лет, – наконец призналась девушка, содрогнувшись всем телом. – Раньше это случалось только по ночам, когда я оказывалась у воды или около деревьев, но теперь это почти не прекращается.

Ее руки отчаянно тряслись.

– Что они делают?

Люс могла бы подумать, что он просто ей потакает или побуждает рассказывать дальше, чтобы потом отпустить на ее счет шутку, вот только голос его заметно осип, а с лица сошла краска.

– Обычно они начинают с того, что парят примерно вот здесь.

Люс потянулась к затылку Дэниела и для наглядности пощекотала его. В кои-то веки она не просто подобралась к нему поближе, это и впрямь оказался единственный способ объяснения, пришедший ей в голову. Особенно теперь, когда тени начали посягать на ее тело столь осязаемым, плотским образом.

Дэниел не отшатнулся, и Люс продолжила.

– Порой они становятся по-настоящему наглыми, – она положила ладони Дэниелу на грудь. – И тогда они толкают меня.

Теперь девушка оказалась прямо перед его лицом. Ее губы задрожали. Она не могла поверить, что действительно рассказывает кому-то, не говоря уже о том, что это Дэниел, о жутких вещах, которые видела.

– В последнее время, – она понизила голос до шепота, – они, похоже, не удовлетворены, пока не отнимут чью-нибудь жизнь, а меня не сшибут с ног.

Люс чуть-чуть толкнула его плечи, вовсе не собираясь подкреплять свои слова делом, но легчайшего прикосновения оказалось достаточно, чтобы опрокинуть парня навзничь.

Его падение застало ее настолько врасплох, что она нечаянно потеряла равновесие и неловко рухнула на него сверху. Дэниел, лежа на спине, глядел на нее широко распахнутыми глазами.

Не следовало ему этого говорить. И вот итог: она валяется на нем, только что выболтав сокровеннейшую тайну, подлинное свидетельство ее безумия.

Ей тем не менее отчаянно хочется его поцеловать. Сердце Люс колотилось в невероятном темпе.

А потом она поняла, что ощущает сердца их обоих, стучащие наперегонки. Своего рода отчаянный разговор из тех, что невозможно выразить словами.

– Ты действительно их видишь? – шепотом спросил Дэниел.

– Да, – так же шепотом ответила она, мечтая встать и забрать свои слова обратно.

Однако была не в силах подняться с груди парня. Попыталась представить его мысли. Что бы подумал любой нормальный человек, услышав подобное признание?

– Дай угадаю, – мрачно предложила она. – Теперь ты уверен, что мне пора переводиться. В психиатрическую больницу.

Дэниел выбрался из-под нее, оставив Люс практически лицом на камне. Она подняла взгляд. Он смотрел в лес.

– Этого никогда прежде не случалось, – пробормотал он.

Люс встала. Лежать в одиночестве казалось унижительным. К тому же он словно не расслышал то, что она сказала.

– Чего никогда не случалось? Прежде чем что? Дэниел обернулся и взял ее лицо в ладони. Девушка затаила дыхание. Он стоял так близко. Их губы разделяло такое маленькое расстояние. Люс ущипнула себя за бедро, чтобы убедиться, что все происходит наяву. Она совершенно точно не спит.

Потом Дэниел едва ли не силком заставил себя отодвинуться. Он стоял перед ней, часто дыша, держа застывшие руки по бокам.

– Расскажи мне еще раз, что ты видела.

Люс отвернулась в сторону озера. Чистая синяя вода мягко накатывала на берег, и она задумалась, не нырнуть ли туда. Именно так и поступил он, когда напряжение стало чересчур сильным. Почему бы и ей не сделать то же?

– Может быть, тебя это удивит, но меня совершенно не прельщает сидеть тут и рассказывать о том, насколько я безнадежно безумна.

«Тем более тебе».

Дэниел не ответил, но Люс ощутила на себе его взгляд. Когда она наконец набралась мужества обернуться к нему, он смотрел на нее со странным, тревожащим, скорбным выражением, отчего внешние уголки его глаз словно поникли, а их беспросветно-серый цвет показался ей самым грустным зрелищем в жизни. Будто она каким-то образом подвела его. Но это было ее ужасное признание. Интересно, почему при этом Дэниел выглядит настолько сокрушенным?

Он подался вперед, пока не заглянул ей прямо в глаза. Люс с трудом это выносила, но не могла заставить себя пошевелиться. Чему бы ни было суждено нарушить ее оцепенение, это оставалось на усмотрение Дэниела, который придвигался все ближе, наклоня к ней голову и опуская веки. Его губы приоткрылись. У Люс перехватило дыхание.

Она тоже зажмурилась. И подалась к нему. Тоже приоткрыла губы.

Замерла в ожидании.

Поцелуя, которого она жаждала, все не было. Она открыла глаза, поскольку ничего так и не произошло, кроме шороха ветки. Дэниел исчез. Она вздохнула, удрученная, но не удивленная.

Самое странное заключалось в том, что она почти видела дорогу, по которой он двинулся обратно через лес. Как если бы была каким-то охотником, способным заметить дрожание листка и по нему проследить путь Дэниела. Вот только это не так, и след, оставленный парнем, каким-то образом казался ей ярче, яснее и одновременно неуловимее. Будто лиловое свечение отмечало его обратный путь через лес.

Вроде того сияния, которое она видела во время пожара в библиотеке. Это видения. Люс встала на скале поустойчивее и на миг отвернулась, протирая глаза. А когда она посмотрела обратно, все оставалось по-прежнему. В единственной плоскости зрения, словно она смотрела сквозь бифокальные очки, выписанные по какому-то дикому рецепту, виднелись дубы, перегной под ними и даже птицы, щебечущие на ветвях. Все это подрагивало, куда-то ускользая из фокуса. И не только подрагивало, купаясь в этом слабом лиловом свете, но, казалось, еще и издавало едва

слышное низкое гудение.

Люс вновь отвернулась, опасаясь смотреть на это напрямую, боясь того, что это означает. Что-то происходило, и она никому не могла об этом рассказать. Попыталась сосредоточиться на озере, но даже оно становилось все более темным и трудноразличимым.

Она осталась в одиночестве. Дэниел ее бросил. Причем в том месте, откуда она не знала дорогу. Когда солнце скрылось за горами, а озеро приобрело грифельно-серый оттенок, Люс отважилась вновь оглянуться в сторону леса. Втянула воздух сквозь зубы, не вполне уверенная, чувствует ли разочарование или облегчение. Лес ничем не отличался от любого другого. Никакого дрожащего света или лилового гула. Никаких признаков того, что Дэниел вообще там был.

Глава 13. Тронутая до глубины души

Люс слышала, как ее кеды громко стучат по асфальту. Ощущала, как влажный ветер треплет черную футболку. Как будто ощущала запах горячего гудрона от свежееасфальтированного участка парковки. Но когда в субботу утром она, раскинув руки, бросилась к двум жмущимся друг к другу фигурам близ входа в «Меч и Крест», все это оказалось забыто.

Она никогда в жизни так не радовалась возможности обнять родителей.

Долгими днями Люс сожалела о том, как холодно и отчужденно прошел разговор в больнице, и не собиралась повторять ту же ошибку дважды.

Врезавшись в них, она едва не сбила их обоих с ног. Мама захихикала, а отец в ответ хлопнул ее по спине в обычной для него грубовато-ласковой манере. Огромный фотоаппарат болтался на ремешке у него на шее. Кое-как устояв на ногах, они отодвинули дочь на расстояние вытянутых рук. Похоже, им хотелось как следует рассмотреть ее лицо, а как только это удалось, их собственные лица заметно вытянулись. Люс плакала.

– Солнышко, в чем дело? – спросил отец, положив руку ей на голову.

Мама рылась в своей непомерно большой синей сумочке в поисках припрятанных бумажных салфеток. Округлив глаза, она помахала одной из них перед носом дочери.

– Теперь мы здесь, – успокаивала она. – Все хорошо, разве нет?

Нет, все не было хорошо.

– Почему вы тогда не забрали меня домой? – спросила Люс, заново переживая боль и гнев. – Почему позволили им вернуть меня сюда?

Отец побледнел.

– Всякий раз, когда мы беседовали с директором, он сообщал, что ты отлично справляешься, вернулась на занятия. В общем, держишься молодцом. Только горло саднит из-за дыма и небольшая шишка на голове. Мы думали, что это все.

Он облизнул губы.

– Есть что-то еще? – уточнила мама.

Взгляд, которым обменялись родители, подсказал девушке, что они уже спорили на эту тему. Мама, должно быть, просила навестить ее пораньше, но скупой на проявления любви отец настоял на своем.

Невозможно было им объяснить, что произошло той ночью и что обрушилось на нее после этого. Ей пришлось сразу же вернуться к занятиям, хотя и не по собственному выбору. И физически она действительно была в порядке. Вот только во всем остальном – эмоционально, психологически, романтически – ощущала себя куда более сокрушенной.

– Мы просто пытаемся следовать правилам, – объяснил папа.

Его широкая ладонь слегка стиснула шею Люс. От веса отцовской руки девушке пришлось сменить позу, хотя стоять неподвижно все равно стало неудобно. Но она слишком давно не ощущала близость любимых людей и не решалась отстраниться.

– Только потому, что мы хотим для тебя лучшего, – добавил папа, – нам приходится принимать на веру, что эти люди, – он обвел рукой массивные здания, окружавшие школьный двор, будто они олицетворяли Рэнди, директора Юделла и всех остальных, – знают, о чем говорят.

– Они не знают, – возразила Люс, оглянувшись на мрачные строения и пустой двор.

До сих пор ничто в этой школе не казалось ей осмысленным.

Вот, кстати, то, что здесь называется родительским днем. Столько шума о том, как повезло учащимся, что они могут увидеться со своей плотью и кровью. И вот, до обеда всего десять минут, а их машина по-прежнему единственная на парковке.

– Это место – чистой воды посмешище, – сообщила девушка с изрядной долей цинизма. Родители обменялись обеспокоенными взглядами.

– Люс, милая, – начала мама, глядя ее по волосам. Было заметно, что она так и не привыкла к их новой длине. Ее пальцы так и стремились скользнуть вдоль спины дочери вслед за призраком былых локонов.

– Мы просто хотим хорошо провести день с тобой. Папа принес всю твою любимую еду.

Отец нерешительно приподнял пестрое лоскутное одеяло и большое, похожее на портфель, плетеное сооружение, которого Люс никогда прежде не видела. Обычно, когда они устраивали пикник, все обставлялось куда как скромнее, будничнее, с бумажными пакетами из бакалеи и со старой продранной простыней, брошенной на траву у речки.

– Маринованная бамия^[11]? – спросила Люс почти по-детски.

Никто не мог бы сказать, что ее родители не приложили усилий.

Папа кивнул.

– И сладкий чай, и печенье в белой глазури. Мамалыга с чеддером и

добавкой чили, все, что ты любишь. Ох, – добавил он, – и еще кое-что.

Мама вытащила из сумочки толстый запечатанный красный конверт и протянула дочери. На кратчайший миг в животе Люс шевельнулась застарелая боль, когда вспомнились послания, которые она привыкла получать. «Маньяк-убийца». «Девушка-смерть».

Но когда она увидела почерк, которым было надписано письмо, ее лицо расплылось в широчайшей улыбке.

Келли.

Люс вскрыла конверт и вытащила открытку с черно-белой фотографией двух пожилых дам, делающих завивку в парикмахерской. Внутри каждый ее квадратный дюйм был исписан крупным округлым почерком подруги. Еще в конверте обнаружилось несколько вырванных из тетради, густо исчерканных листков, поскольку места на открытке оказалось явно недостаточно.

«Дорогая Люс,

поскольку у нас теперь смехотворно мало времени для телефонных разговоров (пожалуйста, попроси его увеличить, это просто несправедливо), я собралась на старинный лад написать тебе преогромнейшее письмо. Внутри ты найдешь каждую мельчайшую подробность того, что произошло со мной за последние две недели. Нравится тебе это или нет...»

Люс прижала конверт к груди, все еще улыбаясь, собираясь проглотить письмо сразу же, как только мама с папой отправятся домой. Келли не забыла ее. И родители сидят рядом с ней. Слишком давно девушка не чувствовала себя любимой. Она взяла руку отца и крепко ее сжала.

От пронзительного свистка родители подпрыгнули.

– Это всего лишь сигнал к обеду, – пояснила она, к их явному облегчению. – Пойдемте, я хотела вас кое с кем познакомить.

Они направились в сторону двора, где проходило открытие родительского дня. Люс вдруг увидела школьную территорию глазами родителей. Заново отметила просевшую крышу главного здания и тошнотворный, перезрелый запах гниющей персиковой рощицы около спортзала. Кованый чугун кладбищенских ворот, изъеденный ржавчиной.

Люс поняла, что всего за пару недель совершенно привыкла ко многим бросающимся в глаза недостаткам «Меча и Креста».

Родителей же это все явно ужасало. Отец указал на увядающую виноградную лозу, из последних сил цепляющуюся за занозистую ограду у входа во двор.

– Это же сорт шардоне, – заметил он, морщась, поскольку не мог не

разделить с растением его боль.

Мама, выставив локти, обеими руками прижимала к груди сумочку. Эту позу она принимала всякий раз, когда оказывалась в районе, где, по ее мнению, ее могли ограбить. А они еще не знают о видеонаблюдении. Родители, непреклонно возражавшие против таких мелочей, как приобретение веб-камеры для дочери, придут в ужас от одной мысли о постоянном надзоре в ее школе.

Девушке хотелось защитить их от ужасов «Меча и Креста», поскольку она уже начала постигать, как обращаться и порой даже справляться со здешней системой. Только на днях Арриана устроила для нее нечто вроде пробежки с препятствиями по школьной территории, указав все «дохлые камеры», чьи батарейки истощились или были украдкой «заменены», обеспечив несколько мертвых зон. Родителям нет нужды об этом знать, они просто хотят хорошо провести с ней день.

Пенн сидела на трибунах, где они с Люс договорились встретиться в полдень, держа в руках горшочек с хризантемой.

– Пенн, это мои родители, Гарри и Дорин Прайс, – представила Люс. – Мама, папа, это...

– Пенниуэзер ван Сикль-Локвуд, – официальным тоном закончила подруга, обеими руками протягивая цветок. – Спасибо, что позволили мне присоединиться к вам за обедом.

Неизменно вежливые, папа и мама заворковали и заулыбались, не задавая вопросов о собственных семейных обстоятельствах Пенн, рассказать о которых у Люс не нашлось времени.

День опять выдался теплым и ясным. Ядовито-зеленые ивы перед библиотекой чуть покачивались на ветерке, и девушка подвела родителей к месту, где деревья заслоняли большую часть пятен копоти и вылетевших при пожаре окон. Пока они расстилали лоскутное одеяло на сухом клочке травы, Люс отвела подругу в сторонку.

– Ты как? – она осознала, что, если бы ей пришлось провести целый день в компании чужих родителей, потребовалась бы немалая поддержка.

К ее удивлению, Пенн восторженно закивала.

– Это уже гораздо лучше, чем в прошлом году! И все благодаря тебе. Я бы весь день сидела одна, если бы ты меня не пригласила.

Эта похвала застала Люс врасплох. Она тут же принялась оглядывать двор, чтобы увидеть, как проходит это мероприятие у остальных. Несмотря на то что парковка до сих пор была наполовину пуста, родительский день, похоже, неторопливо набирал ход.

Молли сидела на одеяле поблизости, между мужчиной, похожим на мопса, и женщиной, с голодным видом вгрызающейся в индюшачью ногу. Арриана, ссутулившись, расположилась на трибунах, что-то шепча девушке-панку постарше с потрясающими ярко-розовыми волосами. Скорее всего, старшей сестре. Обе перехватили взгляд Люс. Подруга ухмыльнулась, помахала рукой, обернулась к своей спутнице и вновь зашептала.

Вокруг Роланда собралась огромная компания, устроившая пикник на большом покрывале. Они шутили и смеялись, а несколько ребятшек помладше кидались едой друг в друга. Похоже, прекрасно проводили время, пока граната из кукурузного початка не угодила в проходящую по двору Габби, едва ее не оглушив. Девушка бросила хмурый взгляд на Роланда. Она вела под руку мужчину, по виду годящегося ей в дедушки, поглаживая его локоть, к ряду складных стульев, расставленных вокруг открытой площадки.

Дэниел и Кэм, что примечательно, отсутствовали. Люс даже не представляла, на что могли бы быть похожи их семьи. Как бы сердита и смущена она ни была после того, как Дэниел второй раз сбежал от нее на озере, она по-прежнему мечтала хотя бы одним глазком взглянуть на кого угодно, состоящего с ним в родстве. Однако, вспоминая его тоненькое личное дело, лежащее в архиве, девушка задумалась о том, поддерживает ли он связь хоть с кем-нибудь из своей семьи.

Мама разложила мамалыгу по четырем тарелкам, отец увенчал получившиеся горки свеженарезанным острым перцем. После первого же кусочка рот Люс вспыхнул пламенем, именно так, как она любила. Для Пенн, судя по всему, обычная кухня Джорджии, на которой выросла ее подруга, оказалась непривычной. Особенно ее испугала маринованная бамия, но, попробовав стручок на вкус, она одарила Люс удивленно-одобрительной улыбкой.

Мама с папой захватили с собой все до единого любимые лакомства дочери, даже pekanовое пралине из семейного магазинчика в соседнем квартале. Они счастливо жевали по обе стороны от нее, явно радуясь возможности наполнить рты чем-то, отличным от разговоров о смерти.

Люс следовало бы наслаждаться временем, которое она проводит с родителями, пить любимый сладкий чай, но она чувствовала себя какой-то самозванкой, прикидываясь, будто этот райский обед – совершенно обычное дело для «Меча и Креста». Весь этот день был сплошным притворством.

При звуке кратких вялых аплодисментов девушка оглянулась на

трибуны, где стояла Рэнди рядом с директором Юделлом, которого прежде она никогда не видела во плоти. Люс узнала его по очень тусклому портрету, висящему в главном вестибюле, и теперь поняла, что художник изрядно ему польстил. Пенн как-то обмолвилась, что директор показывается в школе только раз в году, по родительским дням, а все остальное время живет отшельником, не покидая дома на острове Тайби. Даже когда погиб один из учеников школы. Его обвисшие щеки едва не поглощали подбородок, коровьи глаза уставились куда-то в толпу, судя по всему, ни на чем не сосредотачиваясь.

Сбоку от него стояла Рэнди, широко расставив ноги в белых чулках. На ее лице застыла тонкогубая улыбка. Директор промокал салфеткой обширный лоб. Оба сохраняли внешнюю невозмутимость, но, похоже, это требовало от них немалых усилий.

– Добро пожаловать на сто пятьдесят девятый ежегодный родительский день в «Мече и Кресте», – объявил в микрофон директор Юделл.

– Он что, шутит? – шепотом спросила Люс у подруги.

Ей с трудом верилось в существование родительских дней во времена до гражданской войны.

Пенн закатила глаза.

– Наверняка опечатка. А я им говорила, чтобы подобрали ему новые очки для чтения.

– Мы подготовили для вас долгую и веселую программу на день, начинающуюся неторопливым обедом-пикником.

– Обычно нам на него отводится девятнадцать минут, – вставила Пенн как бы в сторону, обращаясь к разом напрягшимся родителям Люс.

– Она шутит, – одними губами возразила Люс, улыбнувшись им поверх головы Пенн.

– Потом вы сможете выбрать себе занятие по вкусу. Наш замечательный преподаватель биологии, мисс Иоланда Тросс, прочитает в библиотеке увлекательную лекцию о флоре саванны, встречающейся на территории школы. Тренер Дианте проведет ряд семейных соревнований здесь, во дворе. А мистер Стэнли Коул предложит вашему вниманию историческую экскурсию по нашему кладбищу героев. Словом, вам предстоит весьма насыщенный день. И да, – добавил директор с неприятной усмешкой во все тридцать два зуба, – мы проверим вас на прочность.

Это были именно те избитые шутки, с помощью которых можно добиться заученного смеха от компании родственников. Люс покосилась на

Пенн. Наводящая тоску попытка добродушно посмеяться слишком явно показала, что все собрались здесь только для того, чтобы потом с легким сердцем оставить своих детей в руках преподавательского состава «Меча и Креста». Прайсы тоже заулыбались, хотя продолжали посматривать на дочь, надеясь на подсказку, как им следует держаться.

После обеда семьи собрали корзинки и разошлись по разным углам. У Люс сложилось впечатление, что лишь немногих действительно заинтересовали организованные школой развлечения. Никто не последовал за мисс Тросс в библиотеку, и до сих пор лишь Габби со своим дедушкой забрались в мешки из-под картошки на другом конце поля.

Люс понятия не имела, куда ускользнули Молли, Арриана или Роланд со своими родственниками, и по-прежнему не нашла Дэниела. Она не сомневалась, что ее родители огорчатся, если так и не увидят ничего примечательного на территории школы и не поучаствуют в намеченных мероприятиях. Поскольку экскурсия мистера Коула выглядела наименьшим из зол, она предложила собрать вещи и присоединиться к нему у ворот кладбища.

Когда они направились туда, с верхней трибуны, словно гимнастка с параллельных брусьев, спрыгнула Арриана, приземлившись прямо перед родителями Люс.

– Приве-ет, – пропела она, в лучшем своем стиле изображая сумасшедшую.

– Мама, папа, – Люс приобняла их за плечи, – это моя подруга Арриана.

– А это, – Арриана указала на высокую розоволосую девушку, неторопливо спускающуюся по ступенькам трибун, – моя сестра Аннабель.

Аннабель, игнорируя протянутую руку Люс, притянула ее к себе для продолжительных тесных объятий, таких, что разом захрустели кости. Это продолжалось достаточно долго, девушка начала гадать, что тут не так, но едва ей сделалось неуютно, сестра Аннабель выпустила ее.

– Я так рада встретиться с тобой, – сказала она, беря Люс за руку.

– Взаимно, – ответила Люс, покосившись на Арриану. – А вы собираетесь на экскурсию мистера Коула?

Арриана тоже рассматривала сестру так, словно та рехнулась.

Аннабель открыла было рот, но сестра поспешно ее перебила.

– Боже, нет, конечно. Все это для совершеннейших недотеп.

И бросила взгляд на родителей Люс.

– Не в обиду будет сказано. Аннабель пожала плечами.

– Может, нам еще удастся встретиться позже! – крикнула она, прежде чем Арриана утатила ее прочь.

– Они выглядят довольно милыми, – заметила мама Люс осторожным тоном, к которому прибегала, когда ждала от дочери каких-либо объяснений.

– Э-э-э, а почему эта девушка так прилипла к тебе? – спросила Пенн.

Люс посмотрела на нее, потом на родителей. Неужели действительно нужно отстаивать перед ними тот факт, что она может кому-то просто понравиться?

– Люсинда! – окликнул мистер Коул, помахав рукой у ворот кладбища. – Сюда!

Он тепло пожал руки ее родителям и даже приобнял за плечи Пенн. Люс растерялась, пытаясь понять, как к этому относиться. Раздражает ее участие мистера Коула в родительском дне или впечатляет его показное воодушевление? Вскоре он заговорил, изрядно ее удивив.

– Я весь год готовился к этому дню. Возможность вывести учеников на свежий воздух и рассказать о чудесах этого места – не прекрасно ли это? Самое близкое к настоящему походу событие, какое может случиться в жизни учителя исправительной школы. Конечно, в прошлые годы никто не показывался на моей экскурсии. Следовательно, вы – мои первые слушатели.

– Что ж, мы польщены, – пророкотал отец Люс, широко улыбнувшись мистеру Коулу.

Девушка могла бы с уверенностью утверждать, что в нем говорит не только фанат гражданской войны, изголодавшийся по пушкам. Он явно почувствовал в мистере Коуле искренность. А отец разбирается в людях куда лучше любого из ее знакомых.

Мужчины стали спускаться по крутому склону у входа на кладбище. Мама Люс оставила корзинку для пикника у ворот и одарила девушек вымученной улыбкой.

Мистер Коул помахал рукой и приподнял брови, привлекая их внимание.

– Для начала немного деталей. Какое из кладбищенских строений вы бы назвали старейшим?

Девушки уставились себе под ноги, избегая его взгляда так же, как на уроках. Отец Люс привстал на цыпочки, рассматривая некоторые статуи покрупнее.

– Вопрос с подвохом! – провозгласил мистер Коул, похлопывая по узорчатым воротам. – Эта часть ограды была построена первоначальным владельцем в тысяча восемьсот тридцать первом году. Говорят, у его супруги, Элламены, был замечательный огородик и она хотела каким-нибудь образом уберечь помидоры от цесарок.

Он едва слышно рассмеялся.

– Это было еще до войны. И до того, как просела почва. Идем дальше!

Мистер Коул на ходу делился сведениями о сооружении кладбища, об исторической обстановке, при которой оно возводилось, и о «художнике» – даже он допускал широкую трактовку этого термина, – изваявшем скульптуру крылатого зверя на вершине обелиска. Отец Люс забрасывал его вопросами, а мама водила рукой по самым симпатичным надгробиям, приглушенно бормоча «ну надо же» всякий раз, когда задерживалась, чтобы прочесть надпись. Пенн тащилась следом за ней, вероятно, сожалея, что в этот день не прицепилась к другой семье. Люс замыкала процессию, раздумывая, что бы произошло, если бы ей самой пришлось проводить экскурсию по кладбищу для родителей.

«Здесь я отбывала свое первое наказание».

«А здесь рухнувший мраморный ангел едва меня не убил».

«А здесь мальчик из исправительной школы, который вам никогда бы не понравился, устроил самый странный пикник в моей жизни».

– Кэм, – окликнул мистер Коул, огибая обелиск.

Тот стоял рядом с высоким темноволосым мужчиной в строгом черном деловом костюме. Ни один из них не услышал мистера Коула и не заметил компании, им возглавляемой. Они вполголоса разговаривали под дубом, увлеченно жестикулируя, примерно так же, как руководитель театральной студии Люс, когда учащиеся затягивали действие в постановке.

– Вы с отцом не хотели бы присоединиться к нашей экскурсии? – спросил мистер Коул на этот раз громче. – Правда, большую часть вы пропустили, но, уверен, наверняка еще осталась пара любопытных фактов, которыми я мог бы поделиться.

Парень медленно повернул голову в их сторону, потом посмотрел на своего спутника. Того, похоже, все это весьма позабавило. Люс размышляла о том, что этот высокий темноволосый, превосходно выглядящий мужчина с шикарными золотыми часами достаточно стар, чтобы доводиться Кэму отцом. Но, возможно, он просто хорошо сохранился. Взгляд парня скользнул по ее голой шее, и на миг он показался слегка расстроенным. Девушка покраснела, отлично понимая, что ее мать

обратила внимание на эту сцену и теперь пытается разобраться в происходящем.

Кэм оставил предложение мистера Коула без внимания и направился к маме Люс, склонившись к ее руке раньше, чем кто-либо успел их представить друг другу.

– Вы, должно быть, старшая сестра Люс, – учтиво предположил он.

Пенн поперхнулась смехом.

– Пожалуйста, – шепнула она подруге так, чтобы ее больше никто не расслышал, – подтверди, что не одну меня от этого мутит.

Похоже, маме Люс это отчасти польстило, зато дочери и особенно мужу сделалось слегка неловко.

– Нет, мы не можем остаться на экскурсию, – объявил Кэм, подмигивая девушке и отступая назад, едва ее отец подошел ближе. – Но было весьма приятно, – он обвел взглядом всех троих, за исключением Пенн, – встретить вас здесь. Пойдем, *nap*.

– Кто это был? – поинтересовалась мама, когда Кэм с отцом, ну, или кем он там ему приходится, растворились в глубине кладбища.

– О, всего лишь один из поклонников Люс, – объяснила Пенн, тщетно пытаясь поднять настроение всем.

– Один из? – воззрился на нее отец.

В вечернем свете девушка впервые заметила несколько седых волосков в папиной бороде. Ей не хотелось проводить последние минуты их встречи, уговаривая его не волноваться из-за парней из исправительной школы.

– Неважно, папа. Пенн шутит.

– Мы хотели бы, чтобы ты была осторожна, Люсинда, – призвал он.

Люс подумала о том, как недавно Дэниел довольно-таки настойчиво предлагал убраться отсюда. Возможно, ей и в самом деле следует покинуть «Меч и Крест». Внезапно ей отчаянно захотелось завести об этом разговор с родителями, упрашивать и умолять их забрать ее отсюда.

Тем не менее то же самое воспоминание о Дэниеле заставило ее придержать язык. Волнующее прикосновение кожи, когда она опрокинула его у озера, его печальные глаза. Ей вдруг открылась шокирующая истина, пришла на ум совершенно безумная мысль о том, что, возможность провести с Дэниелом хоть немного времени стоит всех ужасов «Меча и Креста».

Да просто интересно, что из этого выйдет.

– Ненавижу прощания, – выдохнула мама Люс, порывисто ее обнимая, тем самым прервав размышления дочери.

Девушка посмотрела на часы и понурилась. Она понятия не имела, как ей удалось пропустить наступление вечера, да так быстро, и как возможно такое, что им уже пора уезжать.

– Ты позвонишь нам в среду? – папа, по обычаю французской ветви их семьи, расцеловал ее в обе щеки.

Пока они вместе возвращались к парковке, родители держали ее за руки. На прощание оба снова изо всех сил обняли ее и расцеловали. Пока они пожимали руку Пенн, желая ей всего наилучшего, Люс заметила видеокамеру, укрепленную на кирпичном столбике сломанного телефона-автомата у выхода. Должно быть, та оснащена датчиком движения, поскольку поворачивалась следом за ними. Камера не числилась экспонатом обзорной экскурсии Аррианы и, следовательно, определенно не была «дохлой». Родители ничего не заметили. Что ж, это, возможно, к лучшему.

Они двинулись к выходу, дважды обернувшись, чтобы помахать девушкам, стоящим у входа в главный вестибюль. Отец завел старенький черный «крайслер» и опустил окно.

– Мы тебя любим, – крикнул он так громко, что Люс обязательно смутилась бы, если бы ей не сделалось грустно из-за расставания с ними.

Она помахала в ответ.

– Спасибо.

«За пралине и бамию. За то, что провели здесь весь день. За то, что взяли под крылышко Пенн, не задавая вопросов. За то, что все еще любите меня, хотя я вас и пугаю».

Когда задние габаритные огни скрылись за поворотом, Пенн похлопала Люс по спине.

– Думаю, не стоит идти проводить моего папу. Она поковыряла землю носком ботинка и робко посмотрела на подругу.

– Может, хочешь пойти со мной? Если нет, я пойму, ведь для этого потребуется еще раз зайти внутрь.

Она ткнула большим пальцем куда-то вглубь кладбища.

– Ну конечно же, я пойду, – отозвалась Люс. Они обогнули кладбище по периметру, держась на самом верху, пока не добрались до дальнего угла со стороны востока. Пенн остановилась перед могилой, скромной, белой, покрытой рыжеватым слоем сосновых иголок. Она опустилась на колени и принялась смахивать их на землю.

«Стэнфорд Локвуд – гласила надпись на простом надгробии – лучший отец в мире».

Люс едва ли не расслышала за этой фразой трогательный голос подруги. На глаза у нее навернулись слезы. Она не хотела, чтобы Пенн это заметила. В конце концов, ее собственные родители, слава богу, живы и здоровы. Если кому и следует сейчас плакать, так это Пенн. Ну вот она и плачет, хотя и пытается это скрыть, делая вид, что лишь тихонько шмыгает носом, и всего несколько капель упало на обтрепанный подол ее свитера. Люс опустилась на колени и помогла Пенн стряхнуть иголки. Обняла подругу, стиснув настолько крепко, насколько хватило сил.

Отстранившись и поблагодарив ее, Пенн пошарила в кармане и достала письмо.

– Я всегда ему что-нибудь пишу, – объяснила она.

Решив ненадолго оставить ее наедине с отцом, Люс отступила на шаг назад и отвернулась в сторону раскинувшегося внизу кладбища. Ее взгляд все еще туманили слезы, однако, казалось, она разглядела кого-то, в одиночестве сидящего на вершине обелиска. Да. Парень, обнимающий собственные коленки. Она понятия не имела, как он туда забрался, и тем не менее.

Он выглядел закованым и одиноким, как если бы провел там весь день. Он не замечал ни Люс, ни Пенн. Похоже, вообще ничего и никого не замечал. Но Люс не нужно было приближаться к нему и заглядывать в лилово-серые глаза, чтобы узнать его.

Все это время она искала объяснение тому, почему личное дело Дэниела настолько скупо на детали, какие тайны скрывает пропавшая из библиотеки книга его предка, что вспоминалось ему, когда она спросила о его семье. Почему он с ней то пылок, то холоден. И так постоянно.

После волнующего дня, проведенного с собственными родителями, от одной только мысли об этом ее колени едва не подкашивались от бессильной печали. Дэниел один в целом мире.

Глава 14. Праздные руки

Во вторник целый день шел дождь. Черные как смоль тучи, подступая с запада, клубились над школой, не слишком-то улучшая настроение Люс. Ливень, то морозящий, то проливной, то с градом, обрушивался на землю неровными волнами, прежде чем утихнуть и начаться заново. Учащимся не разрешалось даже выходить наружу во время перемен. Уже к концу занятия по математическому анализу Люс тихо сходила с ума.

Она осознала это, когда ее записи отклонились от теоремы о среднем, приняв следующий вид:

«15 сентября. Грубый жест от Д.

16 сентября. Опрокинувшаяся статуя, рука на голове, чтобы защитить меня (как вариант, он просто нашаривал выход), незамедлительный уход Д.

17 сентября. Вероятно, неверное истолкование кивка Д. как совета посетить вечеринку Кэма. Беспокоящее открытие насчет отношений Д. и Г. (ошибка?)».

Записанные в таком виде события представляли собой начало довольно нескладного перечня. Дэниел был с ней то пылок, то холоден. Возможно, он так же думал о ней, хотя, если поинтересоваться у нее, любая странность с ее стороны – лишь ответ на непрерывные странности с его стороны.

Нет. Это именно тот род споров, замыкающихся в порочный круг, который она предпочла бы избежать. Люс не желала никаких игр. Она просто хотела быть с ним. Вот только не знала, почему. Или как этого добиться. И что вообще означает быть с ним. Она знает только, что думает именно о нем. Тревожится именно о нем. Несмотря ни на какие обстоятельства.

Для себя девушка решила: если сумеет отыскать нечто общее в ситуациях, когда он был добр с ней и когда он отстранялся, возможно, найдет некую закономерность в непредсказуемом поведении Дэниела. А пока этот список только вгоняет ее в уныние. Люс смяла страницу.

Когда звонок наконец отпустил их с занятий этого дня, она поспешила прочь из класса, хотя обычно дожидалась Арриану или Пенн, чтобы пройти с ними. Ее страшил тот миг, когда их пути расходились, поскольку после этого она оставалась наедине с собственными мыслями. Но сегодня ей не хотелось никого видеть. Она предвкушала немного

времени, принадлежащего только ей, и знала единственный верный способ отвлечься от размышлений о Дэниеле – долгое, упорное, одинокое плавание.

Пока остальные учащиеся разбредались по своим комнатам, Люс натянула капюшон толстовки и выбежала под дождь, торопясь добраться до бассейна.

Спускаясь по ступеням «Августина», она с силой врезалась во что-то высокое и черное.

Кэм.

Когда она его толкнула, у него в руках закачалась и с грохотом рассыпалась по мокрому камню стопка книг. Он тоже накинуд на голову капюшон, в наушниках надрывалась музыка. Вероятно, он и вовсе не заметил ее приближения. Каждый из них пребывал в собственном мире.

– Ты цела? – Кэм положил ладонь ей на спину.

– Все в порядке.

Люс слегка пошатнулась. Это упали его книжки.

– Что ж, теперь, когда один из нас рассыпал книги другого, не должны ли наши руки случайно соприкоснуться, когда мы будем их подбирать?

Девушка рассмеялась и протянула ему одну из книг. Кэм перехватил ее ладонь и слегка сжал. Дождь промочил его темные волосы, крупные капли собирались на длинных густых ресницах. Он действительно здорово выглядел.

– Как сказать по-французски «смущенный»? – спросил он.

– М-м, gêné, – начала было Люс, внезапно несколько смутившись сама.

Кэм по-прежнему держал ее за руку.

– погоди, разве не ты вчера получил «отлично» на опросе по французскому?

– Ты заметила? – удивился он. Голос его звучал как-то странно.

– Кэм, у тебя все в порядке?

Он склонился к ней и смахнул каплю воды, сбегавшую по ее переносице. От этого единственного прикосновения она вздрогнула и вдруг невольно задумалась о том, как чудесно и тепло ей стало бы, если бы он привлек ее в свои объятия так же, как на панихиде Тодда.

– Я думал о тебе, – сказал Кэм. – Хотел увидеть. Ждал тебя на поминках, но кто-то сказал, что ты ушла.

У Люс сложилось впечатление, будто он знает, с кем она ушла, а сейчас хочет, чтобы и ей стало об этом известно.

– Прости, – она была вынуждена закричать, чтобы ее голос не заглушил раскат грома.

Теперь уже они оба промокли насквозь под непрекращающимся ливнем.

– Пойдем, хватит торчать под дождем. Кэм потянул ее в сторону «Августина».

Через его плечо Люс посмотрела на спортзал и захотела оказаться не здесь или где-либо еще с Кэмом, а там. Во всяком случае, не прямо сейчас. Голову переполняло множество сбивающих с толку побуждений. Чтобы в них разобраться, ей требовалось побыть наедине с собой. И ни с кем другим.

– Я не могу, – сказала она.

– А как насчет потом? Скажем, вечером?

– Конечно, потом. Годится. Он просиял.

– Я зайду за тобой в комнату.

К удивлению Люс, он привлек ее к себе на кратчайший миг и нежно поцеловал в лоб. Она сразу же ощутила некое умиротворение, как будто сделала глоток чего-то крепкого. Но, прежде чем она успела почувствовать что-то еще, Кэм выпустил ее и заторопился в сторону спального корпуса.

Люс помотала головой и медленно зашлепала по лужам к спортзалу. Ей определенно нужно разобраться с мыслями. И не только о Дэниеле.

Не исключено, что будет неплохо, даже весело провести некоторое время с Кэмом сегодня вечером. Если дождь утихнет, он, возможно, покажет ей какое-нибудь потайное место на территории школы, будет обаятелен в обычной для него сногсшибательно спокойной манере. С ним она чувствует себя особенной.

Люс улыбнулась.

С тех пор как она последний раз заглядывала в собор спортивной божьей матери (как Арриана окрестила бывшую церковь), обслуживающий персонал школы начал бороться с кудзу. Они очистили от зеленого покрова значительную часть фасада здания, но проделали лишь половину работы, и оборванные лозы, словно щупальца, свисали над дверями. Чтобы попасть внутрь, Люс даже пришлось пригнуться.

Внутри оказалось пусто и совершенно тихо в сравнении с бушующей снаружи бурей. Большая часть освещения была отключена. Она не спросила, можно ли пользоваться спортзалом во внеурочное время, но дверь оказалась не заперта. Что ж, ее остановить некому.

Девушка прошла по сумрачному коридору мимо латинских свитков под стеклом и небольшой мраморной репродукции «Оплакивания Христа».

Она задержалась перед дверью в гимнастический зал, где в тот раз наткнулась на Дэниела, прыгающего через скакалку. Это могло бы стать отличным дополнением к ее перечню.

«18 сентября. Д. обвиняет меня в преследовании».

Вслед за этим, двумя днями позже, последовало бы:

«20 сентября. Пенн убеждает меня действительно начать его преследовать. Я соглашаюсь».

Тьфу. Она угодила в черную дыру самобичевания, однако не могла остановиться. Посреди коридора Люс застыла, внезапно осознав, почему Дэниел весь день занимает ее мысли. Даже больше, чем обычно. И почему ее так беспокоит Кэм. Они оба снились ей этой ночью.

Она пробиралась сквозь пыльный туман, и кто-то держал ее за руку. Люс обернулась, ожидая увидеть Дэниела. И хотя губы, к которым она прижалась, успокаивали и ласкали, они принадлежали не ему, а Кэму. Он осыпал ее бесчисленным множеством нежных поцелуев, и всякий раз, когда девушка смотрела на него, неистовые зеленые глаза оказывались открытыми, впиваясь в нее, спрашивая о чем-то, на что она не могла ответить.

Потом Кэм исчез, а вместе с ним и туман. Люс очутилась в крепких объятиях Дэниела, именно там, где и хотела находиться. Он склонялся к ней и целовал яростно, как если бы на что-то злился, и всякий раз, когда его губы отстранялись, пусть и на долю секунды, испепеляющая жажда охватывала ее, вынуждая кричать. Теперь она помнила о крыльях и позволила им окутать себя, как одеялом. Ей хотелось прикасаться к ним, полностью завернуться в них вместе с Дэниелом, но вскоре их бархатистая поверхность стала отдаляться, сворачиваться. Он перестал ее целовать, заглянул в лицо, ожидая отклика. Она не понимала странного жаркого страха, нарастающего у нее в животе. А он тем не менее разрастался. Ей сделалось неприятно тепло, потом обжигающе горячо, а вскоре и вовсе нестерпимо. Именно тогда она резко проснулась. В последние мгновения сна Люс иссохла, пошла трещинами, потом рассыпалась пеплом.

Люс проснулась в холодном поту, с мокрыми волосами, подушкой, пижамой, отчего внезапно страшно замерзла. Она лежала, дрожа всем телом, в полном одиночестве до самого рассвета.

Люс потеряла пропитанные дождем рукава, пытаясь согреться. Разумеется. Сон оставил ей пламя в сердце и холод в костях, которые за весь день так и не удалось унять. Вот почему она пришла поплавать:

попытаться нагрузкой выветрить это из организма.

На этот раз черный купальник ей действительно подошел, и она не забыла захватить с собой очки для плавания. Девушка распахнула дверь в бассейн и встала под вышкой, дыша влажным воздухом с тусклым привкусом хлорки. Сейчас, не отвлекаясь на других учащих или трели тренерского свистка, она ощутила присутствие в церкви чего-то еще. Чего-то почти святого. Возможно, все объяснялось лишь пышным убранством помещения, пусть даже сквозь разбитые витражные окна и просачивался дождь, а в нишах не горела ни одна свеча. Девушка попробовала представить, на что было похоже это место до того, как бассейн занял место церковных скамей, и улыбнулась. Ей понравилась сама идея плавать под надзором склонившихся в молитве каменных святых.

Она надвинула на глаза очки и нырнула. Вода оказалась теплой, куда теплее, чем дождь снаружи. Раскаты грома отсюда казались безобидными и далекими, когда она ушла под воду с головой.

Люс оттолкнулась и поплыла неторопливым разогревающим кролем.

Вскоре тело размялось, несколько дорожек спустя она увеличила скорость и перешла на баттерфляй. Руки и ноги начали гореть, но она не сбавила темп. Ей по-настоящему нравилось это ощущение.

Если бы она могла просто поговорить с Дэниелом. Действительно поговорить, без того, чтобы он перебивал ее, или советовал сменить школу, или смывался раньше, чем она перейдет к делу. Это могло бы помочь. Правда, потребовалось бы связать его по рукам и ногам, а заодно заткнуть ему рот кляпом, чтобы он выслушал ее.

Но что она ему скажет? У Люс было только чувство, охватывающее ее рядом с Дэниелом и не имеющее ничего общего с их разговорами.

А что если ей снова удастся привести его к озеру? Ведь он сам намекнул, что это место стало теперь их общим. Да, она могла бы притащить его туда, при этом постаралась бы держаться крайне осторожно, чтобы ничем не отпугнуть.

Не сработает.

Дрянь. Она снова этим занимается. А ведь она планировала поплавать. Только поплавать, ничего больше. Она будет плавать, пока не устанет достаточно, чтобы не думать ни о чем другом, особенно о Дэниеле. Она будет плавать, пока...

– Люс!

Пока ее не прервут.

Пенн стояла на бортике бассейна.

– Что ты здесь делаешь? – Люс сплонула воду.

– Нет, это ты что здесь делаешь? – парировала та. – С каких это пор ты тренируешься добровольно? Что-то мне это не нравится.

– Как ты меня нашла?

Едва произнесла эти слова, Люс поняла, что они могли прозвучать грубо, будто она пытается избегать общества Пенн.

– Кэм сказал. У нас, знаешь ли, целый разговор вышел. Станный. Он хотел узнать, все ли с тобой в порядке.

– Это и впрямь странно, – согласилась Люс.

– Нет, – поправила Пенн, – странно то, что он подошел ко мне и у нас вышел целый разговор. У мистера Популярность со мной. Мне следует еще четче выразить удивление? То есть он был действительно любезен.

– Но он и есть сама любезность. Люс стянула очки.

– С тобой, – уточнила Пенн. – Он настолько мил с тобой, что смылся из школы, чтобы купить тебе подвеску, которую ты не носишь.

– Я однажды ее надевала, – возразила Люс.

Это правда. Пятью ночами раньше, после того, как Дэниел второй раз бросил ее одну у озера, наедине со своим следом, светящимся в лесу. Ей никак не удавалось избавиться от этой картинки и заснуть. Она так и маячила перед глазами. Потому-то Люс и примерила украшение. Да так и уснула, сжимая подвеску, и проснулась с ней, нагретой, в ладони.

Пенн помахала рукой у нее перед глазами, будто говоря: «Э-эй! Это ты к чему?».

– Это к тому, – наконец заключила Люс, – что я не настолько поверхностна, чтобы западать на первого же попавшегося парня, который мне что-то подарил.

– Не настолько поверхностна, да? В таком случае, составь, будь любезна, неповерхностный список причин, по которым тебя так привлекает Дэниел. Что, само собой, не подразумевает что-то типа: «У него чудесные серые глаза» или «О, как его мышцы играют в солнечном свете».

Люс невольно прыснула от высокого фальцета Пенн и того, как та прижала к сердцу руки.

– Он просто чем-то меня цепляет, – она явно избегала взгляда подруги. – Это невозможно объяснить.

– Цепляет тем, что не обращает на тебя внимания?

Пенн покачала головой.

Люс никогда не рассказывала ей о том, как оставалась с Дэниелом наедине, как на миг замечала, что она ему тоже небезразлична.

Следовательно, Пенн не сможет по-настоящему оценить ее чувства. А они кажутся слишком личными и запутанными, чтобы их объяснять.

Пенн присела на корточки перед Люс.

– Послушай, я отправилась тебя искать прежде всего затем, чтобы утащить в библиотеку для изысканий, связанных с Дэниелом.

– Ты нашла книгу?

– Не совсем, – Пенн протянула руку, помогая Люс выбраться из бассейна. – Труд мистера Григори по-прежнему таинственно отсутствует, но я вроде как взломала читательскую поисковую систему мисс Софии. И, представь, выяснилась пара интересных фактов. Думаю, тебе это может показаться любопытным.

– Спасибо, – Люс с помощью подруги взобралась на бортик. – Постараюсь не слишком досаждать тебе излишествами насчет Дэниела.

– Неважно, – отмахнулась Пенн. – Давай вытирайся быстрее. Дождь перестал ненадолго, а я без зонта.

* * *

Отчасти сухая и снова одетая в школьную форму Люс последовала за Пенн в библиотеку. Часть ее у входа была отгорожена желтой полицейской лентой, поэтому девушкам пришлось проскользнуть через узкий просвет между картотекой и справочным отделом. Внутри по-прежнему пахло костром, а теперь, благодаря противопожарной системе и дождю, к нему еще примешивался и отчетливый запах плесени.

Сначала Люс посмотрела туда, где некогда стоял стол мисс Софии, а теперь виднелся лишь обугленный, почти идеальный круг на старой плитке посреди библиотеки. Все в радиусе пятнадцати футов было убрано. Ничего за его пределами странным образом не пострадало.

Библиотекаря не было на месте. Складной столик с новой лампой, стаканчиком для карандашей и серой пачкой липучих листков для записок, установленный для нее недалеко от обгорелого пятна, тоскливо пустовал.

Люс и Пенн, прежде чем направиться к компьютерному классу в глубине, обменялись недовольными гримасами. Когда они проходили то место в читальном зале, где последний раз видели Тодда, Люс бросила взгляд на подругу. Лицо Пенн оставалось невозмутимым, но, когда девушка потянулась к ней, стиснула ее руку, ответное пожатие вышло весьма крепким.

Они подтащили пару стульев к компьютеру, Пенн набрала свое имя

пользователя. Люс огляделась, убеждаясь, что поблизости никого нет.

Красная табличка с сообщением об ошибке выскочила на экран.

Пенн застонала.

– Что такое?

– После четырех нужно особое разрешение для доступа в сеть.

– Вот почему здесь так пусто по ночам. Пенн порылась в рюкзаке.

– Куда же я сунула зашифрованный пароль?

– Смотри, мисс София, – предупредила Люс, помахав рукой библиотекарю.

Та шла по проходу в черной кофточке, облегающей фигуру, и ярко-зеленых укороченных брюках. Мерцающие серьги усеивали искрами ее плечи, а в прическу сбоку был воткнут карандаш.

– Сюда, – громко прошептала девушка.

Мисс София, прищурившись, посмотрела на них. Бифокальные очки соскользнули на кончик носа, а с парой стопок книг под мышками у нее не оставалось свободной руки, чтобы их поправить.

– Кто здесь? – окликнула она, направляясь к ним. – О, Люсинда, Пенниуэзер, добрый вечер.

– Мы хотели спросить, не дадите ли вы нам пароль от компьютера, – объяснила Люс, показывая на сообщение на экране.

– Вы же не сидите в социальных сетях, правда? Эти сайты точно дьявольские проделки.

– Нет-нет, это серьезное исследование, – заверила Пенн. – Вы бы одобрили.

Мисс София перегнулась через их плечи к клавиатуре. Ее пальцы запорхали, она набрала самый длинный пароль, какой Люс встречала в жизни.

– У вас двадцать минут, – предупредила мисс София.

– Должно хватить, – прошептала Пенн. – Я нашла критическое эссе по «Хранителям», так что, пока отслеживаем книгу, мы можем по крайней мере узнать, о чем она.

Люс почувствовала, что кто-то стоит у нее за спиной, и оглянулась, обнаружив вернувшуюся мисс Софию. Девушка подскочила на месте.

– Простите. Не знаю, чем, но вы меня напугали.

– Нет, это мне следует извиниться, – возразила библиотекарша, улыбаясь так, что стало почти не видно глаз. – Просто в последнее время, после пожара, стало так нелегко. Но это еще не причина демонстрировать скорбь в присутствии двух моих самых многообещающих учениц.

Обе девушки не нашлись что ответить. Одно дело – утешать друг друга после пожара. Успокаивать школьного библиотекаря оказалось им несколько не по зубам.

– Я пыталась заняться делом, но... – голос мисс Софии постепенно стих.

Пенн обеспокоенно оглянулась на Люс.

– Ну, может, нам и пригодилась бы помощь с исследованием, то есть если, конечно, вы...

– Я могу помочь!

Мисс София подтащила к компьютеру третий стул.

– Вижу, вы изучаете «Хранителей», – заметила она, заглянув в экран. – Род Григори был весьма влиятелен. А мне по чистой случайности стало известно о папской базе данных. Посмотрим-ка, что мне удастся выяснить.

Люс едва не подавилась карандашом, который грызла.

– Простите, вы сказали «род Григори»?

– О да, историки проследили их происхождение вплоть до Средневековья. Они были, – мисс София чуть помолчала, подыскивая слова, – своего рода исследовательской группой, если выразаться современно и без профессиональных терминов. Специализировались на определенном фольклоре, касающемся падших ангелов.

Она снова потянулась к клавиатуре. Люс поразились тому, как быстро забегали ее пальцы. Поисковая система изо всех сил старалась не отставать, вытаскивая статью за статьей, первоисточник за первоисточником, и все по роду Григори. Фамилия Дэниела мелькала повсюду, заполняя экран. У Люс слегка закружилась голова.

К ней вернулась картинка из сна. Разворачивающиеся крылья и ее разгорающееся тело, пока она не истлела до состояния пепла.

– А что, существуют разновидности ангелов, чтобы на них специализироваться? – поинтересовалась Пенн.

– О, разумеется. На эту тему написано немало трудов, – пояснила мисс София, не прекращая печатать. – Есть те, которые стали демонами. И те, что объединились с Богом. Даже те, которые якшались со смертными женщинами. Крайне опасная привычка.

Ее руки наконец замерли.

– А эти самые Хранители имеют какое-то отношение к здешнему Дэниелу Григори? – не унималась Пенн.

Мисс София в задумчивости тронула пальцем розовато-лиловые губы.

– Вполне возможно. Я и сама гадала об этом, но едва ли нам следует вмешиваться в личные дела других учащихся, вы не находите?

Ее бледное лицо слегка скривилось, когда она взглянула на часы.

– Что ж, надеюсь, я предоставила вам достаточно материала, чтобы начать собственное исследование. Не стану больше отнимать время. У вас осталось еще девять минут.

Она показала на таймер на экране компьютера и направилась обратно к входу в библиотеку.

Люс залюбовалась ее превосходной осанкой. Эта женщина могла бы ходить, положив на голову книгу. Действительно, похоже, ее слегка взбодрила помощь девушкам в исследовании, но в то же время Люс не представляла, как распорядиться сведениями о Дэниеле, которые они получили.

Зато Пенн представляла. Она принялась торопливо что-то записывать.

– Восемь с половиной минут, – известила она подругу, протягивая ручку и лист бумаги. – Здесь куда больше, чем на восемь с половиной минут. Начинай писать.

Люс вздохнула и послушалась. Это была скучно оформленная научная веб-страничка с тоненькой синей рамочкой, окаймляющей ровный бежевый фон. Сверху красовался заголовок, набранный строгим угловатым шрифтом. Он гласил: «Род Григори».

От одного вида этого имени Люс сделалось жарко.

Пенн постучала ручкой по монитору, привлекая ее внимание.

«Григори не спят».

Вполне возможно, поскольку Дэниел постоянно выглядел усталым.

«По большей части они молчаливы».

В точку. Иногда разговаривать с ним казалось не легче, чем драть зубы.

«В декреталиях восьмого века...» Экран почернел. Их время вышло.

– Сколько ты успела? – спросила Пенн.

Люс приподняла свой листок. Жалкое зрелище. Вместо записей там красовался набросок, который она даже не помнила, как рисовала.

Оперенные края крыльев.

Пенн бросила на нее косой взгляд.

– Да уж, я прямо-таки вижу, какой превосходный лаборант-исследователь из тебя получается, – заметила она со смехом. – Может, в следующий раз просто на картах погадаем?

Она продемонстрировала собственные, куда более подробные записи.

– Ладно, я успела достаточно, чтобы потом выйти на пару других источников.

Люс запихнула бумажки в один карман со смятым убрать перечнем всех ее столкновений с Дэниелом. Сама себе она начинала напоминать

собственного отца, не любящего слишком далеко отходить от шредера. Девушка наклонилась в поисках корзины для бумаг и заметила в проходе пару ног, направляющихся в их сторону.

Походка показалась знакомой. Как своя собственная. Люс села, ну, или попыталась сесть, и снизу стукнулась головой о компьютерный стол.

– О-ой, – стонала она, потирая шишку, набитую еще во время пожара.

Дэниел замер в нескольких футах от нее. Судя по выражению его лица, меньше всего на свете он рассчитывал наткнуться сейчас на нее. Правда, по крайней мере, объявился уже после того, как они отключились от сети. Нет смысла уверять в том, что она его преследует еще больше, чем он полагал.

Казалось, Дэниел смотрел сквозь нее. Лиловосерые глаза уставились поверх ее плеча, на что-то или кого-то другого.

Пенн слегка потормошила подругу и указала большим пальцем на что-то у нее за спиной. Над стулом Люс нависал ухмыляющийся Кэм. Вспышка молнии снаружи чуть не отбросила девушку в объятия Пенн.

– Всего лишь гроза, – заметил Кэм. – Она скоро закончится. Жаль – ты очень мило смотришься, когда испугана.

Он подался вперед. Начав с плеча, скользнул пальцами по ее руке до самой кисти. Ее веки затрепетали, так приятно это ощущалось, а когда она открыла глаза, в ее ладони лежала маленькая коробочка, обтянутая алым бархатом. Кэм на миг ее приоткрыл. Люс заметила внутри золотую вспышку.

– Открой ее позже, – попросил он. – Когда будешь одна.

– Кэм.

– Я заходил к тебе в комнату.

– Мы не могли бы...

Люс оглянулась на Пенн, откровенно уставившуюся на них с увлеченностью зрителя в первых рядах кинозала. Та, выйдя из оцепенения, помахала руками.

– Ты хочешь, чтобы я ушла. Ясно.

– Нет, останься, – возразил Кэм куда ласковее, чем можно было ожидать, и повернулся к Люс. – Я уйду. Но позже – обещаешь?

– Конечно.

Девушка залилась румянцем.

Кэм взял ее руку и вместе с коробочкой сунул в левый передний карман ее джинсов. Штаны сидели довольно плотно по фигуре, и Люс вздрогнула, когда его пальцы скользнули по ее бедру. Он подмигнул и развернулся кругом.

Прежде чем Люс успела перевести дух, Кэм вернулся.

– Еще кое-что, напоследок, – пояснил он, кладя ладонь ей на затылок и придвигаясь ближе.

Ее голова чуть запрокинулась, а он наклонился и накрыл ее рот своим. Его губы и впрямь оказались такими мягкими, какими выглядели всякий раз, когда она на них смотрела.

Поцелуй вышел неглубоким. Скорее, Кэм просто чмокнул ее, но ей это показалось чем-то куда большим. От потрясения, волнения и возможных последствий этого прилюдного, долгого, неожиданного поцелуя у нее перехватило дыхание.

– Что за...

Голова парня мотнулась в сторону, он чуть согнулся, держась за челюсть.

За его спиной стоял Дэниел, растирая запястье.

– Держи руки от нее подальше.

– Я что-то не расслышал, – медленно выпрямляясь, протянул Кэм.

Боже мой, они дерутся. В библиотеке. Из-за нее. Одним плавным движением Кэм метнулся к Люс. Она вскрикнула, когда его руки начали смыкаться вокруг нее.

Но Дэниел оказался проворнее. Он с силой отшвырнул противника прочь, толкнув его на компьютерный стол. Кэм захрипел. Дэниел сгреб его за волосы и впечатал головой в столешницу.

– Я сказал, держи свои грязные руки подальше от нее, ты, маленький недоносок!

Пенн взвизгнула, подхватила свой потрепанный желтый пенал и на цыпочках бросилась к стене. На глазах у Люс она три раза подкинула его вверх. С четвертой попытки он наконец-то попал в маленькую черную камеру, укрепленную на стене. Удар заметно свернул объектив влево, к совершенно неподвижному стеллажу с документальной литературой.

К этому времени Кэм уже стряхнул противника, и они закружились, поскрипывая обувью по отполированному полу.

Дэниел пригнулся раньше, чем Люс заметила приближающийся удар. Хотя недостаточно проворно. Кэм со всей силы впечатал кулак ему под глаз.

От силы удара Дэниела слегка повело, он толкнул обеих девушек на компьютерный стол, обернулся и пробормотал неразборчивое извинение, прежде чем снова броситься в драку.

– О боже, перестаньте! – закричала Люс за мгновение до того, как он накиннулся на Кэма.

Дэниел осыпал противника беспорядочным шквалом ударов по плечам и лицу.

– Вот это уже лучше, – прохрипел Кэм, побоксерски пританцовывая.

Не отступаясь, Дэниел сгреб его обеими руками за шею и стиснул.

Кэм в ответ швырнул противника спиной на высокий стеллаж с книгами. Грохот раскатился по всей библиотеке, перекрывая гром снаружи. Дэниел охнул, выпустил Кэма и шумно рухнул на пол.

– У тебя есть еще что-либо в запасе, а, Григори? Люс задрожала, опасаясь, что парень не сможет встать. Однако он быстро вскочил на ноги.

– Я тебе покажу, – шипел он, – снаружи. И шагнул к Люс, потом отпрянул.

– А ты оставайся здесь.

И они оба шумно повалили прочь из библиотеки через заднюю дверь, которой воспользовалась Люс в ночь пожара. Она и Пенн словно примерзли к месту и переглянулись, разинув рты.

– Идем, – опомнилась Пенн, подтаскивая Люс к окну, выходящему во двор.

Они прижались лицами к стеклу, стирая туман от собственного дыхания.

Дождь стеной обрушивался вниз. Снаружи стояла темнота, только через библиотечные окна падал свет, но настолько тусклый и слабый, что трудно было вообще хоть что-то разглядеть.

На середину двора выбежали две фигуры. Обе мгновенно промокли насквозь. Еще минуту они спорили, потом начали обходить друг друга по кругу. И снова с кулаками.

Люс вцепилась в подоконник, когда Кэм атаковал первым, бросившись на Дэниела и врезавшись в него плечом. Потом он быстро ударил его сбоку коленом по ребрам.

Дэниел рухнул, держась за бок.

«Вставай же!»

Люс хотелось, чтобы он пошевелился. Ей казалось, будто это ее пнули. Всякий раз, когда Кэм бил Дэниела, это отдавалось в ее костях.

Она не могла вынести подобного зрелища.

– Дэниел слегка замешкался, – объявила Пенн, когда Люс отвернулась. – Но уже вскочил и вмазал Кэму прямо по лицу. Отличный удар!

– Тебе это нравится? – ужаснулась Люс.

– Мы с папой часто смотрели бои без правил, – пояснила подруга. – Похоже, оба этих парня всерьез учились смешанным боевым искусствам^[12]. Превосходный финт, Дэниел! – она застонала. – Ох, черт.

– В чем дело? – Люс снова приткнулась к окну. – Он ранен?

– Расслабься, – бросила Пенн. – Кто-то приближается, чтобы прекратить драку. Только бы Дэниел успел оправиться.

Она не ошиблась. Похоже, мистер Коул совершал по двору пробежку трусцой. Добравшись до места, где сцепились парни, он замер и некоторое за ними, как будто зачарованный происходящим.

– Да сделайте же что-нибудь, – прошептала несчастная Люс.

В конце концов мистер Коул сгреб обоих драчунов за шиворот. Еще мгновение все трое продолжали бороться, пока Дэниел наконец не вырвался, потряс правой рукой, прошел несколько шагов по кругу и пару раз сплюнул в грязь.

– Весьма привлекательно, Дэниел, – язвительно заметила Люс.

Вот только так оно и было.

Теперь пришел черед выговора от мистера Коула. Он исступленно размахивал руками. Парни стояли понурившись. Первым отпустили Кэма. Он бегом пересек двор в направлении спального корпуса и скрылся из виду.

Затем мистер Коул положил руку на плечо Дэниела. Люс изнывала от желания узнать, о чем они говорят и будет ли тот наказан. Она уже хотела пойти к нему, но Пенн преградила ей дорогу.

– И все это из-за какого-то украшения. А вот интересно, что Кэм тебе подарил?

Мистер Коул ушел. Дэниел остался стоять один в пятне света от горящего над головой фонаря, вглядываясь в дождь.

– Понятия не имею, – ответила Люс, шагнув прочь от окна. – Чем бы оно ни оказалось, я не хочу это принимать. Тем более после того, что произошло.

Она вернулась к компьютерному столу и достала из кармана подарок.

– Если не будешь смотреть, погляжу я, – заявила Пенн.

Она открыла коробочку и растерянно уставилась на подругу.

Золотая вспышка, которую они видели, оказалась вовсе не ювелирным украшением. Внутри коробочки лежали всего два предмета: еще один зеленый медиатор Кэма и клочок золотистой бумаги.

«Встретимся завтра после занятий. Я буду ждать у ворот.

К».

Глава 15. Логово льва

Немало времени прошло с тех пор, как Люс последний раз толком смотрелась в зеркало. Ее всегда устраивало собственное отражение. А что, ясные карие глаза, некрупные ровные зубы, густые ресницы и волна густых черных волос. Но это было когда-то. До прошлого лета.

После того как мама обрезала ей волосы, Люс стала избегать зеркал. Не только из-за короткой стрижки. Ей просто не нравилось, в кого она превратилась, а потому не хотелось видеть никаких свидетельств. Она приучилась опускать глаза на руки, моя их в ванной. Смотрела прямо перед собой, когда проходила мимо окон с тонированными стеклами, и избегала пудрениц с зеркальцем.

Но за двадцать минут до назначенной встречи с Кэмом Люс стояла перед зеркалом в пустой женской уборной. Она решила, что выглядит вполне прилично. Волосы наконец отрастали и потихоньку распрямлялись под собственным весом. Она проверила зубы, расправила плечи и взглянула в зеркало, будто в глаза Кэму. Ей нужно сказать ему кое-что важное, и она хочет убедиться, что он примет это всерьез.

Сегодня он не присутствовал на занятиях. Дэниел – тоже. Люс предположила, что мистер Коул назначил им обоим своего рода испытательный срок. Или они просто залечивали раны. Но девушка не сомневалась, что Кэм будет ждать ее сегодня.

Ей не хотелось его видеть. Совершенно. При мысли о его кулаках, вколачивающихся в Дэниела, ее начинало мутить. Но сама драка полностью на ее совести. Люс спровоцировала Кэма. Почему так вышло – оттого ли, что она пребывала в замешательстве или ей просто льстило его внимание, или из-за малейшей толики интереса к нему – больше не имело значения. Важно только сегодня сказать ему прямо, что между ними ничего нет.

Люс набрала в грудь воздуха, одернула футболку и распахнула дверь уборной.

По дороге к воротам она его не увидела. Хотя трудно что-то разглядеть за участком парковки, на котором ведутся ремонтные работы. Люс не приближалась к входу в школу с тех пор, как они начались, и теперь ее застало врасплох то, насколько непросто стало лавировать по искореженной площадке. Девушка обходила рытвины и пыталась не попадаться на глаза рабочим, едва не задыхаясь от запаха свежего асфальта,

который, похоже, не собирался рассеиваться.

Вокруг не обнаружилось никаких признаков Кэма. На миг Люс почувствовала себя глупо, как если бы купилась на чью-то шутку. Она посмотрела сквозь ржавые ворота на густую рощу древних вязов, раскинувшуюся на другой стороне дороги, похрустела суставами пальцев, тут же вспомнив, как Дэниел сообщил ей, что терпеть не может, когда она так делает.

Но его здесь нет. Как, впрочем, и никого другого тоже, чтобы застукать ее за этим занятием.

И вдруг на глаза девушки попался сложенный листок бумаги с ее именем, написанным сверху. Он был пришпилен к серому стволу пышной магнолии рядом с разбитой телефонной будкой.

«Я спасаю тебя от сегодняшнего общественного мероприятия. Пока наши товарищи заняты постановкой по мотивам гражданской войны – печально, но факт – мы с тобой хорошенько повеселимся. Черный седан с золотым номерным знаком доставит тебя ко мне. Я решил, что глоток свежего воздуха окажется нелишним для нас обоих.

К.» Люс закашлялась от асфальтовых паров. Свежий воздух – это одно, но черный седан, забирающий ее с территории школы, чтобы доставить к Кэму, словно он какой-то монарх, способный по малейшей прихоти устроить так, чтобы к нему привели женщину.

Кстати, где он?

Ничто из этого не укладывалось в план. Она всего лишь согласилась встретиться с Кэмом, сообщить, что он излишне навязчив, а она действительно не считает возможными какие-то отношения с ним. Поскольку – хотя этого она ему ни за что не скажет – всякий раз, когда его кулак прошлым вечером обрушивался на Дэниела, что-то внутри нее вздрагивало и закипало. Ей явно необходимо пресечь историю с Кэмом на корню. В кармане лежала золотая подвеска со змеей. Настала пора вернуть ее.

Правда, предположение, что парень просто хочет с ней поговорить, теперь казалось неуместным. Разумеется, у него в рукаве припрятано что-то еще. Весьма в его духе.

Шум тормозящих колес заставил Люс обернуться. Черный седан остановился перед воротами. Тонированное стекло со стороны водителя опустилось, оттуда вылезла волосатая рука и сняла трубку с телефонного аппарата снаружи. Спустя мгновение трубку швырнули на место, и

водитель надавил на гудок.

Огромные металлические ворота со скрипом распахнулись, и машина тронулась вперед, остановившись прямо перед Люс. С тихим щелчком приоткрылась дверца. Неужели она действительно собирается сесть внутрь и отправиться неведомо куда, чтобы встретиться с Кэмом?

Последний раз девушка стояла у этих ворот, прощаясь с родителями. Заскучав по ним еще до того, как они просто отъехали, она махала с этого самого места, рядом со сломанным телефоном у ворот. Более того, заметила высокотехнологичную камеру наблюдения. Из тех, что снабжены датчиком движения и наводятся на каждое шевеление. Кэм не мог выбрать худшего места для машины, чтобы подобрать ее.

Внезапно ей привиделась подвальная камера одиночного заключения. Сырые бетонные стены, тараканы, ползающие по ногам. Никакого солнечного света. В школе по-прежнему ходили слухи о Джулс и Филлипе, которых не видели с тех самых пор, как они сбежали. Неужели Кэм возомнил, будто Люс настолько отчаянно хочет его увидеть, что готова рисковать, покидая территорию школы на виду у камер?

Машина все еще гудела на подъездной дорожке. Мгновение спустя водитель – лысеющий мужчина в темных очках – протянул ей маленький белый конверт. Люс чуть помешкала, прежде чем шагнуть вперед и взять его из рук шофера.

Почтовая бумага Кэма. Плотная кремовая карточка с его именем, отпечатанным декадентской позолотой в нижнем левом углу.

«Мне следовало упомянуть ранее. Камера изолирована. Убедись сама. Я позаботился о ней, так же как позабочусь и о тебе. Надеюсь, вскоре увидимся».

Изолирована? Что он имел в виду? Люс осмелилась взглянуть на камеру. Действительно. Аккуратно обрезанный кружочек черной изоленты точно закрывал объектив. Она не знала, как эти штуки работают и сколько времени потребуется преподавателям, чтобы это обнаружить, но, как ни странно, вздохнула с облегчением. Оказывается, Кэм не забыл позаботиться о ней. Девушка не могла представить, чтобы Дэниел заглянул настолько вперед.

И Келли, и ее родители этим вечером ожидают звонка. Люс трижды прочла десятистраничное письмо подруги и уже наизусть запомнила все забавные подробности ее путешествия на Нантакет в выходные, но по-прежнему не представляла, как отвечать на вопросы о жизни в «Мече и Кресте». Даже если развернуться и отправиться к телефону, она не сможет

описать Келли или родителям необычный мрачный поворот событий за последние несколько дней. Проще не говорить ничего вовсе, по крайней мере, пока она так или иначе все не уладит.

Она устроилась на мягком бежевом заднем сиденье седана и пристегнулась. Водитель молча тронулся с места.

– Куда мы едем? – спросила Люс.

Двое стареющих панков курили на скамейке, обращенной к реке. Помятые ирокезы свисали на морщинистые лбы, а страшные, грязные кожаные куртки выглядели так, будто их носят с тех пор, как эта культура только зарождалась. От равнодушного выражения на загорелых дряблых лицах вся картина производила еще более гнетущее впечатление.

Трясина, окаймляющая двухполосное шоссе, постепенно вытеснялась асфальтом, складывалось впечатление, будто дорога просто растворялась в болотной траве и грязи. Никогда прежде Люс не углублялась настолько в приречные топи.

Пока она сидела, размышляя, что будет делать, когда выйдет из машины, да и стоит ли это вообще делать, дверь «Стикса» распахнулась, и на пороге появился Кэм. Он лениво, нога за ногу, прислонился к раме москитной сетки. Люс понимала, что парень не в состоянии разглядеть ее сквозь тонированное стекло, но он вдруг поднял руку, будто ему это удалось, и поманил ее к себе.

– Ничего не выйдет, но мы попытаемся, – пробормотала девушка, прежде чем поблагодарить водителя.

Она открыла дверцу машины и, гостеприимно встреченная порывом соленого ветра, поднялась по трем ступенькам на деревянное крыльцо бара.

Взлохмаченные волосы Кэма свободно обрамляли лицо, зеленые глаза смотрели спокойно. Один из рукавов его черной футболки был задран на плечо, открывая гладкие очертания бицепса. Люс дотронулась до золотой цепочки, лежащей в кармане.

«Помни, зачем ты здесь».

На лице Кэма не было видно никаких следов ночной драки, отчего Люс тут же принялась гадать, как обстоят дела с Дэниелом.

Кэм окинул ее испытующим взглядом и облизнул нижнюю губу.

– Я как раз подсчитывал, сколько мне придется выпить в утешение, если ты подведешь меня сегодня, – заметил он, распахнув ей объятия.

Люс шагнула в них. Кэму отказать непросто, даже если она не вполне понимала, о чем он просит.

– Я не стала бы тебя подводить, – заверила она. Ее тут же кольнуло от вины за то, что эти слова породило чувство долга, а не романтическая привязанность, которую предпочел бы Кэм. Она пришла лишь затем, чтобы сообщить ему, что не хочет иметь с ним никаких отношений.

– Ну и где мы находимся? И с каких это пор у тебя завелся личный шофер?

– Держись меня, детка, – ухмыльнулся он, судя по всему, сочтя ее вопросы за комплимент, как если бы она всю жизнь мечтала о том, чтобы ее сорвали с места и увезли в бар, воняющий как водосток.

Ей никогда не давались подобные вещи. Келли утверждала, что Люс не пособна на жестокую честность и поэтому постоянно влипает в паршивые ситуации с парнями, которым просто следовало бы отказать. Девушка дрожала. Необходимо скинуть с души это бремя. Она порылась в кармане и вытащила подвеску.

– Кэм.

– О, прекрасно, ты ее захватила.

Он взял цепочку и развернул ее кругом.

– Позволь, я помогу тебе ее надеть.

– Нет, погоди.

– Вот, смотри, она действительно тебе идет. Ну же, взгляни.

Он провел ее по скрипящим деревянным половицам к окну бара, где несколько музыкальных групп наклеили свои афиши. «Старые детки». «Сочащиеся ненавистью». «Взломщики». Люс предпочла бы рассматривать любую из них, только бы не собственное отражение.

– Видишь?

Девушке не удалось как следует разглядеть черты своего лица в заляпанном грязью стекле, но золотая подвеска сверкала на коже. Она прижала к украшению ладонь. Да, красиво смотрится. И такое необычное. С крошечной змеей ручной работы, извивающейся посередине. Подобных вещей не встретишь на вытянувшихся вдоль тротуара пляжных рынках, где по завышенным ценам торгуют всякой ерундой для туристов местные жители, преимущественно сувенирами штата Джорджия, изготовленными на Филиппинах. Позади ее отражения в окне пылало небо густого леденцово-оранжевого цвета, прорезанное тонкими штрихами лиловых облаков.

– Теперь насчет вчерашнего вечера, – начал было Кэм.

Она смутно различала, как шевелятся его розовые губы в стекле над ее плечом.

– Я тоже хотела поговорить с тобой о вчерашнем вечере, – заметила

Люс, становясь с ним рядом.

Она видела самые кончики лучей татуированного солнца сзади, у основания его шеи.

– Пойдем внутрь, – предложил он, направляя ее к обвисшей на одной петле сетчатой двери. – Там мы сможем побеседовать.

Изнутри бар оказался обшит деревянными панелями, его освещало лишь несколько тусклых оранжевых ламп. Оленьи рога всевозможных размеров и форм были развешаны по стенам, а над стойкой красовалось чучело гепарда, выглядящего так, словно он в любое мгновение готов прыгнуть. Выцветший групповой портрет с подписью «Офицеры Лосиноного клуба округа Пуласки 1964-65» служил единственным, помимо них, украшением стены, представляя собой сотню лиц, сдержанно улыбающихся над светлыми галстуками-бабочками. Музыкальный автомат играл «Зигги Стардаста»^[13], а пожилой бритоголовый мужчина в кожаных штанах, напевая себе под нос, танцевал в одиночестве посреди небольшой, возвышающейся над полом сцены. Не считая вошедших ребят, кроме него, в баре никого не наблюдалось.

Кэм указал на пару стульев. Потертая зеленая кожа сидений вся полопалась, выпуская наружу бежевую пену, похожую на огромные зерна попкорна. Около места, занятого парнем, уже стоял полупустой запотевший стакан со светло-коричневым напитком, разбавленным льдом.

– Что это?

– Местный самогон, – пояснил Кэм, отхлебнув глоток. – Не советую с него начинать. Я целый день здесь, – добавил он, когда она поморщилась.

– Очаровательно, – Люс теребила золотую подвеску. – Сколько тебе, семнадцать есть? И ты целый день напролет сидишь один в баре?

Он не выглядел нетрезвым, но ей не нравилась сама мысль о том, что она пришла сюда, намереваясь окончательно с ним порвать, а он, оказывается, торчит здесь весь день, уже набрался и пьян настолько, что вряд ли что-нибудь поймет. Еще девушка задумалась о том, как бы скорей вернуться в школу. Она ведь даже представления не имеет, где находится это место.

Кэм приложил ладонь к груди.

– Ох. Вот, Люс, вся прелесть отстранения от занятий состоит в том, что никто не хватится тебя на уроках. Думаю, я заслужил немного времени на то, чтобы оправиться. Послушай, что на самом деле тебя беспокоит? Это место? Или драка прошлым вечером? Или то, что нас никто не обслуживает?

На последних словах он повысил голос почти до крика, достаточно

громкого, чтобы огромный, мощного телосложения бармен появился из кухонной двери в глубине бара. У него были длинные волосы с челкой, выстриженные каскадом, и татуировки в виде косичек, оплетающих руки. Казалось, он весь состоял из мышц и весил, должно быть, сотни три фунтов.

Кэм обернулся к ней и улыбнулся.

– Что будешь пить?

– Все равно, – бросила Люс. – У меня нет особых предпочтений.

– У меня на вечеринке ты пила шампанское, – вспомнил он. – Видишь, какой я внимательный?

Кэм легонько подтолкнул ее плечом.

– Лучшее шампанское, какое тут найдется, – потребовал он у бармена.

Тот запрокинул голову и ехидно-лающе расхохотался. Не удосужившись спросить у девушки документы или хотя бы присмотреться к ней внимательнее, чтобы угадать возраст, он наклонился к низенькому холодильнику со стеклянной дверцей, сдвигающейся вбок. Порылся там, звеня посудой, и после довольно продолжительных поисков вынырнул с маленькой бутылочкой «Фрейшенета»^[14], выглядящей так, словно ее основание поросло чем-то оранжевым.

– Я не несу за это никакой ответственности, – сообщил он, протягивая им свою находку.

Кэм хлопнул пробкой и приподнял брови, глядя на Люс. Потом торжественно наполнил ее бокал.

– Я хотел извиниться, – начал он. – Знаю, я был несколько назойлив. Да, кроме того, это происшествие с Дэниелом вчера вечером. Ну, словом, теперь мне неловко из-за этого.

Он дождался кивка Люс, прежде чем продолжить.

– Вместо того чтобы злиться, мне бы следовало просто прислушаться к тебе. Это ведь ты меня заботишь, а не он.

Люс смотрела, как у нее в бокале всплывают пузырьки. Честно говоря, ей бы следовало признаться в том, что ее как раз заботит Дэниел, а не Кэм. Стоило бы объясниться с ним. Если он уже сожалеет о том, что не послушался ее прошлым вечером, возможно, теперь окажется внимательнее. Она приподняла бокал, чтобы отпить глоток перед тем, как начать.

– Ох, погоди.

Кэм накрыл ее руку своей.

– Не можешь же ты пить, пока не провозглашен тост.

Он поднял бокал и заглянул ей в глаза.

– Ну и каким он будет? На твой выбор.

Хлопнула сетчатая дверь, и в бар вошли двое, прежде кутившие на крыльце. Тот, что повыше, с жирными черными волосами, курносый носом и очень грязными ногтями, посмотрел на Люс и направился к ребятам.

– Что празднуем? – ухмыльнулся он ей, тронув ее поднятый бокал своей стопкой.

Потом наклонился ближе, так, что она ощутила, как его бедро прижалось к ней.

– Первый выход в свет? А когда у нас комендантский час?

– Мы празднуем то, что ты прямо сейчас уберешь отсюда свою задницу, – сообщил Кэм так любезно, будто объявил, что у Люс сегодня день рождения.

Его зеленые глаза воззрились на мужчину, обнажившего в ухмылке маленькие острые зубы и даже десны.

– Отсюда, да? Только если захвачу ее с собой.

Он потянулся к руке Люс. После вчерашней драки девушка полагала, что Кэму не понадобится лишнего повода, чтобы снова выйти из себя. Особенно если он действительно пьет тут весь день. Но парень, на удивление, оставался заметно равнодушным.

Всего лишь отбросил чужую руку в сторону со скоростью, изяществом и грубой силой льва, прихлопывающего мышь.

Кэм наблюдал, как мужчина, пошатнувшись, отступил на пару шагов. Со скучающим видом встряхнул рукой, погладил Люс по запястью, за которое ее пытался схватить незнакомец.

– Прости, что так вышло. Так что ты говорила насчет вчерашнего вечера?

– Я хотела сказать...

Кровь отлила от ее лица. Прямо над головой Кэма разверзся огромный провал смоляного мрака. Он разворачивался и растягивался, пока не превратился в самую крупную, самую черную тень, какую она когда-либо видела. Из его сердцевины хлестнуло порывом морозного воздуха, так, что холод чувствовался даже на пальцах парня, все еще поглаживающих ее руку.

– О боже мой, – прошептала Люс.

Раздался звон стекла, которым мужчина разбил свою стопку о голову Кэма.

Парень поднялся со стула и стряхнул с волос часть осколков. После чего повернулся к пожилому панку, наверняка вдвое старше него и на

несколько дюймов выше.

Люс съежилась, опасаясь того, что вот-вот должно было произойти между Кэмом и этим мужчиной. Помимо того что, по ее мнению, могло случиться с растекающейся, черной как ночь тенью над головой.

– Да хватит вам, – скучающе бросил бармен, даже не потрудившись оторваться от спортивного журнала.

Панк тотчас же принялся слепо молотить по Кэму, который шутя принимал удары, словно его пытался побить ребенок.

Люс не единственную поразило самообладание парня. Танцор в кожаных штанах сжался за музыкальным автоматом. А после того, как сальноволосый мужик несколько раз попал по Кэму, он и сам, отступив назад, озадаченно застыл, где стоял.

Тем временем тень растекалась по потолку, мрачные щупальца разрастались, как сорняки, свешиваясь все ближе и ближе к их головам. Люс вздрогнула и пригнулась как раз в тот момент, когда Кэм отразил последний удар потрепанного панка.

А затем все-таки решил дать сдачи.

Это был простой взмах руки, как если бы он стряхнул опавший лист с рукава. Еще мгновение назад мужик стоял перед Кэмом, но когда пальцы парня коснулись груди противника, того сбило с ног и отшвырнуло. И он полетел прочь, сшибая на своем пути пивные бутылки, пока не врезался спиной в дальнюю стену, рядом с музыкальным автоматом.

Он со стоном потер голову, пытаясь принять вертикальное положение.

Люс вытаращила глаза – Как тебе это удалось?

Кэм, не обратив внимания, повернулся к низкорослому коренастому приятелю панка.

– Ты следующий?

Тот поднял руки.

– Это не моя драка, парень, – пробормотал он, попятившись.

Кэм пожал плечами, шагнул к противнику и приподнял его с пола за шиворот футболки. Конечности того беспомощно болтались в воздухе, словно у марионетки. Затем легким движением запястья Кэм отшвырнул его к стене. Тот, казалось, почти прилип к ней, пока разошедшийся парень впечатывал в него кулаки.

– Я же сказал, убирайся отсюда!

– Хватит! – закричала Люс, но никто из дерущихся или не обратил внимания, или не услышал ее.

Девушку замутило. Ей хотелось отвести взгляд от окровавленного носа и десен мужчины, припиленного к стене, и от почти сверхчеловеческой силы Кэма, сказать ему, чтобы не беспокоился, она сама доберется до школы. Но больше всего хотелось сбежать подальше от жуткой тени, уже покрывшей весь потолок и сползающей по стенам. Люс подхватила сумку и выскочила наружу.

Прямо в чьи-то объятия.

– С тобой все в порядке? Это был Дэниел.

– Как ты меня нашел? – она беззастенчиво зарылась лицом ему в плечо.

Внутри нее поднимались слезы, которые не хотелось сдерживать.

– Идем. Давай-ка вызволим тебя отсюда.

Не оглядываясь, она вложила пальцы ему в ладонь. Тепло разлилось по руке и по всему телу. А потом хлынули слезы. Нечестно чувствовать себя настолько в безопасности, когда тени еще так близко.

Даже Дэниел, казалось, был на взводе. Он тащил ее за собой так быстро, что ей пришлось перейти почти на бег, чтобы не отстать.

Она боялась оглядываться, почувствовав, что тени просачиваются за дверь бара и сгущаются в воздухе. Новсе-таки, в этом не было нужды. Они ровным потоком зависли у нее над головой, поглощая весь свет у них на пути. Будто весь мир разрывало в клочья прямо у нее на глазах. Гнилостная серная вонь забивала ноздри, была отвратительнее всего, что ей доводилось нюхать.

Дэниел тоже поднял глаза и нахмурился, хотя, похоже, просто вспоминал, где припарковался. Но потом произошло нечто непонятное. Тени отпрянули прочь, расплескиваясь кипящими черными брызгами.

Люс недоверчиво прищурилась. Как Дэниелу это удалось? Это ведь сделал он, верно?

– Что? – рассеянно спросил парень.

Он отпер дверцу с пассажирской стороны белого «форда тауруса».

– Что-то не так?

– У нас нет времени на то, чтобы я перечисляла все, что, по моему мнению, не так, – откликнулась она, оседая на сиденье машины. – Посмотри.

И указала на вход в бар. Сетчатая дверь настежь распахнулась перед Кэмом. Судя по всему, он уже разделался с противником и, похоже, был готов прекратить драться, хотя кулаки оставались сжаты.

Дэниел усмехнулся и покачал головой. Люс безуспешно снова и снова

тыкала ремнем безопасности в пряжку, пока он не отвел ее ладони. Она затаила дыхание, когда его пальцы скользнули по ее животу.

– Тут есть одна хитрость, – прошептал Дэниел, справляясь с застежкой.

Он завел машину и медленно тронулся в обратном направлении, не торопясь проехать мимо двери бара. Люс никак не могла придумать, что сказать Кэму, но решение Дэниела показалось ей безупречным.

– Добрый вечер, Кэм, – просто сказал он, опустив стекло.

– Люс, – окликнул Кэм, направляясь к машине. – Не делай этого. Не уезжай с ним. Это плохо кончится.

Она не могла смотреть ему в глаза, которые, несомненно, умоляли ее вернуться.

– Прости меня.

Дэниел, не обращая внимания на Кэма, поехал дальше. Болото в сумерках казалось непроглядным, а лес перед ними – еще темнее.

– Ты мне так и не объяснил, как нашел меня здесь, – напомнила Люс. – Или откуда узнал, что я отправилась на встречу с Кэмом. Или где взял эту машину.

– Это «форд» мисс Софии, – пояснил Дэниел, включая фары, поскольку кроны деревьев слились у них над головами, погрузив дорогу в густой полумрак.

– Мисс София позволила тебе взять ее машину?

– После нескольких лет жизни в подворотнях Лос-Анджелеса, – объяснял он, – я, можно сказать, наострился в том, что касается «одалживания» машин.

– Ты угнал машину мисс Софии? – фыркнула Люс, задумываясь над тем, как библиотекаря отразит подобное развитие событий в своих бумагах.

– Мы ее вернем, – пообещал Дэниел. – Кроме того, она изрядно занята сегодняшней постановкой по гражданской войне. Что-то мне подсказывает, что она даже не заметит отсутствия машины.

Только теперь Люс заметила, во что одет Дэниел, и залюбовалась синей солдатской формой союза с нелепым коричневым кожаным ремнем, наискось пересекающим грудь. Ее так напугали тени, Кэм и вся эта жуткая сцена, что она даже не успела как следует его рассмотреть.

– Только не смейся, – попросил Дэниел, сам едва сдерживая хохот. – Сегодня ты избежала, вероятно, худшего общественного мероприятия этого

года.

Люс не смогла удержаться, подалась вперед и щелкнула по одной из пуговиц униформы.

– Какая досада, – заметила она, подражая тягучему южному выговору. – А я как раз отгладила мое лучшее бальное платье.

Губы Дэниела расплзлись в улыбке, но потом он вздохнул.

– Люс. К вопросу о сегодняшнем. Все могло обернуться по-настоящему скверно. Ты это понимаешь?

Девушка отвернулась к дороге, раздосадованная очередной внезапной сменой настроения. С дерева на нее уставилась сова.

– Я не собиралась приезжать сюда, – объяснила она вполне правдоподобно.

Кэм, можно сказать, одурачил ее.

– Я жалею, что приехала, – тихо добавила она, задумавшись, куда подевалась тень.

Дэниел стукнул кулаком по рулю так, что она вздрогнула. Он скрипнул зубами. Люс страшно расстроилась, что он сердится из-за нее.

– Просто не могу поверить, что ты с ним связалась, – сквозь зубы выговаривал он.

– Но я не связалась, – возразила она. – Просто приехала, чтобы сказать ему...

Бессмысленно. Связалась с Кэмом! Если бы Дэниел только знал, что они с Пенн большую часть своего свободного времени тратят на исследование его семьи. Хотя, как знать, вероятно, он рассердился бы не меньше.

– Тебе не нужно оправдываться. В любом случае это моя вина.

– Твоя вина?

К этому времени Дэниел свернул с шоссе и остановил машину в конце песчаной дорожки. Выключил фары, и их глазам открылся океан. Вечернее небо приняло темно-сливовый оттенок, искрящиеся гребешки волн казались почти серебряными. Прибрежная трава с высоким унылым присвистом колыхалась на ветру. Стая всклоченных чаек уселась рядом на ограду дорожки почистить перья.

– Мы заблудились? – спросила Люс.

Дэниел не ответил. Он вышел из машины и, захлопнув дверцу, направился к воде. Девушка подождала десяток мучительных секунд, наблюдая, как уменьшается его силуэт, тает в фиолетовых сумерках, прежде чем выскочила наружу и последовала за ним.

Ветер швырнул ей в лицо волосы. Волны накатывали на берег и

отступали, утаскивая за собой полосы ракушек и водорослей. Воздух у воды казался холоднее. Все вокруг отчаянно пропахло солью.

– Что происходит, Дэниел? – Люс двинулась вдоль дюны.

Бредя по песку, она сама себе казалась тяжелее, чем была.

– Где мы? И что ты имел в виду, заявив, что это твоя вина?

Сокрушенный, Дэниел повернулся к ней. Маскарадная форма сбилась, серые глаза смотрели в землю. Шелест волн едва не заглушил его голос.

– Мне просто нужно немного времени, чтобы подумать.

У Люс в горле снова образовался комок. Она наконец перестала плакать, хотя Дэниел настолько все усложнял.

– Тогда зачем меня спасать? Зачем тащиться сюда, чтобы забрать меня, наорать на меня, а там и вовсе перестать обращать внимание?

Она утерла глаза подолом черной футболки, их защипало от морской соли, осевшей на пальцах.

– Не то чтобы это слишком отличалось от того, как ты относишься ко мне большую часть времени, но...

Дэниел отвернулся и прижал ладони ко лбу.

– Ты просто не понимаешь, Люс. Он покачал головой.

– В этом-то все и дело. Ты не понимаешь. Никогда.

В его голосе совершенно не слышалось злости, скорее, он был чересчур ласковым. Будто она слишком ограниченная, чтобы ухватить то, что ему казалось столь очевидным. Это до крайности разъярило ее.

– Я не понимаю? Это я-то не понимаю? Позволь тебе кое-что рассказать о том, что я понимаю. Думаешь, ты один такой умный? Я три года получала полную научную стипендию в лучшей подготовительной школе страны. А когда меня вышибли, была вынуждена подать прошение, заметь – прошение, чтобы не дать уничтожить мою академическую справку с отличными оценками по всем предметам.

Дэниел отшатнулся. Люс двинулась за ним, делая шаг вперед, едва он, вытаращив глаза, отступал назад. Вероятно, это его напугает, ну и что? Он напрашивался на эту отповедь всякий раз, когда смотрел на нее со снисхождением.

– Я знаю латынь и французский, а в средней школе три года подряд побеждала на ярмарке научных проектов.

Люс оттеснила его к ограждению дорожки, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не ткнуть пальцем ему в грудь. Она еще не все сказала!

– Еще я решаю воскресные кроссворды, иногда меньше чем за час.

Отлично ориентируюсь на местности, хотя и не всегда справляюсь с ситуациями, касающимися парней.

Она сглотнула и мгновение помолчала, переводя дух.

– И когда-нибудь я планирую стать психиатром, который по-настоящему выслушивает пациентов и помогает им. Ясно тебе? Поэтому не стоит разговаривать со мной так, словно я тупая, чего-то не понимаю, только потому, что я не в состоянии расшифровать твоё непредсказуемое, дикое, то пылкое, то холодное и, честно говоря, – она прямо взглянула на Дэниела и вздохнула, – по-настоящему обидное поведение.

Люс смахнула слезу со щеки, сердясь на себя за то, что так разволновалась.

– Помолчи, – велел Дэниел, хотя произнес это мягко и нежно. К их общему удивлению, девушка повиновалась.

– Я не считаю тебя глупой. Он зажмурился.

– Думаю, ты самый умный человек, которого я знаю. И самый добрый, – он сглотнул и открыл глаза, посмотрев прямо на нее, – и самый красивый.

– Прошу прощения? Он отвернулся к океану.

– Я просто так устал от этого, – пробормотал он. Его голос действительно звучал измученно.

– От чего?

Дэниел перевел на нее взгляд, крайне печальный, будто потерял нечто бесценное.

Дэниел, которого она знает, хотя не может объяснить, откуда и каким образом.

Дэниел, которого она любит.

– Ты можешь мне хотя бы намекнуть, – прошептала Люс.

Он покачал головой. Его губы по-прежнему были такими близкими, а выражение глаз – таким притягательным. Почти как если бы он сам захотел, чтобы она сделала первый шаг.

Она содрогнулась от волнения, когда привстала на цыпочки и подалась к нему. Накрыла ладонью его щеку. Он моргнул, но не отстранился. Люс двигалась медленно, так медленно, будто опасалась испугать его, с каждой секундой все больше цепenea. А когда они уже были так близко, что ее глаза едва не начали косить, она зажмурилась и прижалась губами к его губам.

Только мягчайшее, легкое, словно перышко, касание связывало их, но пламя, которого она никогда прежде не ощущала, струилось по жилам. Ей

хотелось большего, и только Дэниел мог это дать. Было бы чересчур требовать, чтобы он нуждался в ней так же, заключил в объятия, как неоднократно случалось в ее снах, чтобы ответил на ее жаждущий поцелуй еще более пылко.

Он так и сделал.

Его крепкие руки сомкнулись на ее талии. Он привлек ее к себе так, что она ощутила, как без единого просвета сливаются воедино их тела. Ноги перепутываются с ногами, бедра прижимаются к бедрам, в едином ритме вздымается грудь. Дэниел прижал ее к ограждению дорожки, обнимая все крепче, пока Люс уже не могла пошевелиться и оказалась именно там, где и мечтала. И все это ни на миг не размыкая страстно слившихся губ.

И тогда он принялся целовать ее по-настоящему. Поначалу слегка, еле ощутимо касаясь ее уха. Потом дольше, ласковее и нежнее, вниз по шее, отчего она невольно застонала и запрокинула голову. Он легонько потянул ее за волосы. Люс на миг приоткрыла глаза, увидев, как загораются в темноте ночи первые звезды. Казалось, она более, чем когда бы то ни было, приблизилась к небесам.

Дэниел вновь вернулся к ее губам, пылко целуя. Приласкал нижнюю губу, скользнул нежным языком за зубы. Люс приоткрыла рот шире, отчаянно желая позволить ему еще больше, наконец не опасаясь показать, насколько истомилась по нему. Мечтая сравниться в страстности с его поцелуями.

Во рту и между пальцами ног был песок, от соленого ветра она вся покрылась гусиной кожей, а ее сердце замерло.

В этот миг она могла бы за него умереть.

Дэниел отстранился и уставился на нее, как если бы хотел, чтобы она что-то сказала. Люс улыбнулась ему и нежно чмокнула, чуть задержавшись губами на его губах. Она не находила слов, не знала, как лучше выразить то, что чувствует, чего хочет.

– Ты все еще здесь, – прошептал он.

– Меня никто не смог бы оттащить. Она рассмеялась.

Дэниел отступил на шаг назад и мрачно посмотрел на нее. Он принялся расхаживать перед ней взад-вперед, потирая лоб.

– Что-то не так? – беспечно спросила она, потянув его за рукав, чтобы он вернулся к ней за новым поцелуем.

Пальцы парня пробежались по ее лицу, расчесали волосы, легли на шею. Он будто хотел убедиться, что это не сон.

Это ее первый настоящий поцелуй? Люс полагала, что Тревор не в счет, так что, с формальной точки зрения, так оно и есть. И все казалось таким правильным, будто она предназначена Дэниелу, а он – ей. Этот его восхитительный запах. Его рот оказался сладким и сочным на вкус. Он высокий, сильный и...

И выскальзывает из ее объятий.

– Куда ты идешь?

Его колени подкосились, он слегка осел на несколько дюймов, облокотившись на деревянные перила и уставившись в небо. Казалось, у него что-то болит.

– Ты сказала, что тебя ничто не сможет оттащить, – еле слышно выговорил он. – Но они это сделают. Возможно, они просто опаздывают.

– Они? Кто? – переспросила Люс, оглядывая пустынный пляж. – Кэм? Думаю, мы от него оторвались.

– Нет.

Дэниел, весь дрожа, направился прочь по дорожке.

– Это невозможно.

– Дэниел.

– Оно придет, – прошептал он.

– Ты меня пугаешь.

Люс двинулась следом за ним, стараясь не отставать. Поскольку внезапно, против ее желания, ей показалось, будто она знает, о чем он говорит. Не о Кэме, но о чем-то ином, какой-то другой угрозе.

В голове у девушки царил туман. Его слова что-то затронули в мозгу, прозвучав зловеще, хотя их смысл и ускользал от нее. Словно клочок сна, который она не могла вспомнить целиком.

– Поговори со мной, – попросила Люс. – Расскажи, что происходит.

Дэниел обернулся, бледный, как цветок пиона, вскинув руки, будто сдался.

– Я не представляю, как этому помешать, – прошептал он, – не знаю, что делать.

Глава 16. Зависнув в равновесии

Люс остановилась на перекрестке между кладбищем на севере школьной территории и тропинкой, ведущей к озеру, на юге. Стоял ранний вечер, ремонтники уже разошлись по домам. Свет просачивался сквозь ветви дубов за спортзалом, бросая пятнистые тени на траву по дороге к озеру, искушая ее свернуть туда. Она размышляла, куда идти, держа в руках два письма.

Первое – от Кэма, с извинениями, которых она ожидала, и мольбой о встрече с ним после школы, чтобы поговорить. Второе, от Дэниела, гласило:

«Встретимся у озера». И ничего больше. Девушка изнывала от нетерпения. Губы по-прежнему горели от поцелуев прошлого вечера. Она не могла выбросить из головы мысли о его пальцах в ее волосах, его губах на ее шее.

Остальные события ночи подернулись дымкой. Например, все происходившее после того, как она сидела на песке рядом с Дэниелом. Хотя не прошло и десяти минут с тех пор, как его руки смело ласкали ее тело, теперь он, казалось, боялся к ней прикоснуться.

Ничто не могло вывести его из оцепенения. Он снова и снова бормотал одно и то же.

– Что-то должно было произойти. Что-то изменилось.

Дэниел смотрел на Люс с болью во взгляде, будто она скрывала от него ответ, хотя осознавала, о чем речь. Под конец она задремала, уткнувшись в его плечо, глядя на беспокойные просторы моря.

А когда проснулась несколькими часами позже, Дэниел нес ее вверх по лестнице в спальню. Она удивилась, осознав, что проспала всю обратную дорогу до школы, и ее удивление возросло, когда она заметила странное сияние в коридоре. Он вернулся. Свет Дэниела. Хотя она не была уверена, видит ли это он сам.

Все вокруг них купалось в этом мягком лиловом свечении. Белые, облепленные наклейками двери комнат других учащихся приобрели неоновый оттенок. Тусклый линолеум словно засиял. Окно, выходящее на кладбище, окрасило фиолетовым первый намек на тусклый желтый утренний свет снаружи. И все это на виду у камер.

– Нас застучают, – прошептала она, обеспокоенная, по-прежнему полусонная.

– Камеры меня не тревожат, – спокойно ответил Дэниел, проследив ее взгляд.

Поначалу его слова успокоили ее, но потом она задумалась, уловив некое напряжение в его голосе. Если Дэниела не тревожат камеры, значит, существует что-то другое.

Опустив Люс на постель, он легонько поцеловал ее в лоб и глубоко вздохнул.

– Не исчезай от меня.

– Ни за что.

– Я серьезно.

Дэниел надолго зажмурился.

– Отдохни пока, но непременно найди меня утром до занятий. Я хочу с тобой поговорить. Обещаешь?

Люс стиснула руку Дэниела, притянула его к себе для прощального поцелуя, держа его лицо в ладонях и тая в нем. Всякий раз, открывая глаза, она видела, как он на нее смотрит. И ей это нравилось.

В конце концов Дэниел попятился и встал на пороге, не сводя с нее глаз, и от его взгляда сердце Люс забилося не меньше, чем мгновением раньше от его губ. Когда он выскользнул в коридор и прикрыл за собой дверь, она моментально провалилась в глубокий сон.

Девушка проспала все утренние занятия и проснулась уже днем, ощущая себя родившейся заново и живой. Она совершенно не тревожилась о том, как оправдаться за этот прогул. Беспокоила лишь пропущенная встреча с Дэниелом. Но она найдет его, как только сможет, и он все поймет.

Около двух часов, когда Люс наконец пришло на ум что-нибудь съесть или, может, заглянуть на семинар мисс Софии по религии, она нехотя выбралась из постели. И именно в этот момент заметила два конверта, подсунутых под дверь, что изрядно замедлило выполнение изначального намерения покинуть комнату.

Сначала нужно все высказать Кэму. Если пойдет к озеру до кладбища, она ни за что не заставит себя покинуть Дэниела. Если же сначала на кладбище, желание вновь увидеться с Дэниелом придаст ей достаточно отваги, чтобы высказать Кэму то, на что не хватало духу прежде. До вчерашнего дня, когда все сделалось пугающим и неуправляемым.

Совладав с опасениями, нахлынувшими из-за скорой встречи с Кэмом, Люс направилась в сторону кладбища. Ранний вечер был теплым, воздух казался вязким от влаги. Надвигалась одна из тех знойных ночей, когда

ветерок с далекого моря не набирает достаточно сил, чтобы остудить что-либо. Во дворе никого не было, листья на деревьях застыли неподвижно. Возможно, все, кроме нее самой, в «Мече и Кресте» притихло. Всех остальных, должно быть, отпустили с занятий, они тащились обедать в кафетерий. Пенн и, возможно, кто-то еще гадали, куда же подевалась Люс.

Кэм стоял, прислонившись к испятнанным лишайником воротам кладбища, когда она добралась туда. Его локти опирались на чугунные столбики в форме виноградных лоз, а ссутуленные плечи выдавались вперед. Он пинал одуванчик стальным носком тяжелого черного ботинка. Люс не припоминала, чтобы когда-нибудь видела его настолько погруженным в себя. Чаще всего он, казалось, остро интересовался окружающим миром.

Но на этот раз Кэм даже не смотрел на нее, пока она не остановилась прямо перед ним. А когда все-таки поднял глаза, его лицо приобрело пепельно-бледный оттенок. Волосы словно поникли, облепив голову. К своему удивлению, девушка заметила, что ему стоило бы побриться. Его взгляд метался по ее лицу, будто сосредоточение на какой-то одной черте требовало усилий. Кэм выглядел не потрепанным, как после драки, а разбитым, как если бы не спал несколько дней.

– Ты пришла.

Голос прозвучал хрипло, за словами последовала слабая улыбка.

Люс хрустнула суставами пальцев, понимая, что улыбаться парню осталось недолго. Она кивнула и продемонстрировала ему письмо.

Он потянулся к конверту, но Люс отдернула руку, притворившись, будто ей понадобилось отбросить волосы.

– Я думал, ты будешь в ярости из-за вчерашнего, – Кэм оттолкнулся от ворот, зашел на несколько шагов вглубь кладбища и уселся по-турецки на невысокую серую мраморную скамью посреди первого ряда могил. Стряхнул с нее грязь и сухие листья и похлопал по свободному месту рядом с собой.

– В ярости? – переспросила Люс.

– Обычно именно поэтому люди поспешно вылетают из баров.

Она села лицом к нему и тоже скрестила ноги. С этого места хорошо просматривались ветви огромного старого дуба в глубине кладбища, под которым у них с Кэмом состоялся пикник, теперь кажущийся таким далеким.

– Не знаю. Скорее, я сбита с толку. Может быть, озадачена. Разочарована.

Она содрогнулась, вспомнив глаза того потрепанного мужика, когда он потянулся к ней, тошнотворный шквал кулаков Кэма, густо-черный покров тени.

– Зачем ты притащил меня туда? Ты же знаешь, что случилось, когда сбежали Джулс и Филлип.

– Джулс с Филлипом – недоумки, каждое движение которых отслеживается браслетами. Разумеется, они попались.

Он зловеще улыбнулся, обращаясь явно не к ней.

– Мы не имеем с ними ничего общего, Люс. Поверь мне. И, кроме того, я не пытался ввязаться в очередную драку.

Он потер виски, кожа вокруг них, жестковатая и слишком тонкая, сморщилась.

– Я просто не мог стерпеть, как тот парень говорил с тобой, распускал руки. Ты заслуживаешь того, чтобы с тобой обращались как можно бережнее.

Его зеленые глаза блеснули ярче.

– И я хочу быть тем, кто это делает. Единственным.

Она заправила волосы за уши и набрала в грудь воздуха.

– Кэм, ты кажешься мне действительно классным парнем...

– О нет, – он закрыл лицо ладонью. – Только не надо речей из серии «как непринужденно порвать с парнем». Надеюсь, ты не собираешься сказать, что нам следует остаться друзьями.

– Ты не хочешь быть моим другом?

– Ты знаешь, что я хочу быть для тебя больше чем другом, – он выплюнул слово «друг» так, словно грязное ругательство. – Это все из-за Григори, верно?

Ее желудок сжался в комок. Вероятно, догадаться несложно, но ее слишком захватили собственные чувства, и не было времени задаться вопросом, что о них думает Кэм.

– Ты по-настоящему не знаешь ни одного из нас, – заявил он, отступив на шаг назад, – но уже готова сделать выбор, так?

Весьма самонадеянно с его стороны предполагать, что он по-прежнему в игре. Особенно после вчерашнего вечера. Как он вообще мог подумать, что между ним и Дэниелом возможно какое-то соревнование?

Кэм, изменившись в лице, присел на корточки перед скамьей. Его лицо было умоляющим, искренним. Он взял ее руки в свои.

Люс удивилась, увидев его таким взволнованным.

– Прости, – отстраняясь, попросила она. – Просто так вышло.

– Именно! Просто так вышло. И что же это было, позволь угадать. Прошлой ночью он посмотрел на тебя каким-то новым, романтичным взглядом. Люс, ты торопишься с решением, даже не узнав, что на кону. А на кону может оказаться, скажем так, многое.

Он вздохнул при виде озадаченного выражения на ее лице.

– Я мог бы сделать тебя счастливой.

– Дэниел делает меня счастливой.

– Откуда ты можешь знать? Он не станет даже прикасаться к тебе.

Люс прикрыла глаза, вспоминая слияние их губ прошлой ночью на побережье, руки Дэниела, обнимающие ее. И весь мир казался таким правильным, гармоничным, безопасным. А когда она открыла глаза сейчас, Дэниела поблизости не было.

Только Кэм.

Девушка прокашлялась.

– Нет, станет. И уже это делает.

Щеки вспыхнули, Люс прижала к ним прохладную ладонь. Кэм этого не заметил, сжав кулаки.

– А поподробнее?

– То, как именно Дэниел меня целует, тебя совершенно не касается.

Она в ярости прикусила губу. Да он смеется над ней.

Кэм фыркнул.

– Я мог бы справиться не хуже Григори, – он подхватил ее руку и поцеловал, прежде чем внезапно выпустить.

– Ничего подобного, – отвернувшись, заявила Люс.

– Тогда как насчет такого?

Его губы скользнули по ее щеке прежде, чем она успела от него отмахнуться.

– Не надо.

Кэм облизнул губы.

– Ты утверждаешь, что Дэниел Григори действительно поцеловал тебя так, как ты того заслуживаешь?

В его угольно-черных глазах замерцало нечто недоброе.

– Да. И это был лучший поцелуй в моей жизни. Если точнее, то единственный ее настоящий поцелуй. Люс понимала, что если ее снова спросят об этом через шестьдесят или сотню лет, она ответит так же.

– И все же ты здесь, – заметил Кэм, недоверчиво покачав головой.

Ей не понравился его намек.

– Я пришла, чтобы сказать тебе правду насчет меня и Дэниела. Сообщить, что мы с тобой...

Кэм зашелся громким смехом, раскатившимся над пустым кладбищем глухим эхом. Хохотал долго и безудержно, хватался за бока и утирал выступившие слезы.

– Что смешного-то?

– Ты даже не представляешь, – сквозь смех выговорил он.

Тон Кэма, подразумевавший «тебе не понять», не слишком-то отличался от того, которым Дэниел прошлой ночью безутешно твердил «Это невозможно». Однако вчера Люс отреагировала иначе. Дэниел отгородился от нее, но это лишь сильнее потянуло к нему. Даже когда они спорили, она жаждала быть с ним куда сильнее, чем когда-либо с Кэмом. Зато теперь ощущала себя непосвященным во что-то чужаком, это принесло ей облегчение. Она не хотела сближаться с Кэмом.

По сути, сейчас ей казалось, что они излишне близки.

С нее хватит. Стиснув зубы, Люс направилась к воротам, негодуя на себя за то, что столько времени потратила впустую.

Кэм нагнал ее, забежал вперед и преградил дорогу. Он все еще смеялся над ней, кусая губу, чтобы успокоиться.

– Не уходи, – фыркнул он.

– Оставь меня в покое.

– Пока нет.

Прежде чем она успела ему помешать, Кэм заключил ее в объятия и опрокинул навзничь, перегнув через бедро так низко, что ее ноги оторвались от земли. Люс вскрикнула, попытавшись вырваться, но он лишь улыбнулся.

– Отпусти меня!

– До сих пор мы с Григори сражались довольно честно, ты не находишь?

Она яростно уставилась на парня, обеими руками пытаясь его оттолкнуть.

– Убирайся в ад.

– Ты неправильно меня поняла, – заявил он, притягивая ее ближе.

Его зеленые глаза впились в нее. Люс ужаснулась тому, что какую-то ее часть этот взгляд затронул за живое.

– Послушай, я знаю, последнюю пару дней все перевернулось с ног на голову, – понизив голос, продолжил Кэм, – но ты мне нравишься, Люс. Очень нравишься. Не выбирай его, прежде чем позволишь мне хоть раз

поцеловать тебя.

Его руки крепче стиснули ее, внезапно девушка испугалась. Их не видно от школы, никто не знает, где она.

– Это ничего не изменит, – Люс пыталась сохранять спокойствие в голосе.

– Так исполни мою прихоть! Считай, что я солдат и это мое предсмертное желание. Обещаю, только один поцелуй.

Мысли Люс вернулись к Дэниелу. Она представила, как он ждет на озере, занимая руки пусканием по воде «блинчиков», когда мог бы сжимать ее в объятиях. Ей не хотелось целоваться с Кэмом, но что если он действительно ее не выпустит? Поцелуй можно считать незначимым пустяком, простейшим способом вырваться. И тогда она сможет вернуться к Дэниелу. Кэм обещал.

– Только один поцелуй, – начала было Люс, и Кэм накрыл ее губы своими.

Второй поцелуй за столько же дней. В то время как Дэниел целовался жадно и едва ли не отчаянно, Кэм оказался нежен и излишне безупречен, как если бы до нее практиковался на сотне девушек.

Однако в ней что-то всколыхнулось, требуя ответа, смирив гнев, который она чувствовала лишь несколькими мгновениями раньше, и развеивая его без следа. Кэм по-прежнему удерживал ее в объятиях, балансируя на бедре. В его сильных умелых руках она чувствовала себя в безопасности. А ей так необходимо это чувство безопасности. Это так отличается от каждого мгновения, когда она еще не целовалась с Кэмом. Люс сознавала, что забывает что-то, кого-то, не могла вспомнить, кого. Существовал лишь поцелуй, губы и... И вдруг Люс ощутила, что падает. Она так сильно ударилась о землю, что из легких вышибло воздух. Приподнявшись на локтях, девушка увидела, как в нескольких дюймах от нее лицом в землю уткнулся Кэм. Она невольно поморщилась. Вечернее солнце тускло освещало две объявившиеся на кладбище фигуры.

– И сколько еще раз тебе нужно погубить эту девушку? – протянул печальный голос с южным выговором.

Габби? Люс подняла глаза, щурясь против клонящегося к закату солнца.

Габби и Дэниел.

Габби бросилась к ней, помогая встать. Дэниел даже не взглянул ей в глаза.

Люс неслышно обругала сама себя. Она никак не могла решить, что

хуже: то, что Дэниел увидел, как она целуется с Кэмом, или то, что парни, несомненно, опять подерутся.

Кэм поднялся и повернулся к ним, не обращая внимания на Люс.

– Ладно, кто из вас будет на сей раз? – прорычал он.

На сей раз?

– Я, – откликнулась Габби и вышла вперед, уперев руки в бока. – Заметил первый легкий дружеский тычок, Кэм, милый? Моих рук дело. И что ты собираешься предпринять по этому поводу?

Люс затрясла головой. Габби, должно быть, шутит. Наверняка это какая-то игра. Но Кэм, похоже, не видел в этом ничего забавного. Оскалив зубы и засучив рукава, он поднял кулаки и двинулся к ней.

– Ты опять, Кэм? – укорила его Люс. – Тебе не хватило драк за эту неделю?

Можно подумать, недостаточно того, что он собирался ударить девушку.

Кэм оглянулся на нее и ухмыльнулся.

– Третий раз за все платит, – заявил он злобно.

И повернулся к Габби. Она тут же атаковала его ударом ноги в челюсть.

Когда он упал, Люс поспешно попятилась. Глаза его были плотно зажмурены, он схватился руками за лицо. Стоя над ним, Габби выглядела столь же невозмутимой, как если бы достала из духовки безупречный персиковый пирог. Она посмотрела на свои ногти и вздохнула:

– Жаль, что придется поколотить тебя сразу после того, как я обновила маникюр. Ну что ж.

И она продолжала пинать Кэма в живот, заметно наслаждалась каждым ударом, как ребенок, побеждающий в аркадной игре.

Парень попытался приподняться. Люс больше не видела его лица, он не поднимал головы, просто стонал от боли, ему никак не удавалось перевести дух.

Она переводила взгляд с Габби на Кэма и обратно, совершенно не понимая, что видит. Хотя Кэм был вдвое тяжелее, Габби, похоже, одерживала победу. Только вчера Люс видела, как он избил здорового мужика в баре. А предыдущей ночью перед библиотекой они с Дэниелом, казалось, сцепились на равных. Люс изумилась Габби, та прижала Кэма к земле, заломив ему руку за спину.

– Пощады? – съязвила она. – Просто скажи волшебное слово, мой сладкий, и я тебя отпущу.

– Ни за что, – Кэм плюнул в землю.

– Я надеялась, что ты так и ответишь, – Габби с силой ткнула его лицом в грязь.

Дэниел положил руку на шею Люс. От его прикосновения она слегка расслабилась и оглянулась, опасаясь увидеть выражение его лица. Сейчас он, должно быть, ее ненавидит.

– Мне так жаль, – прошептала она. – Кэм, он...

– Зачем ты вообще пришла на встречу с ним? Голос Дэниела звучал одновременно с болью и яростью. Он взял девушку за подбородок и заставил посмотреть на себя. Его пальцы леденили кожу. Глаза были полностью лиловыми, без толики серого.

Губы Люс задрожали.

– Я думала, что сумею с этим разобраться, поговорить с Кэмом начистоту, чтобы мы с тобой могли просто быть вместе и не волноваться ни о чем другом.

Дэниел фыркнул, и Люс поняла, насколько глупо это прозвучало.

– Этот поцелуй, – добавила она, заламывая руки. Ей хотелось выплюнуть его изо рта.

– Он был огромной ошибкой.

Дэниел зажмурился и отвернулся. Дважды открывал рот, чтобы что-то сказать, но передумывал. Помотал головой. Глядя на него, можно было подумать, что он собирается заплакать. Но наконец он обнял ее.

– Ты на меня злишься?

Она уткнулась лицом ему в грудь, вдыхая сладкий запах кожи.

– Я просто рад, что мы успели вовремя.

На хныкающий звук со стороны Кэма они обернулись разом. И поморщились. Дэниел взял Люс за руку и попытался увести, но она не могла отвести глаз от Габби, которая поймала в захват шею Кэма и даже не запыхалась. Парень выглядел потрепанным и жалким. Это казалось какой-то бессмыслицей.

– Что происходит, Дэниел? – прошептала Люс. – Как удалось Габби разбить Кэма наголову? Почему он ей это позволил?

Дэниел не то вздохнул, не то усмехнулся.

– Он ей не позволял. Ты видишь лишь пример того, на что способна эта девушка.

Она покачала головой.

– Я не понимаю. Как? Он погладил ее по щеке.

– Ты не прогуляешься со мной? Я попробую тебе кое-что объяснить, и,

думаю, возможно, тебе лучше будет присесть.

У Люс тоже было кое-что, в чем стоило бы признаться Дэниелу. Или, если уж и не признаться, то, по крайней мере, вернуть в разговоре, чтобы проверить, не покажет ли он как-нибудь, что достоверно считает ее совершенно безумной. Скажем, насчет лилового света и снов, от которых она не могла и не хотела избавляться.

Дэниел привел Люс в уголок кладбища, где она еще не бывала, чистый, ровный участок, где росли два персиковых дерева. Их стволы склонялись друг к другу, очерчивая контур сердца.

Они прошли под странным узловатым сплетением ветвей. Он взял ее за руки, бережно поглаживая пальцы.

Тишину вечера нарушал лишь стрекот сверчков. Люс представила других учеников в столовой, накладывающих себе картофельное пюре, прихлебывающих через соломинку густое молоко комнатной температуры. Как если бы они с Дэниелом ни с того ни с сего оказались на разных гранях бытия с остальной школой. Все прочее, кроме его руки и волос, сияющих в свете заходящего солнца, теплых серых глаз, казалось неизмеримо далеким.

– Я не знаю, с чего начать, – он сильнее стиснул ее пальцы, будто надеялся выжать из них ответ, – столько всего должен рассказать тебе и не могу ошибиться.

Как бы ни хотелось, чтобы его слова оказались признанием в любви, девушка не обманывалась. Дэниел собирался рассказать ей что-то такое, о чем трудно говорить, но что могло многое о нем объяснить, хотя и оказалось бы не слишком приятным признанием для Люс.

– Может, стоит прибегнуть к чему-то вроде «у меня две новости: хорошая и плохая»? – предложила она.

– Отличная мысль. И какую ты хочешь услышать первой?

– Большинство людей предпочитают начинать с хорошей.

– Может, и так, – признал он. – Но у тебя мало общего с большинством людей.

– Ладно, давай начнем с плохой новости. Дэниел прикусил губу.

– Тогда пообещай мне, что не уйдешь, пока я не доберусь до хорошей?

Люс и не собиралась никуда уходить. Во всяком случае, не теперь, когда он больше не прогоняет ее и, возможно, вот-вот прольет истину на некоторые вопросы из длинного списка, преследующие ее последнюю пару недель.

Парень прижал к груди ее ладони, задержав над самым сердцем.

– Я намерен сказать тебе правду. Можешь мне не верить, однако ты заслуживаешь того, чтобы знать, даже если это убьет тебя.

– Ладно.

Внутренности скрутило тугим болезненным узлом, колени задрожали. Люс обрадовалась, когда Дэниел предложил присесть.

Он прошелся взад-вперед, набрал в грудь воздуха.

– В Библии...

Девушка застонала не в силах сдерживаться. Ничего не поделаешь, рефлекторная реакция на разговоры в стиле воскресной школы. Кроме того, она хотела обсуждать их двоих, а не какую-то моралистическую притчу. Вряд ли в Библии найдется ответ хоть на один из имеющихся у нее вопросов о Дэниеле.

– Просто дослушай, – попросил он, покосившись на нее. – В Библии, ты знаешь, Бог поднимает столько шума по поводу того, что каждый обязан любить его всей душой. Любить безоговорочно и больше всего на свете.

Она пожала плечами.

– Думаю, да.

– Что ж, – Дэниел, казалось, подыскивал нужные слова, – это требование относится не только к людям.

– Что ты имеешь в виду? К кому еще? К животным?

– Иногда, безусловно, – кивнул он. – Как, например, со змеем. Он был проклят после того, как искусил Еву, и обречен вечно ползать по земле.

Люс содрогнулась, вдруг вспомнив Кэма. Змею. Их пикник. Кулон. Она дотронулась до шеи, погладив ее, радуясь, что избавилась от украшения.

Дэниел провел рукой по ее волосам, по впадинке в основании ее шеи. Девушка блаженно вздохнула.

– Я пытаюсь до тебя донести, словом, думаю, что я тоже проклят, Люс. Проклят уже долгое, долгое время, – он говорил так, будто слова горчили на языке. – Однажды я уже сделал выбор, выбор, в который верил и верю по сей день, пусть даже...

– Я не понимаю, – перебила Люс, качая головой.

– Конечно, ты не понимаешь, – подтвердил Дэниел, присев на землю рядом с ней. – А у меня накопился не лучший послужной список в объяснении этого. – Он почесал в затылке и понизил голос, будто обращаясь к самому себе. – Но я могу лишь пытаться. Пусть даже из этого ничего не выйдет.

– Ладно, – согласилась она.

Дэниел сбивал ее с толку, хотя пока почти ничего не сказал. Девушка попыталась держаться не столь растерянно.

– Я влюбляюсь, – объяснил он, взяв ее руки и крепко сжав. – Снова и снова. И всякий раз это заканчивается катастрофой.

«Снова и снова». От этих слов ей сделалось худо. Люс закрыла глаза и выдернула из его пальцев руки. Он уже говорил ей это. Тогда, на озере. Он с кем-то порвал. Обжегся. Зачем же сейчас вспоминать о других девушках? Ее ранило это тогда, а теперь и вовсе стало еще хуже. Словно острая боль под ребрами. Дэниел вновь стиснул ее пальцы.

– Посмотри на меня, – взмолился он. – Сейчас будет самая трудная часть.

Она открыла глаза.

– Та, в кого я каждый раз влюбляюсь, – это ты. Затаив дыхание Люс собиралась выдохнуть, однако воздух вырвался резким язвительным смехом.

– И правда, Дэниел, – заметила она, приподнимаясь. – Надо же, ты и впрямь проклят. Звучит просто ужасно.

– Дослушай.

Парень потянул ее вниз с такой силой, что пульс застучал даже у нее в плече. Его глаза пылали лиловым, и он явно начинал злиться. Она, впрочем, – тоже.

Дэниел посмотрел на персиковую листву, словно надеялся на ее помощь.

– Я прошу тебя, позволь мне объяснить. Его голос дрогнул.

– Трудность состоит вовсе не в любви к тебе. Она глубоко вздохнула.

– Тогда в чем же?

Она заставляла себя слушать, быть сильнее, не обижаться. Дэниел выглядел так, словно достаточно измучился за двоих.

– Вышло так, что я живу вечно, – сообщил он. Деревья зашелестели вокруг них. Люс краем глаза заметила тончайшую струйку тени. Не тошнотворный всепоглощающий вихрь черноты, как прошлым вечером в баре, а всего лишь предупреждение. Тень держалась поодаль, потихоньку источая холод. И ждала. Ее.

Люс до самых костей пробрало ознобом. Она не могла избавиться от ощущения, будто нечто огромное, черное, как ночь, нечто окончательное уже в пути.

– Прости, – спохватилась она, возвращаясь взглядом к Дэниелу. – Не мог бы ты, м-м-м, сказать это снова?

– Вышло так, что я живу вечно, – повторил он. Люс по-прежнему пребывала в растерянности, но он продолжил говорить. Слова рвались

неудержимым потоком, хлестали с его губ.

– Вышло так, что я живу и вижу, как дети рождаются, растут и влюбляются. Я вижу, как они рожают собственных детей и стареют. Вижу, как они умирают. Люс, я приговорен наблюдать это раз за разом, снова и снова. Со всеми, кроме тебя.

Его глаза казались остекленевшими. Голос упал до шепота.

– Ты никогда не влюбляешься.

– Но, – прошептала она в ответ, – я же влюбилась.

– Ты никогда не рождаешь детей и не стареешь, Люс.

– Почему?

– Ты возвращаешься каждые семнадцать лет.

– Пожалуйста...

– Мы встречаемся. Мы всегда встречаемся, каким-то образом нас всегда сводит вместе, куда бы я ни пошел, как бы ни пытался держаться от тебя подальше. Это не имеет значения. Ты всегда находишь меня.

Теперь он смотрел вниз, на свои стиснутые кулаки, будто хотел что-нибудь ударить и не мог поднять глаз.

– И всякий раз, когда мы встречаемся, ты обращаешь на меня внимание.

– Дэниел...

– Я могу попытаться устоять или сбежать от тебя, или не отвечать тебе, насколько это удастся, без разницы. Ты влюбляешься в меня, а я – в тебя.

– Это настолько ужасно?

– И это убивает тебя!

– Прекрати! – закричала Люс. – Чего ты хочешь добиться? Отпугнуть меня?

Дэниел фыркнул.

– Нет. Это в любом случае не сработает.

– Если ты не хочешь быть со мной.

Девушка надеялась, что все это замысловатая шутка, всем поводам повод для разрыва, только не правда. Это ведь не могло быть правдой. Можно было придумать более правдоподобную историю.

– Я знаю, ты мне не веришь. Вот почему я не мог рассказать тебе этого до сих пор, пока не осталось другого выхода. Просто я полагал, что понял правила, и мы поцеловались. А вот теперь я не понимаю ничего.

Люс вспомнились его вчерашние слова: «Я не знаю, как этому помешать, что с этим делать».

– Потому что ты меня поцеловал. Он кивнул.

– Ты поцеловал меня, а когда мы закончили, ты удивился.

Дэниел снова кивнул. Ему хватило такта выглядеть слегка застенчиво.

– Ты поцеловал меня, – повторяясь, продолжила Люс, пытаюсь уложить это все в голове, – и считал, что я этого не переживу?

– Учитывая предыдущий опыт, несомненно, – хрипло подтвердил он.

– Это просто бред, – заключила она.

– На этот раз дело не в поцелуе, а в том, что он означает. В некоторых жизнях мы можем целоваться, хотя в большинстве – нет.

Дэниел погладил девушку по щеке. Ей было трудно не обратить внимания на то, насколько это приятно.

– Должен сказать, я предпочитаю жизни, в которых мы можем целоваться.

Он опустил глаза.

– Хотя так гораздо тяжелее терять тебя потом. Люс хотелось рассердиться на него. За то, что выдумывает такие причудливые истории, когда они могли бы обниматься. Однако некое подсознательное ощущение убеждало ее не сбегать от Дэниела, оставаться здесь и слушать его так долго, как только она сможет.

– Когда ты теряешь меня, – начала она, прочувствовав на языке форму каждого слова, – как это происходит? Почему?

– Это зависит от тебя, от того, многое ли ты помнишь о нашем прошлом опыте, или насколько хорошо успеваешь узнать меня, кто я есть.

Дэниел развел руками.

– Я понимаю, это звучит невероятно...

– Бредово? Он улыбнулся.

– Я собирался сказать «смутно». Кроме того, я пытаюсь ничего от тебя не скрывать. Это просто очень, очень щекотливая тема. Когда-то в прошлом подобные разговоры уже случались...

Люс смотрела на его губы в ожидании продолжения, но он больше ничего не сказал.

– Убивали меня?

– Я бы сказал, «разбивали мне сердце».

Дэниелу явно было больно, и девушке захотелось его утешить. Что-то в груди тянуло ее к нему, влекло ближе. Но она не могла. Теперь она уверена в том, что Дэниел знал о мерцающем лиловом свете и имеет к нему самое непосредственное отношение.

– Что ты такое? – спросила она. – Какой-нибудь...

– Я скитался по земле, всегда в глубине души чувствуя, как ты приближаешься. Я привык искать тебя. Но затем, когда начал прятаться от тебя, скажем так, от неизбежного несчастья, ты всегда разыскивала меня. Мне потребовалось немного времени, чтобы вычислить, что ты появляешься каждые семнадцать лет.

Семнадцатый день рождения Люс миновал в конце августа, за две недели до того, как она поступила в «Меч и Крест». Это был грустный праздник: только она сама, ее родители и торт, купленный в магазине. Свечей не было, просто так, на всякий случай. А что насчет семьи? Она тоже возвращается каждые семнадцать лет?

– Мне никогда не хватало времени хотя бы оправиться от прошлого раза, – продолжал Дэниел. – Разве что снова утратить бдительность.

– Так ты знал, что я появлюсь? – с сомнением уточнила девушка.

Он выглядел серьезным, но Люс по-прежнему не могла ему поверить. Да и не хотела.

Дэниел покачал головой.

– Только не день, когда ты покажешься. Ничего подобного. Ты не помнишь мою реакцию, когда я тебя увидел?

Он поднял взгляд к небу, будто сам припоминал тот день.

– Первые несколько секунд я каждый раз так воодушевлен. Я забываюсь. А потом вспоминаю.

– Да, – медленно проговорила Люс, – ты улыбнулся, а потом... Так вот почему ты показал мне палец?

Дэниел нахмурился.

– Но если это, как ты говоришь, происходит каждые семнадцать лет, значит, все же ожидаешь, что я приду. В каком-то смысле знаешь.

– Это все довольно запутанно, Люс.

– Я видела тебя в тот день, до того, как ты меня заметил. Ты смеялся над чем-то с Роландом около «Августина». Ты смеялся так заливисто, что мне стало завидно. Если ты все это знал, Дэниел, если настолько умен, что способен предсказать, когда я появлюсь, когда погибну и насколько тяжелым это окажется для тебя, как ты мог так смеяться? Я тебе не верю, – заключила она дрожащим голосом. – Не верю ни единому твоему слову.

Дэниел нежно прижал палец к уголку ее глаза, утирая слезинку.

– Это чудесный вопрос, Люс. Я восхищен тем, что ты задала его, и сожалею, что неспособен объяснить лучше. Но могу сказать тебе только одно: единственный способ выжить в вечности – умение ценить каждое

мгновение. Вот чем я был занят.

– В вечности, – повторила Люс. – И это еще одна вещь, которую я никак не пойму.

– Это неважно. Я больше не могу так смеяться. Едва ты появляешься, я больше не могу думать ни о чем другом.

– Ты несешь какую-то чушь, – отрезала она, желая уйти отсюда, пока не стало слишком темно.

Но история Дэниела не просто чепуха. Все время, проведенное в «Мече и Кресте», Люс наполовину верила, что она безумна. Но ее безумие просто бледнеет в сравнении с его сумасшествием.

– Не существует никакого руководства к тому, как объяснять подобные вещи девушке, которую любишь, – взмолился он, расчесывая пальцами ее волосы. – Я делаю, что могу, и хочу, чтобы ты мне поверила, Люс. Что еще мне нужно сделать?

– Рассказать другую историю, – с горечью ответила она. – Придумать более здравый повод.

– Ты сама говорила, что тебе кажется, будто мы знакомы. Я пытался отрицать это, сколько мог, поскольку знал: так оно и будет.

– Мне казалось, мы каким-то образом знакомы, да, – подтвердила Люс сбивчивым от страха голосом. – Будто встречались в торговом центре, или в летнем лагере, или где-нибудь еще, неважно, где, но не в некой прошлой жизни.

Она покачала головой.

– Нет, я не могу.

Люс заткнула уши. Дэниел отвел ее руки.

– И все же сердцем ты понимаешь, что это правда.

Он стиснул руками ее колени и заглянул в глубину ее глаз.

– Ты знала это, когда я последовал за тобой на вершину Корковаду в Рио, когда тебе захотелось взглянуть вблизи на статую Христа. Ты знала это, когда я нес тебя две тяжкие мили к реке Иордан, когда ты заболела под Иерусалимом. А я советовал тебе не есть те финики. Ты знала это, когда заботилась обо мне как медсестра в том итальянском госпитале во Вторую мировую, и до того, когда я прятался в твоём погребке в Санкт-Петербурге в «Кровавое воскресенье». Когда я взобрался на башню твоего замка в Шотландии времен Реформации и танцевал с тобой на версальском балу в честь коронации. Ты была единственной дамой, одетой в черное. Были еще коммуна художников в Кинтана-Роо и марш протеста в Кейптауне, когда мы оба провели ночь за решеткой. Открытие театра «Глобус» в Лондоне. У

нас были лучшие места во всем зале. И когда мой корабль потерпел крушение у берегов Таити, ты оказалась там, как и в те разы, когда я был каторжником в Мельбурне, и карманником в Неме восемнадцатого века, и монахом в Тибете. Ты неожиданно появляешься везде и всегда и рано или поздно ощущаешь все то, о чем я тебе поведал. Но ты не позволяешь себе допустить, что твои чувства могут оказаться правдой.

Дэниел прервался, переводя дыхание, и невидящим взглядом посмотрел мимо нее. Потом протянул руку и прижал ладонь к ее колену, отчего она вновь вспыхнула все тем же пламенем.

Люс зажмурилась, а когда открыла глаза, у него в руках был чудесный белый пион. Цветок как будто светился. Она обернулась посмотреть, где он его сорвал, и почему она раньше его не заметила. Но вокруг виднелись лишь сорняки и гниющая мякоть упавших фруктов. Их руки встретились на стебле цветка.

– Ты знала это, когда каждый день целый месяц тем летом в Хельстоне собирала белые пионы. Помнишь?

Дэниел уставился на нее так пристально, словно пытался заглянуть ей в душу.

– Нет, – вздохнул он спустя мгновение, – конечно, не помнишь. Как же я тебе завидую.

Но когда он это говорил, по ее коже уже начало разливаться тепло, будто в ответ на слова, которые не принимал мозг. Какая-то ее часть больше ни в чем не была уверена.

– Я делаю все это, – Дэниел подался к ней так близко, что их лбы соприкоснулись, – потому что люблю тебя, Люсинда. Для меня существуешь только ты.

Нижняя губа дрожала, руки безвольно лежали в его ладонях. Цветочные лепестки между их пальцами просеивались на землю.

– Тогда почему ты выглядишь так печально? Свалившегося на нее оказалось слишком много, чтобы начать хотя бы задумываться об этом. Люс отстранилась от Дэниела и встала, отряхивая с джинсов листья и траву. У нее кружилась голова. Она уже жила прежде? Как такое возможно?!

– Люс.

Она отмахнулась от него.

– Думаю, мне нужно пойти куда-нибудь, остаться одной, прилечь.

Она всем весом оперлась на персиковое дерево от овладевшей ею внезапной слабости.

– Тебе нехорошо, – заметил он, вскочив и взяв ее за руку.

– Нет.

– Мне так жаль, – вздохнул Дэниел. – Не знаю, чего я ожидал, когда рассказывал тебе. Мне следовало бы...

Люс никогда не пришло бы в голову, что настанет такой миг, когда ей понадобится отдохнуть от него. Несмотря ни на что, ей нужно убраться отсюда подальше. По тому, как парень смотрел на нее, можно было с уверенностью сказать: он хочет услышать, что она найдет его позже и они еще обо всем поговорят. Вот только она больше не была уверена в том, что это хорошая идея. Чем дольше он говорил, тем сильнее она ощущала, как что-то пробуждается в ней, но сомневалась, что уже готова к этому. Она больше не считала себя безумной и не была уверена в безумности Дэниела. Люс еще ни в чем не убедилась, но что если слова Дэниела являются теми ответами, которые могут придать смысл всей ее жизни? Кто знает? Она чувствовала себя более испуганной, чем когда-либо прежде.

Девушка высвободила руку и направилась в сторону спального корпуса. Однако, пройдя несколько шагов, остановилась и медленно обернулась.

Дэниел не сдвинулся с места.

– В чем дело? – спросил он, поднимая голову. Она осталась стоять, где стояла, на некотором удалении от него.

– Я обещала тебе, что останусь здесь достаточно надолго, чтобы выслушать и хорошую новость.

Лицо Дэниела расслабилось почти до улыбки. Но в выражении лица по-прежнему оставалось что-то болезненное.

– Хорошая новость состоит в том, – он помешкал, тщательно подбирая слова, – что я поцеловал тебя, а ты все еще здесь.

Глава 17. Открытая книга

Люс рухнула на кровать, устроив изрядную встряску усталым пружинам. Удрав с кладбища и от Дэниела, она чуть ли не бегом вернулась к себе. Не потрудилась даже включить свет, а потому споткнулась о стул и сильно ушибла палец на ноге. Она свернулась в клубочек и сжала ноющую ногу. По крайней мере, боль – это что-то подлинное, с чем она могла справиться, здоровое, осязаемое, принадлежащее этому миру. Люс была так счастлива наконец остаться одна.

В ее дверь постучали. Передышки не светит.

Она не стала отвечать на стук, никого не желая видеть. Кто бы там ни пришел, ему придется уловить намек. Стук повторился. Тяжелое дыхание и хлюпающий аллергический звук прочищаемого горла.

Пенн.

Девушка была не в состоянии увидеться с Пенн прямо сейчас. Либо она покажется сумасшедшей, если попытается объяснить все, что произошло с ней за последние сутки, либо действительно сойдет с ума, пытаясь держаться естественно и ни о чем не рассказывать.

Наконец Люс услышала, как шаги подруги удаляются по коридору, и испустила вздох облегчения, перешедший в долгое одинокое хныканье.

Хотелось обвинить Дэниела в том, что он пробудил в ней это неконтролируемое чувство, на миг она попробовала вообразить свою жизнь без него. Вот только это оказалось невозможно. Все равно что пытаться вспомнить свое первое впечатление от дома после того, как прожил в нем долгие годы. Это же насколько он ее зацепил! И теперь оставалось только как следует разобраться со всеми странностями, о которых он поведал сегодня.

Тем не менее краешком сознания Люс попрежнему возвращалась и возвращалась к тому, что он говорил о тех временах, когда они бывали вместе. Может, ей и не удавалось по-настоящему вспомнить события, о которых упоминал Дэниел, но, как ни странно, его слова вовсе не стали для нее потрясением. Все это показалось отчасти знакомым.

Например, девушка всегда непонятно почему ненавидела финики. От одного их вида ее начинало мутить. В итоге стала утверждать, что у нее на них аллергия, и мама перестала украдкой подкладывать их в выпечку. А еще Люс почти всю жизнь упрашивала родителей взять ее в Бразилию, хотя никогда не могла объяснить, почему ей хочется побывать именно там. И

белые пионы. Дэниел подарил ей букет после пожара в библиотеке. В них Люс всегда мерещилось что-то необычное и одновременно знакомое.

Небо за окном сделалось угольно-черным, лишь с несколькими клубами белых облаков. В комнате было темно, но бледные распустившиеся цветы на подоконнике были видны даже в сумраке. Они простояли в вазе уже неделю, но ни один лепесток не увял.

Люс поднялась и вдохнула их сладкий аромат.

Она не может обвинять Дэниела. Да, его рассказ – сплошное безумие, но в то же время он прав. Это она приходит к нему раз за разом, предполагая, что между ними есть что-то общее. Да и дело не только в этом. Это она видит тени, оказывается замешанной в гибели ни в чем не повинных людей. Девушка пыталась не думать о Треворе и Тодде, когда Дэниел заговорил о ее собственных смертях. Он столько раз становился их свидетелем. Если такое вообще можно вообразить, Люс хотела бы спросить парня, чувствовал ли он себя когда-либо ответственным за то, что потерял ее. Похожа ли чем-нибудь его жизнь на тайную, уродливую, всепоглощающую вину, с которой она сталкивается каждый день.

Люс опустила на стул, каким-то образом перекочевавший на середину комнаты. Ох. Пошарив под собой в поисках твердого предмета, на который только что приземлилась, она обнаружила толстую книгу.

Подошла к стене и щелкнула выключателем, прищурившись под мерзким дневным светом. Книгу эту она никогда прежде не видела. Обложка была обтянута светло-серой тканью, с обтрепанными уголками и крошащимся под корешком бурым клеем.

«Хранители. Миф в средневековой Европе». Сочинение предка Дэниела.

Том оказался тяжелым и слегка пахивал дымом. Люс выдернула записку, засунутую под обложку.

«Да, я нашла запасной ключ и незаконно проникла в твою комнату. Прости. Но это СРОЧНО! И я нигде не могла тебя найти. Куда ты подевалась? Тебе нужно на это взглянуть, а потом нам стоит посоветоваться. Я загляну к тебе через час. Действуй с осторожностью.

Целую, Пенн».

Люс отложила записку к цветам и с книгой вернулась в кровать. Села на край, свесив ноги. Уже одна тяжесть этого тома в руках порождала необычное тепло под кожей. Книга казалась почти живой.

Открыв ее, она ожидала, что сейчас придется разбираться в тяжеловесном научном оглавлении или копать в указателе, прежде чем отыщется что-то, хотя бы отдаленно связанное с Дэниелом.

Она так и не ушла дальше титульного листа. Прямо под обложкой книги была вклеена фотография, тонированная в сепии, в стиле старинных визитных карточек, напечатанная на пожелтевшей альбуминовой бумаге. Внизу кто-то нацарапал чернилами: «Хельстон, 1854».

Кожа вспыхнула. Люс сдернула черный свитер, но даже в одной майке ей было жарко.

В сознании гулко прозвучала память.

«Вышло так, что я живу вечно, – сказал Дэниел. – Ты возвращаешься каждые семнадцать лет. Ты влюбляешься в меня, а я – в тебя. И это убивает тебя».

У нее разболелась голова.

«Я люблю тебя, Люсинда. Для меня существуешь только ты».

Она пальцем очертила контур карточки, вклеенной в книгу. Отец Люс, страстный знаток фотографии, наверняка восхитился бы тем, насколько хорошо сохранилось изображение и насколько оно должно быть ценным.

Девушку же, напротив, занимали люди на карточке. Поскольку, если бы каждое слово Дэниела не было правдой, остальное и вовсе не имело бы никакого смысла.

Молодой человек со светлыми, коротко стриженными волосами и еще более светлыми глазами изящно позировал в элегантном черном костюме. Вздернутый подбородок и четко очерченные скулы придавали еще большую утонченность его облику, но Люс вздрогнула при взгляде на его губы. Именно этот изгиб улыбки в сочетании с выражением глаз она видела в каждом сне на протяжении вот уже нескольких недель. А в последнюю пару дней – еще и наяву.

Этот человек был точной копией Дэниела. Дэниела, только что заявившего, что он любит ее, а она перерождалась множество раз. Дэниела, сказавшего ей столько всего, чего она бы не хотела слышать, и потому сбежала. Дэниела, которого она оставила под персиковыми деревьями на кладбище.

Это могло бы оказаться просто примечательным сходством. Какой-нибудь дальний предок, возможно, автор книги, передавший все до единого свои гены по фамильному древу прямо Дэниелу.

Вот только молодой человек на фотокарточке расположился рядом с девушкой, которая тоже выглядела тревожно знакомой.

Люс поднесла книгу на расстояние пары дюймов от лица и вгляделась в изображение. На девушке было черное шелковое бальное платье с оборками, плотно облегающее тело до талии, а оттуда расходящееся широкими волнами. Рукава на шнуровке охватывали руки, оставляя

обнаженными белыми пальцами. Некрупные зубы проглядывали между губ, слегка приоткрытых в непринужденной улыбке. Чистая кожа была несколькими тонами светлее, чем у молодого человека. Густые ресницы обрамляли глубоко посаженные глаза. Черный поток волос тяжелыми волнами ниспадал до талии.

Люс потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, как надо дышать, и даже тогда она не смогла отвести взгляда от книги. Девушка на фотокарточке...

Это была она.

Либо Люс права: память о Дэниеле осталась после какой-то забытой поездки в торговый центр в Саванне, где они позировали для дешевых костюмированных снимков в фотокиоске «под старину», о чем она не могла вспомнить, либо он сказал правду.

И они действительно знали друг друга. С совершенно иного времени.

Ей никак не удавалось перевести дух. Всю жизнь швырнуло во взбаламученное море сознания, все оказалось под вопросом: преследующие ее зудящие мрачные тени, жуткая гибель Треворы, сны.

Нужно непременно найти Пенн. Если кто и сможет подыскать объяснение столь невероятному происшествию, так это она. С загадочной старой книгой под мышкой Люс выбежала из комнаты и бросилась к библиотеке.

Там оказалось тепло и пусто, но что-то в высоких потолках и бескрайних рядах книг вызывало тревогу. Она поспешно прошла мимо нового абонементного стола, по-прежнему стерильного и необжитого. Миновала огромную неиспользуемую картотеку и бесконечный справочный отдел и добралась до длинных столов в общем читальном зале.

Вместо Пенн там обнаружилась Арриана, играющая в шахматы с Роландом. Ноги она положила на стол, на голове у нее красовалось полосатое кондукторское кепи, под которое были убраны волосы. Люс впервые после того утра, когда подстригала подруге волосы, снова заметила блестящий пятнистый шрам у нее на шее.

Арриана полностью погрузилась в игру. Шоколадная сигара покачивалась между ее губ, пока она обдумывала следующий ход. Роланд закрутил свои дреды в два толстых узла на макушке и пристально поглядывал на соперницу, постукивая мизинцем по одной из своих пешек.

– Шах и мат, – торжествующе объявила Арриана.

Она опрокинула Роландова короля на доску как раз в тот момент, когда Люс остановилась перед их столом.

– Лю-лю-люсинда, – пропела девушка, поднимая на нее взгляд. – Ты

меня избегала.

– Нет.

– Я столько всего о тебе слышала, – продолжала Арриана. Роланд с любопытством склонил голову. – Да-да, того самого. Что означает: садись и выкладывай. Прямо сейчас.

Люс прижала книгу к груди. Ей не хотелось садиться. Ей хотелось прочесть библиотеку в поисках Пенн. Нет времени попусту болтать с Аррианой, тем более при Роланде, поспешно убравшего свои вещи с ближайшего стула.

– Присоединяйся, – предложил он.

Люс неохотно опустилась на краешек сиденья. Она задержится всего на пару минут, поскольку действительно несколько дней не видела Арриану и в обычных обстоятельствах уже успела бы соскучиться по эксцентричному поведению подруги.

Но обстоятельства сложились далеко не обычные, и ей трудно было думать о чем-то помимо фотографии.

– Поскольку я только что в пух и прах разгромила Роланда на шахматной доске, давайте поиграем в новую игру. Как насчет того, «кто на днях видел обличительное фото Люс»? – предложила Арриана, скрещивая на столе руки.

– Что?

Люс отшатнулась, крепко прижав ладонью обложку, уверенная, что ее напряженное выражение лица все выдало. Не следовало ей приносить сюда книгу.

– Я дам тебе три попытки, – предложила Арриана, закатывая глаза. – Молли сняла, как ты вчера после занятий садилась в большую черную машину.

– Ох, – вздохнула Люс.

– Она собиралась заложить тебя Рэнди, пока я не устроила ей взбучку. Арриана прищелкнула пальцами.

– Так что теперь, в доказательство своей благодарности, расскажи мне, тебя утащили, чтобы показать внешкольному психиатру?

Она понизила голос и постучала ногтями по столу.

– Или же ты завела любовника?

Люс покосилась на Роланда, не сводящего с нее глаз.

– Ни то, ни другое. Я просто уехала ненадолго, чтобы поговорить с Кэмом. На самом деле это не дошло до...

– Бац! Плати, Арри, – ухмыльнувшись, потребовал Роланд. – Ты

должна мне десятку.

У Люс отвисла челюсть. Арриана похлопала ее по руке.

– Ничего страшного, мы просто слегка поспорили, ради интереса. Я предположила, что ты слиняла с Дэниелом. А Роланд выбрал Кэма. Ты подрываешь мое благосостояние, Люс. Мне это не нравится.

– Но я и была с Дэниелом, – заметила Люс, не вполне уверенная, зачем вообще ей понадобилось их поправлять.

Им что, больше нечем заняться в жизни, кроме как сидеть и гадать, чем она занимается в свободное время?

– О, – разочарованно протянул парень. – Сюжет запутывается.

– Роланд, – Люс обернулась к нему, – мне нужно у тебя кое-что спросить.

– Излагай.

Он вытащил блокнот и ручку из кармана черно-белого блейзера в тонкую полоску и приготовился записывать, словно официант, принимающий заказ.

– Чего ты хочешь? Кофе? Спиртного? Крепкие напитки я могу достать только по пятницам. Грязные журналы?

– Фигары? – предложила Арриана, шепелявя с набитым шоколадной сигарой ртом.

– Нет, – покачала головой Люс. – Ничего из этого.

– Ладно, особый заказ. Я оставил каталог в комнате, – пожал плечами Роланд. – Ты могла бы зайти позже?

– Мне вовсе не нужно, чтобы ты мне что-то доставал. Я просто хотела узнать, ты ведь дружишь с Дэниелом, так?

Он снова пожал плечами.

– Во всяком случае, мне не противен этот парень.

– Но ты ему доверяешь? То есть, если бы он рассказал тебе что-нибудь совершенно безумное, какова вероятность того, что ты бы ему поверил?

Роланд сощурился, явно выбитый из колеи на миг, но Арриана поспешно вспрыгнула на стол и перекинула ноги на сторону, ближайшую к подруге.

– А о чем, собственно, идет речь? Люс встала.

– Неважно.

Ей вообще не следовало поднимать эту тему. Путаница подробностей вновь обрушилась на нее. Она подхватила со стола книгу.

– Мне нужно идти, – заявила она. – Простите. И, задвинув за собой

стул, девушка направилась прочь. Ноги казались тяжелыми и неуклюжими, голову переполняли мысли. Порыв ветра колыхнул волосы на затылке, и она резко обернулась в поисках теней. Ничего. Просто открытое окно высоко, под самыми стропилами здания. Просто крошечное птичье гнездо, притулившееся в углу приотворенной на узкую щелочку створки. Снова окинув взглядом библиотеку, Люс едва поверила собственным глазам. Их действительно нигде не было видно, ни чернильно-черных щупалец, ни дрожащих серых облаков, клубящихся над головой. Однако девушка ощущала их явную близость, почти чувствовала в воздухе их солоновато-сернистый запах. Где же они, если не преследуют ее? Люс всегда считала их исключительно своими собственными. Никогда не предполагала, что тени могут пребывать где-то еще, заниматься чем-то еще, мучить других людей. Может, Дэниел тоже их видит?

Завернув за угол к компьютерной лаборатории в глубине библиотеки, где Люс надеялась застать Пенн, она натолкнулась на мисс Софию. Обе пошатнулись, и учительница схватилась за девушку, чтобы устоять на ногах. На ней были стильные джинсы и длинная белая блуза с накинутым на плечи красным кардиганом, расшитым стеклярусом. Очки в зеленой металлической оправе висели на шее, на нитке разноцветных бус. Люс поразило, насколько твердой оказалась ее хватка.

– Извините, – пробормотала она.

– Ох, Люсинда, в чем дело?

Мисс София прижала ладонь к ее лбу. Ноздри Люс забил запах детской присыпки, исходящий от рук.

– Ты плохо выглядишь.

Девушка сглотнула, отчаянно пытаясь не расплакаться только потому, что ее пожалела добросердечная учительница.

– Мне нехорошо.

– Я так и знала, – кивнула мисс София. – Ты пропустила занятия сегодня и не была на мероприятии вчера вечером. Может, тебе нужно к врачу? Если бы моя аптечка не сгорела при пожаре, я бы прямо здесь померила тебе температуру.

– Нет, то есть я не знаю.

Люс подняла перед собой книгу и задумалась, стоит ли рассказать мисс Софии все с самого начала. Вот только что считать началом?

Но этого и не понадобилось. Библиотекарша мельком посмотрела на книгу, вздохнула и окинула девушку понимающим взглядом.

– Ты все-таки ее нашла. Пойдем, нам нужно поговорить.

Даже та знала о жизни Люс больше, чем она сама. Или о жизнях? Люс никак не могла понять, что все это значит, ну, или как такое возможно.

Она последовала за мисс Софией к столу в дальнем углу читального зала. Краем глаза по-прежнему видела Арриану и Роланда, но ребята вряд ли могли их услышать.

– Как ты на это наткнулась?

Мисс София погладила Люс по руке и надела очки. Ее маленькие черные глазки-бусинки блеснули за бифокальными стеклами.

– Не волнуйся. Ты не в беде, милая.

– Я не знаю. Мы с Пенн искали ее. Это, конечно, глупо. Мы думали, что, возможно, ее автор как-то связан с Дэниелом, но не знали наверняка. Когда бы мы ни проверяли, получалось так, словно ее только что взяли почитать. А сегодня, когда я вернулась к себе, Пенн оставила ее в моей комнате.

– Так Пенниуэзер тоже знает о ее содержании?

– Понятия не имею, – покачав головой, призналась Люс.

Она понимала, что болтает бессвязно и неудержимо, но не могла остановиться. Мисс София напоминала забавную чудаковатую бабушку, которой у нее никогда не было. Представление собственной бабушки о грандиозной поездке за покупками ограничивалось бакалейной лавкой. Кроме того, так приятно просто с кем-нибудь поговорить.

– Мне пока не удалось ее найти, только потому, что я была с Дэниелом, а он обычно ведет себя очень странно, но прошлой ночью он поцеловал меня, и мы не возвращались до...

– Прости, милая, – перебила ее мисс София, немного громче, – я не ослышалась, ты действительно сказала, что Дэниел Григори поцеловал тебя?

Люс зажала себе рот руками. Невероятно. Неужели она выболтала это мисс Софии? Должно быть, и впрямь расклеилась.

– Простите, это совершенно неуместно. И неловко. Не знаю, почему это у меня вырвалось.

Девушка обмахнула ладонью пылающие щеки. Но было слишком поздно.

– Спасибо, что сообщила мне! – выкрикнула Арриана с другого конца читального зала.

Ее лицо выглядело ошеломленным.

Тем временем мисс София вернула к себе внимание Люс, выхватив из ее рук книгу.

– Ваш с Дэниелом поцелуй не только неуместен, милая, но и невозможен... обычно.

Она погладила подбородок и подняла глаза к потолку.

– Что означает... ну, это не может значить...

И она принялась листать книгу, сверхъестественно быстро пробегая пальцами по каждой странице.

– Что вы имели в виду под «обычно»?

Люс никогда прежде не ощущала себя настолько непричастной к собственной жизни.

– Забудь о поцелуе.

Мисс София махнула рукой, застав ее врасплох.

– Это и вполтину не так важно. Поцелуй ничего не значит, если только...

Что-то пробормов себе под нос, она вновь принялась листать страницы.

Да что может знать мисс София? Поцелуй Дэниела значил все. Люс с сомнением наблюдала за порхающими пальцами библиотекарки, пока ее внимание не привлекло нечто на одной из страниц.

– Вернитесь назад, – попросила она, накрыв ладонью руку мисс Софии, чтобы остановить ее.

Женщина медленно отстранилась. Люс принялась перелистывать тонкие полупрозрачные страницы. Вот. Она прижала ладонь к сердцу. На полях черной тушью было вычерчено несколько набросков, поспешно, но изящно и твердой рукой. Кем-то, обладающим несомненным талантом. Девушка обвела их пальцами, пристально всматриваясь. Изгиб женского плеча, увиденный сзади, ее же волосы, собранные в низкий узел. Гладкие обнаженные колени скрещенных ног, уходящих к призрачной талии. Длинное тонкое запястье, уступающее место ладони, в которой покоился крупный, полностью раскрывшийся цветок пиона.

Пальцы Люс задрожали. В горле встал ком. Она не понимала, почему именно это из всего, что слышала и видела сегодня, оказалось достаточно красивым и настолько же печальным, чтобы довести ее до слез. Плечо, колени, запястье. Все это принадлежало ей самой. И она знала, что наброски были сделаны рукой Дэниела.

– Люсинда.

Встревоженная мисс София медленно отодвинула стул от стола.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– О, Дэниел, – прошептала Люс, отчаянно желая вновь оказаться

рядом с ним.

И смахнула слезу.

– Он проклят, Люсинда, – сообщила мисс София поразительно холодным тоном. – Вы оба прокляты.

«Проклят. Прокляты».

Дэниел тоже говорил о проклятии. Именно этим он описывал все происходящее. Но обращался к самому себе. Не к ней.

– Проклят?

Вот только ей не хотелось больше ничего слушать, а хотелось лишь найти его.

Мисс София щелкнула пальцами перед ее лицом. Девушка встретила с ней взглядом, медленно, вяло, отрешенно улыбнувшись.

– Ты все еще не пробудилась, – пробормотала библиотечарша.

И резко захлопнула книгу, привлекая внимание Люс, и положила ладони на стол.

– Он тебе что-нибудь рассказал? Может, после поцелуя?

– Он рассказал мне, – начала девушка. – Нет, невозможно. Безумие какое-то.

– Так часто бывает в подобных случаях.

– Он сказал, что мы двое вроде как пара влюбленных, разлученных судьбой.

Люс прикрыла глаза, вспоминая длинный перечень прошлых жизней. Поначалу одна мысль об этом казалась такой чуждой, но теперь, начав к ней привыкать, девушка решила, что, возможно, это самое романтическое событие, произошедшее за всю историю мира.

– Он говорил обо всех промежутках времен, когда мы влюблялись друг в друга. В Рио, Иерусалиме, на Таити.

– Это действительно звучит довольно-таки безумно, – согласилась мисс София. – Так что ты, разумеется, ему не поверила?

– Поначалу нет, – призналась Люс, вспоминая их пылкий спор под персиковым деревом. – Он упомянул Библию, а такие вещи я привыкла пропускать мимо ушей. – Она прикусила язык. – Не считите за оскорбление. То есть ваши занятия кажутся мне понастоящему интересными.

– Пустяки. Люди в твоём возрасте часто стесняются своего религиозного воспитания. В этом нет ничего особенного, Люсинда.

Люс хрустнула суставами пальцев.

– Правда, мое воспитание далеко от религиозного. Мои родители атеисты, поэтому, сами понимаете.

– Все во что-нибудь да верят. Тебя ведь, конечно же, крестили?

– Если только не считать бассейна, устроенного в той церкви, – робко возразила девушка, ткнув большим пальцем в сторону, где располагался спортзал «Меча и Креста».

Да, она праздновала рождество, несколько раз бывала в церкви и даже теперь, когда жизнь причинила ей и ее близким немало горя, по-прежнему полагала, что на свете существует кто-то, стоящий того, чтобы в него верить. Или же что-то. Этого ей всегда было достаточно.

В другом конце зала раздался грохот. Она подняла глаза и увидела, что Роланд рухнул на пол. Последний раз, когда она на него смотрела, парень раскачивался на стуле, и теперь, похоже, сила тяжести все же одержала верх.

Он попытался встать, Арриана поспешила ему на помощь. Оглянувшись на подругу, она небрежно махнула рукой.

– Он цел! – жизнерадостно сообщила она и, повернувшись к Роланду, громко прошипела: – Да вставай же ты!

Мисс София сидела неподвижно, сложив руки на коленях. Она несколько раз откашлялась, вновь перевернула обложку книги и в задумчивости пробежалась пальцами по фотокарточке.

– Он открыл тебе что-нибудь еще? – спросила она. – Ты вообще знаешь, кто такой Дэниел?

– А вы? – Люс ответила вопросом на вопрос, медленно, выпрямившись на стуле.

Библиотекарша напряглась.

– Я занимаюсь наукой, изучаю подобные вещи. И не связываюсь с заурядными сердечными делами.

К таким словам прибегла мисс София. Однако все, начиная от бьющейся на ее шее жилки и заканчивая почти незаметным легким блеском пота, выступившего на лбу, свидетельствовало о том, что ответ на вопрос положительный.

Огромные черные старинные часы над их головами пробили одиннадцать. Минутная стрелка задрожала от усилий, пытаясь встать на место, все устройство звенело так долго, что пришлось прервать разговор. Люс никогда прежде не замечала, насколько громко бьют эти часы. Теперь каждый удар вызывал в ней боль. Она слишком долго остается вдали от Дэниела.

– Дэниел думал, – начала было она, – прошлой ночью, когда мы впервые поцеловались, он думал, что я вот-вот умру.

Мисс София выглядела далеко не такой удивленной, как хотелось бы

девушке. Люс похрустела суставами пальцев.

– Но это безумие, правда? Я никуда не деваюсь. Библиотекарша сняла бифокальные очки и потерла крохотные глазки.

– Пока что да.

– О боже, – прошептала Люс, охваченная волной страха, что заставила ее бросить Дэниела на кладбище.

Но почему? Он по-прежнему что-то ей недоговаривает. Что-то, о чем она уже знала, но не могла поверить. Во всяком случае, не раньше, чем снова увидит его лицо.

Книга все еще оставалась открытой на фотографии. Перевернутая вверх ногами улыбка Дэниела выглядела встревоженной, словно он заранее знал, что приближается к ним из-за следующего же угла. Люс даже не могла представить, что именно он, должно быть, испытывает прямо сейчас. Раскрыться начистоту, обнажив их необъяснимую общую историю лишь для того, чтобы она столь решительно его оттолкнула. Нужно его найти.

Девушка захлопнула книгу и сунула ее под мышку. Встала и задвинула за собой стул.

– Куда ты идешь? – обеспокоенно спросила мисс София.

– Искать Дэниела.

– Я пойду с тобой.

– Нет.

Люс покачала головой, представив, как бросается ему на шею с библиотекаршей на буксире.

– Вам не нужно идти. Правда.

Мисс София выглядела весьма деловито, наклоняясь, чтобы крепче затянуть шнурки на практичных ботинках. Вот она выпрямилась и положила руку на плечо девушке.

– Поверь мне, – упорствовала она, – это нужно.

«Мечу и Кресту» следует поддерживать репутацию. Ты же не думаешь, что мы позволяем ученикам свободно разгуливать по ночам?

Люс удержалась от того, чтобы просветить мисс Софию насчет собственного недавнего побега за школьные ворота. В душе она стонала. А почему бы не захватить с собой всех учащихся? Пусть каждый насладится представлением! Молли могла бы пофотографировать, Кэм затеял бы очередную драку. Почему бы не начать прямо отсюда? Скажем, позвать с собой Арриану и Роланда, которые на удивление быстро куда-то испарились.

Мисс София с книгой в руке уже направилась к главному входу. Люс пришлось прибавить шаг, чтобы догнать ее, промчавшись мимо картотеки,

подпаленного персидского ковра у абонементного стола и стеклянных витрин, набитых реликвиями гражданской войны в особом собрании восточного крыла, где она застала Дэниела за набросками кладбища в первый же вечер своего пребывания здесь.

Они вышли во влажную ночь. Облако закрывало луну, погрузив территорию школы в чернильную тьму. Затем, словно в руку вложили компас, Люс будто бы кто-то направил в сторону теней. Она точно знала, где те обитают. Не в библиотеке, но и не слишком далеко.

Девушка их еще не видела, но уже почувствовала, что гораздо хуже. Ужасный всепоглощающий зуд пробирал кожу, просочился в кости и кровь, как кислота.

Они сливались, сгущались, заполняли кладбище – и не только его – сернистой вонью. А теперь и вовсе увеличились. Казалось, весь воздух на территории школы пропитался мерзким запахом их разложения.

– Где Дэниел? – спросила мисс София.

Люс осознала, что, хотя библиотекарьше многое известно о прошлом, теней она явно не замечала, отчего почувствовала себя перепуганной и одинокой, ответственной за все, что могло вот-вот произойти.

– Я не знаю, – ответила она, задыхаясь так, словно ей не хватало кислорода в густом влажном ночном воздухе.

Ей не хотелось произносить слов, которые обязательно приведут их ближе – слишком близко – к источнику ее страха. Но нужно было найти Дэниела.

– Я оставила его на кладбище.

Они поспешно направились через двор, обходя лужи грязи, оставшиеся после недавнего ливня. Лишь несколько огоньков светилось в спальном корпусе справа от них. Сквозь одно из зарешеченных окон Люс разглядела малознакомую девушку, склонившуюся над книгой. По утрам у них были общие занятия. Это была хулиганистого вида девица с пирсингом в носу и легким насморком. Люс никогда не слышала, чтобы она разговаривала, и не имела представления, несчастна она или наслаждается жизнью. В это мгновение Люс задумалась: а что если поменяться местами с ней? Очевидно, та никогда не озадачивалась вопросами о прошлых жизнях, или жутких тенях, или гибели двух невинных ребят. Совесть ее явно не мучила. Интересно, согласилась бы она или нет?

Перед ее глазами возникло лицо Дэниела, купающееся в лиловом свете, когда он этим утром нес ее в комнату. Его блестящие золотистые волосы. Его нежный, понимающий взгляд. Одно лишь прикосновение его губ уносило ее прочь от тьмы. Ради него она бы вытерпела все это и даже

больше.

Если бы только знать, намного ли больше осталось терпеть.

Они с мисс Софией рысцой продвигались вперед мимо скрипящих трибун, обрамляющих двор, мимо футбольного поля. Библиотекарша и впрямь поддерживала себя в форме. Люс бы беспокоила скорость, с которой они бежали, если бы женщина не держалась в нескольких шагах впереди.

Девушка начинала отставать. Страх встречи с тенями напоминал встречный ветер ураганной силы, замедляющий бег. Тем не менее она не сдавалась. Сокрушительное отвращение подсказывало, что она едва представляет пределы возможностей этих мрачных сущностей.

У ворот кладбища они остановились. Люс дрожала всем телом, обнимая себя за плечи в тщетной попытке это скрыть. Спина к ним стояла девушка, вглядывающаяся в кладбище.

– Пенн! – окликнула Люс, узнав ее, обрадовавшись встрече с подругой.

Когда Пенн повернулась к ним, ее лицо было пепельно-бледным. Несмотря на жару, она куталась в черную ветровку, очки запотели в духоте. Она дрожала не меньше, чем Люс.

– Что случилось?

– Я собиралась тебя поискать, – ответила Пенн, – а потом мимо пробежали несколько ребят. Они спустились туда.

И Пенн указала на ворота кладбища.

– А я не с-с-смогла.

– А почему? Что там, внизу?

Хотя, еще не договорив, она знала по меньшей мере один ответ на собственный вопрос, ответ, которого Пенн никогда не удастся увидеть. Сгущающаяся черная тень манила к себе Люс. И только ее.

Пенн часто-часто моргала и выглядела перепуганной.

– Не знаю. Сначала я подумала, что это фейерверки. Но ничего так и не взлетело в небо.

Она содрогнулась.

– Вот-вот произойдет что-то плохое. Не знаю, что именно, но произойдет.

Люс вдохнула глубже и закашлялась от густого запаха серы.

– Откуда, Пенн? Откуда ты знаешь?

Рука подруги дрожала, когда та указала в середину глубокой чаши кладбища.

– Видишь? Что-то мерцает там, внизу.

Глава 18. Погребенная война

Люс кинула единственный взгляд на дрожащий свет в глубине кладбища, поспешно бросилась туда и с шумом соскользнула вниз мимо разбитых надгробий, оставив Пенн с мисс Софией далеко позади. Ее не волновало, что острые перекрученные ветви дубов царапали на бегу руки и лицо, а в ногах путались густые заросли сорняков.

Ей непременно нужно было спуститься туда. Ломтик убывающей луны отбрасывал не слишком-то много света, но на самом дне кладбищенской чаши оставался и другой его источник. В точке назначения. Больше всего он походил на чудовищную, затянутую тучами грозу с молниями. Вот только разразилась она на земле.

Тени вот уже несколько дней предупреждали ее. А она поняла это только сейчас. Теперь их мрачное представление превратилось в нечто, видимое даже Пенн. И другие учащиеся, пробежавшие вперед, по идее, тоже должны были его заметить. Люс понятия не имела, что это может означать. Только то, что, если Дэниел остался там вместе с этим зловещим мерцанием, это полностью на ее совести.

Легкие горели, но девушку тянуло вперед видение парня, стоящего под персиковыми деревьями. Она не остановится, пока не найдет Дэниела. Хотя в любом случае будет его искать, чтобы сунуть ему под нос книгу и объявить, что верит ему, более того, частично поверила с самого начала, но была слишком напугана, чтобы смириться с этой непостижимой историей. Она скажет ему, что ее ничто не отпугнет, ни за что и никогда больше. Потому что она знает, точнее, поняла нечто такое, что слишком долго складывала воедино. Что-то дикое и невероятное, сделавшее их прошлые встречи более-менее правдоподобными. Люс знала, кто, а скорее, что такое Дэниел. Частично она сама пришла к осознанию того, что вполне могла жить прежде и любить его прежде. Вот только до сих пор девушка не понимала, что это означает, во что именно складывается все это. Влечение, которое она к нему ощущала, ее сны.

Ничто из этого не будет иметь значения, если она не успеет спуститься вовремя, чтобы найти хотя бы какой-то способ прогнать тени. Если они доберутся до Дэниела раньше нее, все на свете потеряет смысл. Люс мчалась вниз по крутым склонам, однако дно кладбищенской чаши по-прежнему оставалось слишком далеким.

Позади нее раздался топот. Потом донесся пронзительный голос мисс

Софии.

– Пенниуэзер!

Она догоняла девушку, оглядываясь и крича через плечо, туда, где та различала Пенн, осторожно перебирающуюся через упавшее надгробие.

– Ты там до Рождества провозишься!

– Нет! – завопила Люс. – Пенн, мисс София, не спускайтесь сюда!

Ей не хотелось брать ответственность за то, что кто-то еще попадет на пути теням.

Библиотекарша застыла на опрокинутом белом могильном камне и уставилась в небо, будто и вовсе не услышала девушку. Вскинула тонкие руки в воздух, словно защищаясь от чего-то. Люс, прищурившись, всмотрелась в ночь и едва не задохнулась. На них надвигалось нечто, влекомое холодным ветром.

Поначалу она решила, что это тени, но та штука оказалась чем-то другим, пожалуй, более жутким, словно зазубренная неравномерная пелена, полная темных складок, сквозь которую просвечивали клочки неба. Эта тень состояла из миллионов крошечных черных частиц. Необузданная, трепещущая волна темноты, расплескивающаяся во всех направлениях.

– Саранча? – вскрикнула Пенн.

Люс содрогнулась. Плотный рой находился еще далеко, но его низкий гул нарастал с каждой секундой. Словно хлопанье крыльев тысячи птиц. Словно стремительная враждебная тьма, наползающая на землю. Он приближался. Он собирался наброситься на Люс, а может, и на всех них сегодня же ночью.

– Так нельзя! – сурово выкрикнула в небо мисс София. – Во всем должен быть порядок!

Задыхающаяся Пенн остановилась рядом с Люс. Девушки обменялись озадаченными взглядами. Капельки пота усеивали верхнюю губу Пенн, фиолетовые очки упорно соскальзывали во влажной духоте.

– Она сошла с ума, – прошептала Пенн, ткнув пальцем в сторону мисс Софии.

– Нет, – покачала головой Люс. – Мисс София многое знает. А если она испугана, то и тебе не стоит тут находиться, Пенн.

– Мне? – переспросила та, ошеломленная, вероятно, потому, что именно она привыкла опекать подругу с первого же дня в школе. – Не думаю, что хоть кому-то из нас стоит тут находиться.

Грудь Люс пронзила боль, в точности такая, что мучила ее, когда пришлось прощаться с Келли. Она отвела взгляд в сторону. Между ней и Пенн пробежала трещина, глубокий разделяющий разлом из-за прошлого

Люс. Ей не хотелось этого признавать, привлекать к этому внимание подруги, но она знала, что будет лучше и безопаснее, если их пути разойдутся.

– Я должна остаться, – глубоко вздохнув, сообщила она. – Мне нужно найти Дэниела. А тебе стоит вернуться в общежитие, Пенн. Пожалуйста.

– Но ты и я, – сипло возразила та, – мы были единственными...

Не дослушав окончание фразы, Люс бросилась вглубь кладбища. К обелиску, где видела задумчивого Дэниела вечером после родительского дня. Она перепрыгнула через последние надгробия и соскользнула вниз по слою влажной гниющей листвы, пока земля наконец не выровнялась.

Девушка остановилась перед огромным дубом в углублении посреди кладбища.

Разгоряченная, разочарованная и перепуганная, она прислонилась к стволу дерева.

А потом сквозь дубовые ветви разглядела его. Дэниела.

Она выдохнула из легких весь воздух, ноги подкосились в коленях. Единственный взгляд на его далекий темный профиль, такой прекрасный и величественный, подтвердил: то, на что намекал Дэниел, включая значительное открытие, которое сделала она сама, все оказалось правдой.

Он стоял на мавзолее, скрестив на груди руки, и смотрел вверх, где как раз промчалась бурлящая туча саранчи. Слабый лунный свет отбрасывал его тень в полумесяц тьмы, разливающейся от широкой плоской крыши усыпальницы. Девушка бросилась к нему, пробираясь между плетей бородатого мха и покосившихся старых статуй.

– Люс!

Дэниел заметил ее сразу, стоило ей приблизиться к основанию мавзолея.

– Что ты здесь делаешь?

В его голосе не слышалось радости от встречи с ней, скорее, потрясение и ужас.

«Это моя вина, – хотелось закричать ей, пока она продвигалась ближе. – И я верю, верю в нашу историю. Прости за то, что вообще тебя покинула, я больше никогда так не поступлю».

И было еще кое-что, что Люс жаждала сказать ему. Но Дэниел оставался далеко в вышине, жуткий гул теней звучал слишком громко, а воздух казался слишком влажным, чтобы попытаться докричаться до него с того места, где стояла она.

Усыпальница была целиком из гладкого мрамора. Правда, в одном из рельефных изображений павлинов зияла глубокая щербина. Люс

воспользовалась ею как упором для ноги. Обычно прохладный камень оказался теплым на ощупь. Ее вспотевшие ладони несколько раз соскальзывали, пока она пыталась дотянуться до верха. До Дэниела, который должен ее простить.

Она преодолела лишь пару футов стены, когда кто-то похлопал ее по плечу. Девушка оглянулась, вскрикнула и, увидев, что это Дэниел, сорвалась. Он подхватил ее, обняв за талию, прежде чем она соскользнула на землю, хотя всего лишь секундой раньше стоял вверху, над ее головой.

Люс зарылась лицом ему в плечо. И хотя истина по-прежнему ее пугала, в его объятиях она чувствовала себя так, словно море, нашедшее берег, как путник, вернувшийся наконец-то домой после долгой, тяжелой, дальней дороги.

– Удачное же время ты выбрала, чтобы вернуться, – заметил Дэниел.

Он улыбался, но улыбка омрачалась тревогой. Его глаза смотрели мимо нее, в небо.

– Ты тоже это видишь? – спросила она.

Дэниел просто глянул на нее, не в состоянии ответить. Его губы задрожали.

– Ну, естественно, разумеется, видишь, – прошептала она, поскольку все сложилось в единую картину.

Тени, его история, их прошлое. В ней нарастал перехватывающий горло плач.

– Как ты можешь меня любить? – всхлипнула Люс. – Как ты вообще в силах меня выносить?

Он взял ее лицо в ладони.

– О чем ты? Как ты можешь такое говорить?

Ее сердце горело оттого, что колотилось так часто.

– Потому что... Девушка сглотнула.

– Ты ангел.

Его руки обмякли.

– Что ты сказала?

– Ты ангел, Дэниел, я это знаю, – повторила она, ощущая, как внутри распахиваются ворота плотины, шире и шире, пока все, что было у нее на душе, не хлынуло наружу. – Не говори, будто я сошла с ума. Я видела сны о тебе. Слишком реальные сны, чтобы можно было их забыть. Сны, заставившие меня полюбить тебя еще до того, как ты сказал мне хоть что-то приятное.

Глаза Дэниела совершенно не изменились.

– Сны, в которых у тебя были крылья и ты удерживал меня высоко в

небе, которое я не узнавала, однако помнила, что была там, именно так, в твоих руках, тысячу раз прежде.

Она уткнулась лбом ему в лоб.

– Это так много объясняет. Например, твое изящество, когда ты двигаешься, и книгу, которую написал твой предок. Почему никто не приехал навестить тебя в родительский день. Почему, когда ты плывешь, это выглядит так, будто твое тело парит. И почему, когда ты целуешь меня, кажется, что я попала на небеса.

Люс чуть помедлила, переводя дух.

– И почему ты можешь жить вечно. Единственное, чего это не объясняет, – зачем тебе вообще нужна я.

Она снова взглянула вверх, ощущая темные чары теней.

– Я в столь многом виновата.

Краска сбежала с его лица. И Люс сумела прийти к единственному умозаключению.

– Ты тоже не понимаешь, зачем, – предположила она.

– Я не понимаю, что ты все еще делаешь здесь. Она моргнула, с несчастным видом кивнула и уже собиралась отвернуться прочь.

– Нет!

Дэниел притянул ее снова к себе.

– Не уходи. Просто дело в том, что ты, точнее, мы никогда не заходили настолько далеко.

Он прикрыл глаза.

– Не скажешь ли ты это еще раз? – попросил Дэниел почти застенчиво. – Не скажешь мне, что я есть такое?

– Ты ангел, – медленно повторила девушка, удивленная тем, как он жмурится и стонет от удовольствия, почти как если бы они целовались. – Я влюблена в ангела.

Теперь уже ей самой захотелось зажмуриться и застонать. Она склонила голову.

– Но в моих снах твои крылья...

Жаркий завывающий ветер обрушился на них сбоку, едва не выдернув Люс из рук Дэниела. Он заслонил ее собственным телом. Облако теневой саранчи осело было в кроне дерева за границей кладбища и некоторое время шипело в ветвях. Однако вскоре насекомые единой огромной стаей поднялись в воздух.

– О боже, – прошептала Люс. – Я должна что-то сделать. Я должна это остановить.

Дэниел погладил ее по щеке.

– Люс, посмотри на меня. Ты не сделала ничего дурного. И не можешь ничего поделаться с этим, – он указал на саранчу. – С чего ты вообще решила, будто в чем-то виновата? – добавил он, покачивая головой.

– Потому что всю жизнь я наблюдаю эти тени.

– Мне следовало что-нибудь предпринять, когда я понял это на той неделе у озера. На самом деле это первая жизнь, в которой ты их видишь, что, собственно, меня и напугало.

– Откуда ты можешь знать, что это не моя вина? – спросила она, думая о Тодде и Треворе.

Тени всегда приходили к ней как раз перед тем, как случалось нечто ужасное.

Дэниел поцеловал ее в макушку.

– Тени, которые ты видишь, называются вестниками. Они мерзко выглядят, но не в состоянии тебе навредить. Все, что они делают, – это оценивают ситуацию и докладывают кому-то еще. Сплетники. Компании старшеклассниц в демоническом исполнении.

– А как насчет этих?

Люс показала на деревья, отмечавшие границу кладбища. Их ветви раскачивались, отягощенные густой сочащейся чернотой.

Дэниел спокойно посмотрел туда, куда показала Люс.

– Это тени, призванные вестниками, чтобы сражаться.

Руки и ноги девушки похолодели от страха.

– То есть, м-м-м, битва. И что это будет?

– Великая битва, – просто ответил он, поднимая подбородок. – Но пока они всего лишь рисуются. У нас еще есть время.

От тихого покашливания за спиной Люс подскочила. Дэниел склонил голову, приветствуя мисс Софию, стоящую в тени мавзолея. Волосы библиотекарки выбились из-под шпилек, выглядели дикими и буйными, как и глаза. Потом кто-то выступил из-за ее спины. Пенн. Она засунула руки в карманы куртки. Лицо все еще оставалось красным, а волосы – влажными от пота. Покосившись на подругу, она пожала плечами, будто говоря: «Не знаю, что за чертовщина тут творится, но я не могу просто так взять и бросить тебя». Люс невольно улыбнулась.

Мисс София шагнула ближе и подняла книгу.

– Наша Люсинда занималась своим исследованием.

Дэниел потер подбородок.

– Ты читала это старье? Не стоило вообще писать.

Голос его прозвучал почти смущенно. А у Люс встал на место еще один фрагмент головолмки.

– Ты это написал, – объявила она. – И нарисовал наброски на полях. И вклеил нашу фотографию.

– Ты нашла эту карточку, – заулыбался Дэниел, притягивая ее ближе, словно упоминание снимка пробудило поток воспоминаний. – Ну разумеется.

– Мне потребовалось много времени, чтобы понять, но когда я увидела, как счастливы мы были, внутри будто что-то раскрылось. И я догадалась.

Она положила ладонь ему на шею и притянула его лицо к своему, не заботясь о том, что мисс София и Пенн тоже здесь. Когда их губы соприкоснулись, темное, жутковатое кладбище исчезло, а с ним – и обветренные могилы, и скопища теней, затаившиеся вокруг в кронах деревьев, и даже луна со звездами в вышине.

Первый раз, когда девушка увидела хельстонский фотоснимок, он ее напугал. Одной мысли о реальности всех этих прошлых версий ее самой оказалось слишком много, чтобы сразу с ней свыкнуться. Но теперь, в этих объятиях, ей мнилось, будто все они каким-то образом сплотили усилия по объединению множества Люс, любивших одного и того же Дэниела. Снова и снова. Столько любви, что она просачивалась из сердца и души, происходила из тела и заполняла пространство между ними.

И еще девушка наконец услышала то, что он сказал, когда они смотрели на тени. Она не сделала ничего дурного! Ей не от чего чувствовать себя виноватой. Возможно ли это? Неужели она не ответственна за гибель Тревера и Тодда, как всегда считала? Стоило ей спросить себя об этом, как она поняла, что Дэниел сказал правду. И теперь Люс чувствовала себя так, словно пробудилась после долгого кошмарного сна. Она больше не ощущала себя коротко остриженной девушкой в мешковатой черной одежде, вечной неудачницей, страшящейся мерзкого кладбища и застрявшей в исправительной школе по вполне веской причине.

– Дэниел, – окликнула она, мягко отстраняя его плечи, чтобы взглянуть ему в лицо. – Почему ты мне раньше не сказал, что ты ангел? К чему все эти разговоры о проклятиях?

Он впился в нее тревожным взглядом.

– Я не сошла с ума, – заверила его Люс. – Просто интересуюсь.

– Я не мог тебе рассказать, – объяснил Дэниел. – Тут все взаимосвязано. До сих пор я даже не знал, что ты в состоянии сама это выяснить. Если бы я сказал тебе это слишком рано или в неподходящее время, тебя бы вновь не стало и опять пришлось бы ждать. А мне и так уже

пришлось ждать чересчур долго.

– Как долго?

– Не настолько, чтобы я успел забыть, что ты стоишь чего угодно. Любой жертвы. Любой боли.

Дэниел на мгновение прикрыл глаза. Потом открыл. Перевел взгляд на Пенн и мисс Софию.

Пенн сидела, прислонившись спиной к замшелому черному надгробию, подтянув колени к подбородку, и вдумчиво грызла ногти. Библиотекарша стояла, уперев руки в бока, с таким видом, будто ей есть что сказать.

Дэниел отступил на шаг назад, между ним и Люс тут же пронесся порыв холодного воздуха.

– Я все еще опасаясь, что ты в любую минуту можешь...

– Дэниел... – с упреком окликнула его мисс София.

Он отмахнулся.

– Для нас быть вместе не так просто, как тебе бы хотелось.

– Конечно же, нет, – признала Люс. – То есть ты ангел, но теперь, когда я это знаю...

– Люсинда Прайс.

На этот раз Люс оказалась объектом гнева мисс Софии.

– То, что он хочет сказать, тебе не понравится, – предупредила учительница. – И, Дэниел, ты не имеешь права. Это убьет ее.

Люс покачала головой, озадаченная заявлением мисс Софии.

– Думаю, я способна пережить немного правды.

– Это не «немного правды», – возразила библиотекарша, выступая вперед и вставая между ними. – И ты этого не переживешь. Как не переживала в течение тысяч лет после Падения.

– Дэниел, о чем она говорит?

Люс потянулась было к его запястью мимо мисс Софии, но та ей не позволила. В животе у девушки свернулся сухой клубок нервов.

– Я способна это выдержать, – настаивала она. – Не желаю больше никаких тайн. Я люблю его.

Она впервые сказала это вслух кому бы то ни было. И единственное, о чем сожалела, так это о том, что обратила три важнейших слова к мисс Софии, а не к самому Дэниелу. Девушка обернулась к нему с сияющими глазами.

– Это правда, – подтвердила она. – Я люблю тебя.

Хлоп.

Хлоп. Хлоп.

Хлоп. Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Неторопливые громкие аплодисменты раздались в зарослях деревьев позади них. Дэниел вздрогнул и обернулся, напрягшись. Люс захлестнул прежний страх. Она буквально оцепенела от ужаса перед тем, что он увидел в тенях, еще раньше, чем сама туда взглянула.

– О, браво. Браво! В самом деле я тронут до глубины души. А в наше время, как ни печально, меня трогает не столь уж многое.

На открытое пространство выступил Кэм. Его глаза окаймляла густая мерцающая золотистая тень, поблескивающая в лунном свете, отчего он походил на дикого кота.

– Это все столь невероятно мило, – заметил он. – А он любит тебя в ответ, не правда ли, красавчик? Что скажешь, Дэниел?

– Кэм, – предостерег Дэниел. – Не делай этого.

– Не делать, собственно, чего? – переспросил Кэм, вскинув левую руку.

И прищелкнул пальцами. Небольшой огонек размером с горящую спичку полыхнул в воздухе над его кистью.

– Ты имеешь в виду это?

Эхо от щелчка все не утихало, отражаясь от могил, нарастая и приумножаясь, пока металось туда-сюда. Поначалу Люс померещились в этом звуке новые аплодисменты, словно демонический зрительный зал, полный мрака, иронически рукоплескал их с Дэниелом любви так же, как Кэм. Но потом она вспомнила громоподобное хлопанье крыльев, которое слышала раньше. Затаила дыхание, когда шум принял форму этих тысяч клочков порхающей тьмы. Рой теней, похожих на саранчу, скрывшийся было в лесу, вновь бесновался у них над головами.

Они рокотали так громко, что девушке пришлось заткнуть уши. Пенн скорчилась в комок на земле, спрятав лицо в коленях. Дэниел и мисс София стойко наблюдали за небом, пока какофония нарастала и меняла тон. Звук стал больше напоминать очень шумные пульверизаторы, в которых закончилась вода, или шипение множества змей.

– Или это? – продолжил Кэм, пожав плечами, когда омерзительная бесформенная тьма окружила его.

Каждое насекомое стало увеличиваться и разворачиваться, делаясь все больше, что несвойственно насекомым, при этом сочась чем-то клейким и превращаясь в черное сегментчатое существо. Потом они медленно поднялись на бесчисленные ноги, как если бы учились пользоваться теньвыми конечностями по мере их появления, и двинулись вперед, словно богомолы высотой в человеческий рост.

Кэм радушно приветствовал кишачих вокруг него созданий. Вскоре они образовали целое войско ночи, воплощенной за его спиной.

– Прости, – небрежно бросил он, хлопнув себя ладонью по лбу. – Ты же просил меня не делать этого?

– Дэниел, – прошептала Люс. – Что происходит?

– Почему ты объявил об окончании перемирия? – окликнул он Кэма.

– Ох. Ну ты же знаешь, что говорят об отчаянных временах, – глумливо ощерился тот. – А при виде того, как ты покрываешь ее тело этими твоими, совершенно ангельскими поцелуями, не представляешь, какое отчаяние я ощутил.

– Заткнись, Кэм! – закричала Люс, с отвращением думая о том, что позволяла ему дотрагиваться до себя.

Кэм перевел взгляд на нее.

– В свое время. И да, мы собираемся поспорить, детка. За тебя. Снова.

Он погладил подбородок и прищурил зеленые глаза.

– На этот раз, я полагаю, серьезнее. С несколько большим ущербом. Смирись с этим.

Дэниел заключил Люс в объятия.

– Скажи мне, почему, Кэм? Уж это-то ты мне должен.

– Ты знаешь, почему, – объявил тот, указывая на нее. – Она все еще здесь. Ладно, это ненадолго.

Он опустил ладони на пояс, и несколько густых черных теней, теперь напоминающих по форме бесконечных толстых змей, заструились вверх по его телу, обвив руки словно браслеты. Кэм, не глядя, погладил по голове самую крупную из них.

– И теперь, когда твоя любовь развеется скорбным облачком пепла, это будет навсегда. Видишь, на этот раз все иначе.

Парень просиял улыбкой. Люс показалось, что Дэниел на миг содрогнулся.

– О, разве что одно осталось прежним, и я действительно питаю слабость к твоей предсказуемости, Григори.

Он шагнул вперед. Легионы его теней сдвинулись следом, отчего Люс, Дэниел, Пенн и мисс София разом отшатнулись назад.

– Ты боишься, – заключил Кэм, эффектным жестом указывая на Дэниела. – А я – нет.

– Это потому, что тебе нечего терять, – выплюнул тот. – Я ни за что не поменялся бы с тобой местами.

– Хм, – протянул Кэм, пальцем легонько постукивая себя по подбородку. – Это мы еще посмотрим.

Ухмыляясь, он огляделся вокруг.

– Мне что, повторить это для тебя по слогам? Пожалуй. Я слышал, на этот раз ты рискуешь кое-чем более значимым. В этой связи ее уничтожение может оказаться куда более приятным.

– О чем ты говоришь? – насторожился Дэниел. Слева от Люс мисс София открыла рот и издала воющую последовательность совершенно диких звуков. Она отчаянно размахивала руками над головой в отрывистом подобии танца, а ее глаза казались почти прозрачными, будто она погрузилась в некий транс. Ее губы подергивались, и потрясенная Люс осознала, что женщина говорит на неведомом языке, как это случается с верующими, пребывающими в религиозном экстазе.

Дэниел пожал ей руку.

– Нет, вы совершенно правы, это не имеет смысла, – прошептал он.

Он явно понимал эту причудливую речь.

– Ты знаешь, что она говорит? – спросила Люс.

– Позволь нам перевести, – выкрикнул знакомый голос с крыши мавзолея.

Арриана. А рядом с ней Габби. Обоих будто что-то освещало из-за спины, и окутывало непонятное серебристое сияние. Они спрыгнули с усыпальницы, беззвучно приземлившись рядом с Люс.

– Кэм прав, Дэниел, – быстро проговорила Габби. – На этот раз что-то отличается. И это касается Люс. Круг может быть разорван, и не так, как мы хотим. То есть все может закончиться.

– Кто-нибудь, объясните мне, о чем речь, – взмолилась Люс. – Что отличается? Как разорван? И в конечном счете, что стоит на кону в этой битве?

Дэниел, Арриана и Габби разом уставились на нее будто впервые. Как если бы она откуда-то была им знакома, но столь разительно изменилась за одно мгновение, что они перестали узнавать ее в лицо.

– На кону? – переспросила наконец Арриана и потерла шрам на шее. – Если они победят, на земле воцарится ад. Во всеобщем представлении – конец света.

Темные фигуры скрежетали вокруг Кэма, борясь и вгрызаясь друг в друга, словно в тошнотворной зловещей разминке.

– А если победим мы? – с трудом выговорила Люс.

– Мы пока не знаем, – сглотнув, мрачно сообщила Габби.

Внезапно Дэниел отшатнулся назад, прочь от девушки, и указал на нее.

– Она н-не была... – наконец выговорил он, запинаясь и прикрывая ладонью рот, и шагнул вперед, взяв ее за руку. – Поцелуй. Книга. Вот

почему ты можешь...

– Переходи к части Б, Дэниел, – подтолкнула его Арриана. – Думай быстрее. Терпение – суть добродетель, а ты знаешь, как к ним относится Кэм.

Дэниел стиснул руку Люс.

– Ты должна уйти, любым способом выбраться отсюда.

– Что? Почему?

В поисках поддержки она оглянулась на Арриану и Габби и тут же отпрянула от них, когда множество серебряных искорок хлынуло с крыши мавзолея, словно бесконечный поток светлячков, выпущенных из огромной банки. Они дождем осыпали обеих девушек, отчего их глаза засияли. Это напоминало фейерверки в День независимости, когда свет был точь-в-точь таким же, а Люс, глядя матери в глаза, видела в них, словно в зеркале, отражение салюта, рокочущих серебристых вспышек.

Вот только эти огоньки не улетучивались с дымом, подобно фейерверкам. Касаясь кладбищенской травы, они расцветали изящными радужно-переливчатыми существами. Их формы не повторяли в точности человеческие фигуры, но казались смутно узнаваемыми. Великолепные сияющие лучи света. Создания настолько восхитительные, что Люс мгновенно угадала в них ангельское войско, равное по мощи и численности могучей черной силе позади Кэма. Так выглядят истинная красота и добродетель, светящееся призрачное собрание существ, настолько чистых, что на них больно смотреть, будто это великолепное затмение или, возможно, сами небеса. Девушку должно было утешать то, что она на их стороне, а значит, они не могут не одержать победы в этой битве. Однако ей сделалось нехорошо.

Дэниел прижал тыльную сторону ладони к ее щеке.

– Ее лихорадит.

Габби потрепала Люс по руке и просияла.

– Все в порядке, лапушка, – сказала она, отводя руку Дэниела.

Ее тягучий выговор почему-то слегка успокоил Люс.

– Теперь этим займемся мы. Но тебе действительно нужно уйти.

Она оглянулась через плечо на темную орду за спиной Кэма.

– Сейчас же.

Дэниел притянул Люс к себе в прощальном объятии.

– Я ее заберу, – громко сообщила мисс София. Она по-прежнему держала под мышкой книгу.

– Я знаю безопасное место.

– Иди, – попросил Дэниел. – Я найду тебя сразу, как только смогу.

Только пообещай мне, что отсюда побежишь бегом и не станешь оглядываться.

У Люс еще оставалось множество вопросов.

– Я не хочу бросать тебя.

Арриана шагнула между ними и решительно подтолкнула девушку в сторону ворот.

– Время оставить эту битву нам. Мы, как-никак, профессионалы.

Пенн взяла Люс за руку, и они побежали, карабкаясь вверх, к выходу с кладбища, так же поспешно, как она спускалась, торопясь к Дэниелу, обратно по скользкому, усыпанному листвой склону, сквозь торчащие дубовые ветки и обломки древних надгробий. Они перепрыгивали через камни и ускоряли бег на ровном склоне, стремясь к далекой арке кованых чугунных ворот. Жаркий ветер раздувал волосы Люс, а влажный воздух по-прежнему густо оседал в легких. Она никак не могла разглядеть луну, чтобы сориентироваться по ней, а свет в середине кладбища уже успел погаснуть. Девушка не понимала, что происходит. Совсем. Более того, ей вовсе не нравилось, что все остальные прекрасно во всем разбираются.

Копье черноты ударило прямо перед Люс, расколов землю и разверзнув зазубренный провал. Они с Пенн едва успели остановиться. Шириной трещина могла сравниться с ростом с Люс. Что же касается глубины, дна в темноте не различить. Края ее шипели и исходили паром.

– Люс, мне страшно, – задохнулась Пенн.

– За мной, девочки, – окликнула их мисс София. Она увела их вправо, огибая темные могилы. За их спинами гремел один взрыв за другим.

– Просто звуки битвы, – пропыхтела библиотekarша, словно вела какую-то дикую экскурсию. – Боюсь, это продлится еще некоторое время.

Люс вздрагивала с каждым новым ударом, но продолжала двигаться вперед, пока икры не начали гореть. Пенн, чуть приотстав, застонала. Девушка обернулась и увидела, как она пошатнулась, закатив глаза.

– Пенн! – закричала Люс, едва успев подхватить подругу.

Она бережно опустила Пенн на землю и перекатила на бок. И почти пожалела о том, что сделала это. Плечо девушку было рассечено чем-то черным и иззубренным. Нечто впилось в кожу, оставив за собой обугленную плоть, воняющую горелым мясом.

– Все плохо? – хрипло прошептала Пенн.

Она часто-часто моргала, явно напуганная тем, что не может поднять голову, чтобы взглянуть своими глазами.

– Нет, – солгала Люс, покачав головой. – Просто порез.

Она сглотнула, борясь с подкатившей к горлу тошнотой, и попыталась

стянуть края изорванного рукава Пенн.

– Я не делаю тебе больно?

– Не знаю, – прохрипела подруга. – Я ничего не чувствую.

– Девочки, что за задержка? – к ним вернулась мисс София.

Люс подняла на нее глаза, надеясь, что библиотекарьша и словом не обмолвится о том, насколько страшно выглядит рана Пенн.

Она и не стала. Только коротко кивнула Люс, просунула руки под плечи и колени Пенн, подняла ее, словно родитель, укладывающий ребенка в постель.

– Я отнесу тебя, – сказала она. – Теперь уже недолго.

Люс последовала за мисс Софией, несущей Пенн так легко, словно та состояла из пуха.

– Эй. Как вам...

– Никаких вопросов, пока не уберемся отсюда подальше, – оборвала библиотекарь.

«Подальше». Люс меньше всего на свете хотелось оказаться вдали от Дэниела. К тому же, когда они пересекли границу кладбища и остановились на ровной поверхности школьного двора, она не удержалась и оглянулась. И сразу же поняла, почему Дэниел просил этого не делать.

Извивающийся серебристо-золотой столб пламени вырывался из темной глубины чаши. Шириной он не уступал самому кладбищу и походил на косу, сплетенную из света, вздымающуюся на сотни футов в воздух и испаряющую облака. Черные тени набрасывались на него, время от времени отрывая отдельные пряди и с визгом волоча в ночь. Пока скручивающиеся волокна переливались, становясь то более серебряными, то более золотыми, воздух заполнял единственный звучный аккорд, совершенный и бесконечный, громкий, словно могучий водопад. Низкие ноты рокотали в ночи. Высокие – звенели, разливаясь в окружающем пространстве. Это было самое величественное и самое гармоничное небесное созвучие, когда-либо слышанное на земле. Оно казалось и прекрасным, и ужасающим одновременно. Все кругом пропахло серой.

Должно быть, на мили вокруг все уже полностью уверились, что миру пришел конец. Люс не знала, что и думать. Ее сердце пропустило удар.

Дэниел просил не оглядываться, потому что знал, что от этого зрелища ей захочется вернуться к нему.

– О нет, только не это, – спохватилась мисс София, сгребла девушку за шиворот и потащила за собой через школьный двор.

Когда они добрались до спортзала, Люс наконец сообразила, что все это время библиотекарьша несла Пенн одной рукой.

– Да что вы такое? – спросила она, когда мисс София втолкнула ее внутрь.

Библиотекарша достала из кармана своего красного, расшитого стеклярусом кардигана длинный ключ и ткнула им в участок кирпичной стены, совершенно непохожий на дверь. Выход на длинную лестницу открылся бесшумно, и мисс София жестом велела Люс подниматься первой.

Веки Пенн были опущены: она либо потеряла сознание, либо ей стало слишком больно держать глаза открытыми. Во всяком случае, она оставалась неподвижной.

– Куда мы идем? – спросила Люс. – Нам нужно выбираться отсюда. Где ваша машина?

Ей не хотелось пугать подругу, но той явно необходим врач. И поскорее.

– Тише, если не хочешь все испортить.

Мисс София бросила взгляд на рану Пенн и вздохнула.

– Мы идем в единственную комнату здесь, которую еще не осквернили спортивным снаряжением. Там мы сможем уединиться.

К этому времени девушка на ее руках начала стонать. Кровь из плеча густой темной струйкой стекала на мраморный пол.

Люс посмотрела на круто уходящую вверх лестницу. Отсюда не было видно даже верхней площадки.

– Думаю, ради Пенн следует остаться внизу. Нам очень скоро понадобится помощь.

Мисс София снова вздохнула и уложила Пенн на камень, поспешно вернувшись на несколько шагов, чтобы запереть дверь, через которую они вошли. Люс упала на колени рядом с Пенн. Подруга казалась такой маленькой и хрупкой. В тусклом свете, сочащемся из изящного железного светильника у них над головами, девушка сумела, наконец, рассмотреть, насколько тяжело та ранена.

Пенн была единственным другом Люс в Мече и Кресте, на которого она могла полностью положиться, который ничем ее не пугал. После того, как она увидела, на что способны Арриана, Габби и Кэм, мало что казалось ей понятным. Но одно она знала точно. Пенн – единственная из учащих походила на нее саму.

Вот только была сильнее Люс. Сообразительнее, счастливее и легче характером. И лишь благодаря ей девушка вообще выдержала первые несколько недель в исправительной школе. Кто знает, где бы она оказалась, если бы не Пенн.

– О, Пенн. С тобой все будет хорошо. Мы это уладим.

Та пробормотала что-то неразборчивое, окончательно встревожив подругу. Люс вновь обернулась к мисс Софии, которая закрывала окна вестибюля.

– Она быстро слабеет, – отметила Люс. – Мы должны вызвать врача.

– Да-да, – согласилась библиотекарьша, пребывая, однако в рассеянности.

Судя по всему, ее внимание оказалось полностью поглощено запираанием здания, словно тени с кладбища могли вот-вот добраться и сюда.

– Люс, – прошептала Пенн, – я боюсь. Люс сжала ей руку.

– Не надо. Ты же такая храбрая. Все это время ты была настоящим столпом силы, на который всегда можно опереться.

– Да что ты говоришь, – бросила из-за ее спины мисс София таким резким тоном, какого она еще никогда от нее не слышала. – Скорее, похожа на соляной столп.

– Что? – растерянно переспросила Люс. – Что вы имеете в виду?

Крохотные глазки учительницы сощурились до узких черных щелочек, лицо все сморщилось. Она горестно покачала головой, потом очень медленно извлекла из рукава кардигана длинный серебряный кинжал.

– Эта девица нас только тормозит.

Глаза Люс округлились, когда она увидела, как мисс София заносит клинок над головой. Пенн в полуобморочном состоянии не понимала, что происходит. Сама Люс была в полном сознании.

– Нет! – закричала она.

И попыталась перехватить руку мисс Софии, отвести лезвие. Но та прекрасно знала, что делает, и ловко отразила порыв, свободной рукой оттолкнув ее в сторону. И чиркнула кинжалом по горлу Пенн.

Та захрипела и закашлялась, клокоча дыханием. Ее глаза закатились вверх, как бывало и раньше, когда она задумывалась. Вот только сейчас она не думала, а умирала. Под конец она встретила взглядом с Люс. Потом ее глаза медленно потускнели, затихло дыхание.

– Грязно, но необходимо, – заметила мисс София, насухо вытирая клинок о черный свитер девочки.

Люс попятилась, зажимая ладонью рот, не в силах ни закричать, ни отвести взгляд от умирающей подруги. Не в силах посмотреть на женщину, про которую думала, что она на их стороне. Внезапно девушка осознала, зачем мисс София запирала двери и окна в вестибюле. Не затем, чтобы удержать кого-то снаружи. А затем, чтобы удержать ее внутри.

Глава 19. С глаз долой

На верхней площадке лестницы обнаружилась ровная кирпичная стена. Любые тупики всегда пробуждали в Люс приступы клаустрофобии, а сейчас все и вовсе усугублялось ножом, приставленным к ее горлу. Девушка отважилась оглянуться на крутой пролет, по которому они поднялись. Отсюда это выглядело очень долгим и болезненным падением.

Мисс София опять говорила на непонятном языке, ворча вполголоса, пока умело отпирала еще одну потайную дверь. Она втолкнула Люс в крохотный придел и заперла за ними дверь. Внутри оказалось холодно, сильно пахло известковой пылью. Люс отчаянно пыталась дышать и сглотнуть едкую слюну, заполнившую рот.

Пенн не погибла. Всего этого просто не могло произойти. Мисс София не могла оказаться настолько злой.

Дэниел велел доверять женщине. Просил Люс оставаться с ней, пока сам не сможет за ней прийти.

Мисс София не обращала на нее внимания, обходя помещение, зажигая свечу за свечой, преклоняя перед каждой колени и продолжая читать что-то нараспев на языке, которого Люс не знала. Мерцающие огоньки постепенно открывали придел, чистый и ухоженный. А это, в свою очередь, подразумевало то, что не так уж много времени прошло с тех пор, как кто-то еще побывал здесь. Правда, мисс София наверняка единственная во всей школе владела ключом от потайной двери. Кто вообще может знать о существовании подобного места?

Облицованный красной плиткой потолок оказался скошенным и неровным. Широкие выцветшие гобелены с изображениями жутковатых рыболодей, сражающихся в бурном море, скрывали стены. Напротив двери помещался небольшой белый алтарь, несколько рядов простых деревянных скамей выстроились на сером каменном полу. Люс отчаянно огляделась в поисках выхода, но в помещении не было иных дверей. Не было даже окон.

Девушка вся дрожала от ярости и страха. Она мучительно горевала о Пенн, преданной и лежащей в одиночестве у подножия лестницы.

– Почему вы так поступаете? – спросила она, прислонясь спиной к входу в придел. – Я вам доверяла.

– Никто, кроме тебя, в этом не виноват, дорогая, – сообщила мисс София, грубо заламывая ей руку.

Вдруг у горла Люс вновь очутился кинжал, и ее повели вдоль по

проходу между скамьями.

– В лучшем случае, доверие легкомысленно. В худшем, это верный способ добиться собственной смерти.

Мисс София подтолкнула ее к алтарю.

– А теперь будь умницей и ляг, хорошо? Поскольку лезвие по-прежнему оставалось в опасной близости от горла, Люс послушалась. Ощутила шеей прохладу и вскинула к ней руку, а когда она отняла пальцы, их кончики оказались замараны красным от капельки крови, выступившей там, где нож проколол кожу. Мисс София резким ударом отбросила ее ладонь вниз.

– Если тебе это кажется ужасным, стоило бы взглянуть, что ты пропускаешь снаружи, – заметила она.

Люс содрогнулась. Снаружи остался Дэниел. Алтарь был белым и прямоугольным, цельной каменной плитой, размером не больше нее самой. Лежать на нем оказалось холодно, и она чувствовала себя отчаянно уязвимой, представляя, как ряды скамей заполняют тени-прихожане, ожидающие начала ее пытки.

Уставившись вверх, Люс заметила, что в этом приделе, похожем на пещеру, тем не менее, существует окно – крупная витражная розетка, напоминающая световой люк в своде. Ее украшал замысловатый геометрически-цветочный узор с красными и багровыми розами на темно-синем фоне. Но окно оказалось бы куда симпатичнее, если бы сквозь него хоть что-то можно было рассмотреть.

– Ну-ка, посмотрим, куда я... Ах, да!

Мисс София потянулась куда-то под алтарь и достала моток веревки.

– Теперь не ерзай, – предупредила она, помахав кинжалом в сторону Люс.

И принялась привязывать девушку к четырем отверстиям, выточенным в поверхности алтаря. Сначала щиколотки, потом запястья. Оказавшись связанной, словно какая-то жертва на заклатие, Люс отчаянно пыталась не дергаться.

– Превосходно, – заключила мисс София, как следует затянув хитрые узлы.

– Вы задумали все это с самого начала, – догадавшись, ужаснулась Люс.

Женщина улыбнулась ей так же ласково, как и в первый день, когда она забрела в библиотеку.

– Я бы сказала «ничего личного», Люсинда, но, на самом деле, это не так, – хихикнула мисс София. – Я так долго ждала, когда останусь с тобой

наедине.

– Но почему? Чего вы хотите от меня?

– От тебя я хочу лишь одного, избавиться. А вот Дэниела мне бы хотелось освободить.

Женщина оставила Люс на алтаре и перешла к аналою, стоящему у той в ногах. Положила туда книгу Григори и принялась быстро листать страницы. Девушка вспомнила, как сама откинула обложку и впервые увидела собственное лицо рядом с Дэниелом. Как на нее обрушилось осознание того, что он ангел. Тогда она почти ничего не знала, однако мгновенно уверилась, что этот снимок означает для них обоих возможность быть вместе.

Теперь это казалось недостижимым.

– Ты же просто сидишь на месте и сохнешь по нему, не так ли? – спросила мисс София.

Она резко захлопнула книгу и ударила кулаком по обложке.

– В этом-то вся и трудность.

Люс задергалась в веревках, притягивающих ее к алтарю.

– Да что с вами такое? Почему вас вообще заботит, как мы с Дэниелом относимся друг к другу, или кто из нас с кем встречается?

Все это никак не могло касаться этой психопатки.

– Как бы мне хотелось побеседовать с тем, кто счел блестящей идеей вручить судьбу всех наших бессмертных душ в руки парочки влюбленных детишек.

Мисс София вскинула трясущийся кулак высоко вверх.

– Они хотят, чтобы нарушилось равновесие? Я им покажу, как нарушать равновесие.

Острие кинжала поблескивало в свете свечей. Люс отвела взгляд от клинка.

– Вы сошли с ума.

– Если желание положить конец длиннейшей величайшей битве в истории означает сумасшествие, – очевидно, библиотекаря намекала на то, что девушка, должно быть, непрошибаемо тупа, если до сих пор этого не понимает, – что ж, быть по сему.

Даже мысль о том, что эта женщина может как-то повлиять на окончание битвы, не укладывалась у Люс в голове. Дэниел сражался там, снаружи. А то, что происходило здесь, не могло с этим сравниться. Вне зависимости от того, переметнулась ли мисс София на другую сторону.

– Они сказали, это будет ад на земле, – прошептала Люс. – Конец света.

Женщина рассмеялась.

– Сейчас тебе может показаться все что угодно. Неужели так удивительно, что я на стороне хороших ребят, а, Люсинда?

– Если вы на стороне хороших ребят, похоже, эта война не стоит того, чтобы в ней сражаться.

Мисс София улыбнулась, будто ожидала именно этих слов.

– Твоя смерть может оказаться именно тем толчком, который нужен Дэниелу. Небольшим, но в правильном направлении.

Люс извивалась на алтаре.

– Вы не причините мне вреда.

Женщина вернулась и низко склонилась к ее лицу. Фальшивый старушечий запах детской присыпки забил Люс ноздри, она поперхнулась.

– Еще как причину, – пообещала мисс София, покачивая седыми всклокоченными кудрями. – Ты просто головная боль во плоти.

– Но я всего лишь вернусь обратно. Дэниел мне сказал.

Люс сглотнула.

«Через семнадцать лет».

– О нет, не вернешься. Не на этот раз, – возразила женщина. – В тот первый день, когда ты зашла ко мне в библиотеку, я что-то заметила в твоих глазах, но не смогла точно определить, что именно.

Она улыбнулась девушке сверху вниз.

– Я уже много раз встречалась с тобой, Люсинда, и большей частью ты бывала откровенно скучна.

Люс застыла, чувствуя себя так, словно лежит голая на этом алтаре. Одно дело Дэниел, встречавший ее в прежних жизнях, но то, что ее знали и другие...

– На этот раз, – продолжала мисс София, – в тебе появилось что-то резкое. Истинная искра. Но понять, в чем дело, мне удалось только сегодня, после чудной оговорки о родителях-агностиках.

– Что вам за дело до моих родителей? – прошипела Люс.

– Ну, милая моя, причина, по которой ты возвращалась сюда снова и снова, в том, что во все прежние разы, когда ты рождалась, тебя воспитывали в набожности. Теперь же, поскольку родители не стали тебя крестить, твоя душа осталась открытой для притязаний всех желающих.

Она театрально пожала плечами.

– Никакой церемонии крещения, иначе говоря, посвящения тебя в религию. А значит, никаких перерождений. Маленькая, но существенная лазейка в твоём цикле, Люс..

Не на это ли намекали Арриана и Габби? Виски у девушки заломило

от боли. Пелена красных точек застила ей взгляд, в ушах звенело. Она медленно моргнула, но даже это легкое движение век прогремело в голове, словно взрыв. Ее едва ли не радовало, что, по крайней мере, она лежит. Иначе просто упала бы в обморок.

Если это и правда конец... Но, нет, не может быть. Мисс София низко-низко склонилась к ее лицу, брызгая слюной одновременно со словами.

– Когда ты сегодня умрешь, то умрешь окончательно. Канешь в небытие. Так-то вот. Это конец. В нынешней жизни ты оказалась глупой, самовлюбленной, невежественной, испорченной девчонкой, полагающей, что судьба мира зависит от того, удастся ли ей пойти на свидание с симпатичным одноклассником. Даже если твоя смерть не приведет к столь долгожданным, блистательным и грандиозным последствиям, я все равно буду счастлива тебя убить.

На глазах у девочки она подняла клинок и проверила пальцем лезвие.

Голова Люс шла кругом, ведь за этот день ей пришлось освоить огромное количество информации, исходившей от множества людей. И вот теперь над ее сердцем занесен кинжал. В глазах снова потемнело. Острие кольнуло кожу. Мисс София принялась прощупывать ее тело вдоль грудины в поисках просвета между ребрами. Люс решила, что в сводящих с ума словах женщины есть своя доля правды. Вложить столько надежд в могущество истинной любви, которую, по озвучениям, она едва начала осознавать, наивно ли это? В конце концов, истинная любовь не сможет выиграть битву снаружи. Возможно, ей даже не удастся спасти девушку от смерти на этом алтаре.

Но она должна. Сердце Люс по-прежнему билось ради Дэниела и будет биться до тех пор, пока это не изменится. Что-то в глубине ее души будет верить в любовь, способную изменить ее к лучшему, превратить их с Дэниелом в нечто великолепное и благое.

Девушка вскрикнула, едва кинжал проткнул ей кожу, а потом от потрясения, когда витражное окно над ее головой будто разлетелось осколками, и воздух заполнили свет и звук.

Глухой величественный гул. Ослепительное сияние.

Значит, она все-таки умерла.

Лезвие погрузилось глубже, чем ей показалось. И теперь Люс отправится в мир иной. Как еще объяснить пылающие переливчатые фигуры, спускающиеся с неба и парящие над ней, водопад искр, небесное сияние? В теплом серебристом свете было трудно что-либо четко разглядеть. Скользя по коже, свет ощущался мягчайшим бархатом, сахарной глазурью на торте. Веревки, стягивающие руки и ноги, ослабили и

опали. Тело, или, может быть, душа, освободилось, готовое воспарить к небу.

До Люс донесся голос мисс Софии.

– Только не сейчас! – блеяла та. – Слишком рано!

И библиотекарьша выдернула клинок из ее груди. Люс часто заморгала. Ее запястья развязаны, лодыжки свободны. Крошечные осколки синего, красного, зеленого и золотистого стекла усеивали тело, алтарь и пол под ним. Когда она их смахнула, ладонь обожгло болью, а на коже остались тонкие следы крови. Сощурившись, девушка подняла взгляд на зияющую в потолке дыру.

Значит, не мертва, а спасена. Ангелами. Дэниел пришел за ней.

Где же он? Она почти ничего не видела. Хотелось на ощупь брести сквозь свет, пока пальцы не найдут его и не сомкнутся в замок за его шеей, чтобы больше никогда не отпускать.

Но вокруг мелькали лишь живые переливчатые фигуры. Комната словно наполнилась горящими перьями. Они слетались к Люс, выбирая участки тела, где она порезалась битым стеклом. Мазки прозрачного света, казалось, каким-то образом смывали кровь с ее рук и неглубокой ранки на груди, пока не исцелили полностью.

Мисс София отбежала к дальней стене и теперь судорожно общаривала кирпичную кладку в поисках потайной двери. Девушке хотелось ее остановить, чтобы та ответила за совершенное или едва не совершенное ею, однако потом часть серебристого мерцания приобрела легчайший лиловый оттенок и принялась очерчивать контур фигуры.

Четкая пульсация сотрясла комнату. От столь блистательного света, способного, пожалуй, затмить солнце, стены зарокотали, а свечи закачались, мерцая, в высоких бронзовых подсвечниках. Зловещие гобелены захлопали по каменной кладке. Мисс София съежилась, зато Люс трепетное сияние показалось не более чем глубоким массажем, проникающим до самых костей. А когда сгустился свет, распространяя тепло, он сложился в знакомую и нежно любимую фигуру.

Перед Люс, заслоняя алтарь, стоял Дэниел, босой, без рубашки, в одних только белых полотняных штанах. Он улыбнулся ей, закрыл глаза и раскинул руки в стороны. Затем, робко и очень медленно, будто опасаясь ее спугнуть, глубоко выдохнул, и его крылья начали разворачиваться.

Они появлялись постепенно, начиная с основания плеч. Два белых ростка, пробившихся из спины, становились все выше, шире и гуще по мере того, как расправлялись вверх, назад и в стороны. Люс не могла отвести взгляда от фестончатых краев, мечтая коснуться их руками, лицом,

губами. Внутренняя поверхность засветилась бархатистым блеском. В точности как в ее сне. Правда, теперь, когда сон, наконец, стал явью, она впервые смогла посмотреть на его крылья без головокружения, не напрягая глаза. Смогла принять Дэниела во всей его славе.

Он по-прежнему сиял, будто подсвеченный изнутри. Люс ясно различала его лилово-серые глаза и нежные губы, сильные руки и широкие плечи. Она могла шагнуть вперед и окунуться в свет своего возлюбленного.

Дэниел протянул к ней руку. Люс закрыла глаза, ожидая от его прикосновения чего-то явно сверхъестественного, непостижимого для человеческого тела. Но нет. К ее облегчению, это оказался Дэниел из плоти и крови.

Девушка потянулась к нему за спину, чтобы потрогать крылья. Она нащупывала их почти испуганно, как если бы они могли обжечь, но, оказалось, они заструились под ее пальцами, мягче самого гладкого бархата, самого пышного ковра. Ей нравилось воображать, что именно такими оказались бы на ощупь пушистые, пропитанные солнцем облака, если бы она могла зачерпнуть их в ладони.

– Ты такой красивый, – прошептала Люс. – То есть, ты всегда был красивым, но сейчас...

– Это тебя не пугает, – тихо спросил Дэниел. – Тебе не больно смотреть?

Она покачала головой.

– Я думала, так может случиться, – сказала она, вспоминая свои сны. – Однако мне не больно смотреть.

Он с облегчением вздохнул.

– Мне бы хотелось, чтобы рядом со мной ты чувствовала себя в безопасности.

Мерцающий свет вокруг них падал, как конфетти. Дэниел привлек Люс к себе.

– Тебе многое приходится воспринимать.

Она запрокинула голову назад и приоткрыла губы, в настоящий момент желая воспринимать только его.

Их прервал грохот хлопнувшей двери. Мисс София все же выбралась на лестницу. Дэниел едва заметно кивнул, и следом за женщиной через потайной проход метнулась пламенеющая фигура.

– Что это было? – Люс наблюдала за тем, как быстро угасает след света в открытом проеме.

– Помощник.

Дэниел за подбородок притянул к себе ее лицо.

И тогда, хотя он находился рядом, а она ощущала себя любимой, защищенной и спасенной, ее обуяла неуверенность при воспоминании о только что произошедших мрачных событиях, и о Кэме с его рокоющими черными подручными. В ее сознании попрежнему мельтешило слишком много вопросов, оставшихся без ответа, слишком много жутких происшествий, которых она никогда не сможет постичь. Например, жестокое, бесчеловечное убийство бедной, милой, невинной Пенн. Все это вновь захлестнуло Люс, и к ней задрожали губы.

– Пенн больше нет, Дэниел, – выговорила она. – Мисс София ее убила. Более того, на миг показалось, что она убьет и меня.

– Я бы ни за что не допустил этого.

– Откуда ты узнал, где меня искать? И вообще, как тебе удастся всегда находиться в курсе, что меня надо спасать?

Люс покачала головой.

– О боже мой, – медленно прошептала она, осознавая. – Я поняла. Ты мой ангел-хранитель.

Дэниел фыркнул.

– Не совсем. Хотя, думаю, я должен быть польщен.

Люс зарделась.

– Тогда что же ты за ангел?

– Сейчас я вроде как временно безработный. Серебристый свет за его спиной, задержавшись в комнате, слился и распался надвое. Люс повернулась посмотреть, и ее сердце забилось чаще, когда сияние собралось вокруг четких очертаний двух фигур, как до этого вокруг Дэниела.

Аррианы и Габби.

Крылья Габби, широкие, пушистые, втрое превышающие размеры ее фигуры, уже развернулись. Пернатые, с мягко закругленными краями, они походили на ангельские крылья с поздравительных открыток, лишь слегка тронутые розовым налетом у самых кончиков. Люс обратила внимание на то, как они слегка подрагивают, а ноги Габби находятся в нескольких дюймах над землей.

У Аррианы крылья оказались более гладкими, блестящими и с более четко очерченными краями, почти как у гигантской бабочки. Частично полупрозрачные, они сияли и отбрасывали переливающиеся лучи света на каменный пол мерцающие. Как и сама Арриана, они казались причудливыми, очаровательными и совершенно хулиганскими.

– Мне следовало бы догадаться, – заметила Люс, расплываясь в улыбке.

Габби улыбнулась в ответ, а Арриана изобразила небрежный реверанс.

– Что там творится? – Дэниел заметил встревоженное выражение на лице Габби.

– Нам нужно вытащить отсюда Люс.

Битва. Разве она еще не закончилась? Если Дэниел, Габби и Арриана здесь, значит, должно быть, они победили, верно? Взгляд Люс метнулся к Дэниелу. Выражение его лица ничего не выдавало.

– И кому-то стоит отправиться за Софией, – добавила Арриана. – Она не могла действовать в одиночку.

Люс сглотнула.

– Она на стороне Кэма? Она что, какой-нибудь дьявол? Падший ангел?

Это было одним из немногих понятий, осевших у нее в голове после лекции мисс Софии.

Дэниел стиснул зубы. Даже его крылья казались заостренными от ярости.

– Не дьявол, – проворчал он, – но и никак не ангел. Мы считали, что она с нами. Не следовало позволять ей подобраться так близко.

– Она была одной из двадцати четырех старших, – дополнила Габби, опустившись на пол и сложив бледно-розовые крылья за спиной так, чтобы, усевшись, уместиться на алтаре.

– Весьма почтенное положение. Надо заметить, эту сторону своей натуры она превосходно маскировала.

– Как только мы поднялись сюда, она, похоже, вообще обезумела, – заметила Люс, потерев шею там, где ее кольнул кинжал.

– Они и в самом деле безумцы, – заметила Габби. – Кроме того, весьма честолобивые. Она состоит в тайной секте. Мне следовало бы понять это раньше, но теперь все признаки налицо. Они называют себя Шмаэлим, одинаково одеваются, и все, как один, не лишены определенного изящества. Я всегда считала, что они больше рисуются, чем что-либо делают. Никто не принимал их всерьез на небесах. Однако теперь придется. То, что она натворила сегодня, уже основание для изгнания. Возможно, ей светит куда больше общества Кэма и Молли, чем ей самой бы хотелось.

– Так Молли тоже падший ангел, – догадалась Люс.

Из всего, что она узнала за сегодняшний день, это казалось наиболее осмысленным.

– Все мы падшие ангелы, Люс, – уточнил Дэниел. – Просто находимся по разные стороны.

– А есть тут кто-то еще, – она сглотнула, – с другой стороны?

– Роланд, – объявила Габби. Люс была ошеломлена.

– Роланд? Но вы ведь с ним дружили. Да и он всегда был таким обаятельным и классным.

Дэниел пожал плечами. Арриана выглядела печальной и обеспокоенной. Ее взволновавшиеся крылья всплеснули так, что по комнате хлестнуло порывом пыльного ветра.

– Однажды мы вернем его, – тихо пообещала она.

– А что насчет Пенн? – в горле Люс комом встали слезы.

Дэниел покачал головой, стиснув ее ладонь.

– Пенн была смертной. Невинная жертва долгой, бесцельной войны. Мне так жаль, Люс.

– Так вся эта битва снаружи?.. – девушка задохнулась слезами, по-прежнему не в состоянии заставить себя говорить о Пенн.

– Лишь одна из многих битв, которые мы ведем против демонов, – отозвалась Габби.

– Ну, и кто победил?

– Никто, – горько констатировал Дэниел, подобрал крупный осколок витражного окна и запустил им через весь придел. Тот разлетелся на сотню крохотных стеклянных брызг, но, казалось, это не умерило гнев парня.

– Никто никогда не побеждает. Одному ангелу почти невозможно уничтожить другого. Поэтому все оборачивается долгим сражением, пока она не устанут и не объявят перерыв.

Люс вздрогнула от вспыхнувшего в сознании странного видения. Будто Дэниела ударило в плечо одно из тех длинных черных копий, которыми ранило Пенн. Девушка открыла глаза, посмотрела в ту сторону. И увидела кровь.

– Ты ранен, – прошептала она.

– Нет, – возразил Дэниел.

– Он не может быть ранен, он же...

– Что у тебя на руке, Дэниел? – Арриана указала туда. – Это ведь кровь?

– Это кровь Пенн, – отрывисто пояснил Дэниел. – Я нашел ее у подножия лестницы.

Сердце Люс сжалось.

– Мы должны похоронить Пенн, – сказала она. – Рядом с ее отцом.

– Люс, милая, – вставая, обратилась к ней Габби. – Хотелось бы мне, чтобы у нас было на это время, но сейчас нужно идти.

– Я ее не брошу. У нее больше никого нет.

– Люс, – потирая лоб, взмолился Дэниел.

– Она умерла у меня на руках, Дэниел. Потому что я не придумала

ничего лучшего, чем последовать за мисс Софией в эту камеру пыток. И никто из вас меня не просветил.

Она обвела взглядом всех троих.

– Ладно, – согласился Дэниел. – Мы сделаем для Пенн все, что сможем. Но потом нам нужно будет увести тебя подальше отсюда.

Порыв ветра ворвался сквозь дыру в потолке, отчего свечи замерцали, а оставшиеся в разбитом окне куски стекла зашатались. В следующее мгновение те осыпались вниз дождем острых осколков.

Габби очень вовремя соскользнула с алтаря и подошла к Люс. Хотя, похоже, это ее ничуть не взволновало.

– Дэниел прав, – заметила она. – Перемирие, объявляемое после битвы, распространяется лишь на ангелов. А теперь, когда столь многим известно об, – она помешкала и прочистила горло, – хм, об изменении статуса твоей смертности, найдется немало плохих ребят, которые тобой заинтересуются.

Крылья Аррианы приподняли ее над полом.

– И множество хороших, которые помогут удержать их поодаль, – добавила она и скользнула к Люс с другой стороны, будто желая успокоить.

– Я по-прежнему не понимаю, почему это так важно? – Люс недоумевала. – Почему я так важна? Только потому, что Дэниел меня любит?

Он вздохнул.

– Отчасти поэтому, как бы невинно это ни звучало.

– Знаешь ли, многим не по душе такие вот счастливые парочки, – встряла Арриана.

– Милая, это очень долгая история, – сообщил голос рассудка в лице Габби. – И рассказывать ее тебе мы сможем лишь понемногу за один раз.

– И, как с моими крыльями, – добавил Дэниел, – большую часть тебе придется осознать самой.

– Почему?.

Этот разговор принес столько разочарований. Люс чувствовала себя ребенком, которому говорят, что он все поймет, когда вырастет.

– Почему вы не можете просто помочь мне понять?

– Мы можем помочь, – уточнила Арриана, – но не хотим вываливать на тебя все разом. Это как с лунатиками, бытует мнение, что их не следует резко будить. Слишком уж опасно.

Люс обхватила себя руками за плечи.

– Это меня убьет, – произнесла она вслух то, что так тщательно обходили остальные.

Дэниел обнял ее.

– Так уже бывало. А для одной ночи тебе уже вполне достаточно встреч со смертью.

– И что теперь? Мне нужно покинуть школу? – она посмотрела на него. – Куда ты меня заберешь?

Он нахмурился и отвел взгляд.

– Я никуда не могу тебя забрать. Это привлечет слишком много внимания. Мы собираемся положиться на кое-кого другого. Есть тут один смертный, которому мы можем доверять.

Он покосился на Арриану.

– Я его приведу, – откликнулась та.

– Я тебя не оставлю, Дэниел, – возразила Люс, и ее губы дрогнули. – Ты ведь едва вернулся ко мне.

Он поцеловал ее в лоб, пробудив в ней тепло, разлившееся по всему телу.

– К счастью, у нас есть еще немножко времени.

Глава 20. Рассвет

Заря. Начало последнего дня, который Люс увидит в Мече и Кресте, за... ну, словом, она сама не знала, как долго. Воркование одинокого дикого голубя разносилось по шафранному небу, когда она вышла из заросших кудзу дверей спортзала и медленно направилась в сторону кладбища, держась за руки с Дэниелом. Проходя по двору, оба молчали.

Перед тем, как покинуть придел, остальные убрали крылья. Это был трудоемкий, отрезвляющий процесс, оставивший их полусонными, когда они вернулись в человеческий облик. Даже своими глазами наблюдая за превращением, Люс не могла поверить, что огромные сияющие крылья могут сделаться столь крохотными и хилыми, а потом и вовсе исчезнуть в ангельской коже.

Когда все закончилось, она провела ладонью по спине Дэниела. Впервые он показался ей застенчивым и чувствительным к ее прикосновению. Тем не менее, кожа была гладкой и безупречной, как у младенца. А на его лице, как, впрочем, на лицах их всех, по-прежнему мерцал серебристый свет, пылающий изнутри и лучащийся во всех направлениях.

Под конец они отнесли Пенн вверх по крутой каменной лестнице в придел, начисто смахнули с алтаря осколки стекла и уложили ее там. Этим утром им никак не удастся ее похоронить. Во всяком случае, по словам Дэниела, не на кладбище, битком набитом мертвыми. Так непременно и будет.

Люс оказалось мучительно больно смириться с тем, что придется удовольствоваться несколькими прощальными словами, обращенными к подруге здесь, в приделе.

– Теперь ты с отцом, – только и нашлась она. – Уверена, он счастлив вновь встретиться с тобой.

Дэниел похоронит Пенн, как подобает, едва в школе уляжется шум. Люс покажет ему, где находится могила ее отца, чтобы она смогла упокоиться с ним рядом. Это самое меньшее из того, что девушке хотелось бы сделать для подруги.

Пока они шли через школьный двор, на сердце у Люс было тяжело. Джинсы и майка казались растянутыми и грязными. Ногтям требовался хороший уход, радовало только отсутствие вокруг зеркал, благодаря чему не бросалось в глаза то, что творилось на голове. Ей так хотелось бы

отмотать назад мрачную половину ночи, а больше всего прочего спасти Пенн, но при этом оставить лучшие мгновения. Сладкий трепет, когда она угадала истинную природу Дэниела. Миг, когда он явился ей в полном блеске своей славы. Зрелище того, как расправили крылья Габби и Арриана. Этой ночью произошло столько всего прекрасного.

И столь многое из этого обернулось полнейшим гнетущим крахом.

Люс ощущала его, витающего в атмосфере, словно зараза. Читала его на лицах учащихся, бродящих по двору. Любому из них еще слишком рано просыпаться, а значит, все они должны были в какой-то мере услышать, или увидеть, или почувствовать битву, случившуюся этой ночью. Что они поняли? Ищет ли кто-нибудь Пенн? Или мисс Софию? Как они объясняют происшедшее? Все держались по двое и переговаривались приглушенным шепотом. Люс отчаянно хотелось задержаться рядом с кем-нибудь подольше и подслушать.

Дэниел сжал ее руку.

– Не волнуйся. Просто изобрази на лице недоуменное выражение, как у любого из них. И никто не обратит на нас внимания.

Хотя она и ощущала себя крайне подозрительной, он прав. Никто из ребят не задержался на них взглядом дольше, чем на ком бы то ни было еще.

У ворот кладбища полицейские мигалки вспыхивали синим и белым, отражаясь в дубовой листве. Вход был перегорожен желтой лентой.

Люс заметила впереди темную фигуру Рэнди, вырисовывающуюся на фоне восхода. Она расхаживала перед кладбищенскими воротами и орала в беспроводное устройство, прицепленное к воротнику бесформенной рубашки-поло.

– Думаю, вам следует его разбудить, – прикрикнула она на микрофон. – В школе происшествие. Я же вам говорю. Да не знаю я.

– Должен тебя предупредить, – Дэниел обратился к Люс, уводя ее дальше от Рэнди и мигающих огней полицейских машин, сквозь дубовую рощу, ограждавшую кладбище с трех сторон. – Там, внизу, тебе многое покажется странным. Манера Кэма вести бой несколько грязнее нашей. Она не жестокая, просто другая.

Люс полагала, что теперь уже немногому удастся ее встревожить и, определенно, не зацепить несколькими опрокинутым статуям. Ребята пробирались по лесу, хрупкая палая листва шуршала у них под ногами. Девушка вспомнила о том, как прошлой ночью эти деревья поглотило грохочущее облако теневой саранчи. Теперь от той не осталось и следа.

Вскоре Дэниел указал на изрядно погнутой участок кованой ограды.

– Мы можем войти здесь и при этом остаться незамеченными. Правда, придется поторопиться.

Выйдя из-под укрытия деревьев, Люс, наконец, поняла, что он имел в виду, говоря о том, каким ей покажется кладбище. Они стояли на самом краю, неподалеку от могилы отца Пенн в восточном углу, но разглядеть что-то дальше, чем в нескольких футах, оказалось невозможным. Воздух над землей казался настолько плотным, что его с трудом можно было вообще расценить, как воздух. Он был густым, серым, песчаным, и Люс приходилось разгонять его руками, чтобы смотреть перед собой.

Она потеряла друг о друга сложенные щепотью пальцы.

– Это что.

– Пыль, – Дэниел взял ее за руку, когда они двинулись дальше.

Он явно мог видеть сквозь эту пыль, не задышался и не выкашливал ее из легких, в отличие от Люс.

– Ангелы не погибают на войне. Однако их битвы оставляют после себя толстый слой подобной пыли.

– И что с ней происходит дальше?

– Ничего, если не считать, что она сбивает с толку смертных. В конце концов, она осядет, и тогда они съедутся сюда целыми вагонами, чтобы изучать ее. В Пасадене живет один безумный ученый, который считает ее следами НЛО.

Содрогнувшись, Люс подумала о неопознанном летающем черном облаке насекомоподобных объектов. Возможно, этот ученый не так уж далек от истины.

– Отец Пенн похоронен там, повыше, – сообщила она, указывая направление, когда они приблизились к нужному месту кладбища.

Как бы жутко ни выглядела пыль, девушка с облегчением отметила, что все могилы, статуи и деревья на кладбище, похоже, остались невредимыми. Она опустилась на колени и стерла покров пыли с могилы, которая, по ее мнению, принадлежала отцу Пенн. Под дрожащими пальцами открылись буквы, от вида которых она едва не расплакалась.

«Стэнфорд Локвуд, лучший отец в мире».

Участок рядом с могилой мистера Локвуда был пуст. Люс с сожалением топнула ногой, расстроенная тем, что ее подруга присоединится к нему. Расстроенная тем, что сама она не сможет даже присутствовать и подобающим образом помянуть Пенн.

Когда кто-нибудь умирает, люди говорят о том, что покойные пребывают на небесах. Ей всегда казалось, что она не в курсе правил этого ритуала, а теперь еще менее осведомлена о том, что может и чего не может

быть.

Скорбя, со слезами на глазах она обернулась к Дэниелу. Его лицо вытянулось.

– Я позабочусь о ней, Люс, – пообещал он. – Понимаю, тебе бы хотелось не этого, но мы сделаем все, что сможем.

Слезы хлынули сильнее. Люс шмыгала носом и всхлипывала, отчаянно желая вернуть Пенн, и едва не рухнула в изнеможении.

– Я не могу оставить ее, Дэниел. Разве я вправе? Дэниел нежно утер ее слезы тыльной стороной ладони.

– То, что случилось с Пенн, ужасно. Огромная ошибка. Но когда сегодня уйдешь, ты не оставишь ее. Она всегда с тобой.

Он положил ладонь ей на сердце.

– И все же я не могу.

– Можешь, Люс, – твердо сказал он. – Поверь мне. Ты даже не представляешь, на какие невероятные, решительные поступки способна. И если в этом мире еще осталось, хоть что-то хорошее, ты скоро узнаешь об этом, – добавил он, отвернувшись от нее и уставившись на деревья.

Короткий гудок полицейской сирены заставил их подпрыгнуть. Хлопнула дверца машины, и неподалеку от того места, где они стояли, захрустели ботинки по гравию.

– Что за черт. Ронни, звони в участок. Вызови сюда шерифа.

– Идем, – позвал Дэниел, протягивая Люс руку. Она взяла его за руку, напоследок печально погладив надпись на надгробии мистера Локвуда, и двинулась обратно к восточному краю кладбища. Они добрались до погнутой части замысловатой кованной ограды и быстро нырнули в дубовую рощу.

Волна холодного воздуха окатила девушку. В ветвях дерева впереди она заметила три небольшие взволнованные тени, висящие вниз головой, как летучие мыши.

– Поторопись, – велел Дэниел.

Когда они проходили мимо, тени с шипением отпрянули, понимая, что не стоит связываться с Люс, пока с ней рядом Дэниел.

– Куда теперь? – спросила она на опушке дубовой рощи.

– Закрой глаза.

Она послушалась. Руки Дэниела обхватили ее сзади за талию, а сильная грудь прижалась к ее плечам. Он поднял ее над землей. Сначала, может, на фут, а потом и выше, пока нежные листья древесных верхушек не скользнули по ее плечам, пощекотав шею, когда они поднялись над ними. И еще выше, пока не оставили рощу далеко внизу, окунувшись в яркое

утреннее солнце. Люс терзало искушение открыть глаза, однако в глубине души она чувствовала, что это для нее слишком. Она не уверена, что готова. Кроме того, ощущения свежего воздуха на лице и порывистого ветра в волосах оказалось достаточно. Более чем достаточно. Божественно. Складывалось ощущение, сродни катанию на океанской волне. Она уже не сомневалась, что за этим тоже стоит Дэниел.

– Теперь можешь открыть глаза, – тихо предложил он.

Люс вновь ощутила под ногами землю и увидела, что они находятся в том самом единственном месте, где ей хотелось быть. Под магнолией, растущей у берега озера.

Дэниел привлек ее ближе.

– Мне хотелось привести тебя сюда, поскольку в этом месте – в одном из многих мест за эти последние несколько недель – я просто мечтал тебя поцеловать и едва не сошел с ума, когда пришлось нырнуть в воду.

Люс привстала на цыпочки, запрокинув голову, чтобы поцеловать Дэниела. Ей в тот день тоже отчаянно этого хотелось, а теперь она и вовсе остро нуждалась в этом. Его поцелуй – единственное что могло ее утешить и напомнить о том, что существует нечто, ради чего жить дальше, даже если Пенн больше нет. Нежное прикосновение его губ успокоило ее, словно теплое питье глубокой зимой, когда промерзаешь до самых костей.

Но слишком скоро он отстранился, печально глядя на нее.

– И вот еще одна причина, по которой я привел тебя сюда. С этой скалы начинается путь, который мы должны проделать, чтобы доставить тебя в безопасное место.

Люс опустила взгляд.

– О.

– Мы прощаемся не навсегда, Люс. Более того, надеюсь, даже ненадолго. Нам просто надо посмотреть, как будут развиваться события.

Он пригладил ей волосы.

– Пожалуйста, не беспокойся. Я всегда приду к тебе и не отпущу тебя, пока ты этого не поймешь.

– В таком случае, я отказываюсь понимать. Дэниел чуть слышно рассмеялся.

– Видишь вон тот просвет?

Он указал на другой берег озера примерно в полумиле от них, где заросли леса уступали место ровному, поросшему травой холму. Прежде Люс его не замечала, но теперь увидела там маленький белый самолет с красными подмигивающими огоньками на крыльях.

– Это для меня?

После всего произошедшего вид самолета почти не взволновал ее.

– А куда я направляюсь?

Девушка не могла поверить, что покидает место, которое так ненавидела, но в котором столько пережила всего за несколько недель. Во что же теперь превратится Меч и Крест?

– Что случится с этим местом? И что я скажу родителям?

– Пока что попробуй не беспокоиться. Как только ты окажешься в безопасности, мы уладим все, что понадобится. Мистер Коул может позвонить твоим родителям.

– Мистер Коул?

– Он на нашей стороне, Люс. Ты можешь ему доверять.

Она уже доверилась мисс Софии. И едва знает мистера Коула. Он выглядит настолько по-учительски. И эти его усы. Предполагается, что она покинет Дэниела и сядет в самолет со своим преподавателем истории? Голова гудела.

– Вдоль воды идет тропинка, – продолжал ее возлюбленный. – Мы можем пойти по ней. Или же, – предложил он, приобняв ее за талию, – поплыть.

Взявшись за руки, они встали на краю красной скалы и могли бы оставить обувь под магнолией, но на этот раз не собирались возвращаться. Люс сомневалась, что ей будет так уж приятно нырять в холодное озеро в джинсах и майке, но рядом улыбался Дэниел, а потому все, что она делала, казалось единственно возможным и необходимым.

Они подняли руки над головой, и он сосчитал до трех. Их ноги одновременно оторвались от земли, тела выгнулись в воздухе в точности одним и тем же движением, однако, вместо того, чтобы помчаться вниз, как подсознательно ожидала Люс, Дэниел потянул ее выше, одними лишь кончиками пальцев.

Они летели. Она держал за руки ангела. Верхушки деревьев, казалось, склонялись перед ними. Тело, по ощущениям, казалось легче воздуха. В свете раннего утра над самым лесом еще виднелся тоненький серпик месяца. Он притягивал их, будто Дэниел и Люс были приливом. Вода внизу плескала о берег, серебристая и манящая.

– Ты готова? – спросил он.

– Готова.

Они скользнули вниз, к глубокому прохладному озеру и пальцами пронзили его поверхность в самом долгом прыжке ласточкой, какой только случался на свете. Когда они вынырнули, у Люс перехватило дух от холода, но потом она рассмеялась.

Дэниел снова поймал ее ладонь и жестом предложил девушке вместе с ним выбраться на скалу. Сначала он вылез сам, потом поднял ее. Мох перед ними расстился мягким, нежным ковром, на котором так приятно раскинуться. Черная футболка Дэниела облепила ему грудь. Они легли на бок, лицами друг к другу, опираясь на локти.

Он накрыл ладонью ее бедро.

– Когда мы доберемся до самолета, мистер Коул уже будет ждать. Это последняя возможность для нас побыть наедине. Я думаю, здесь мы могли бы понастоящему попрощаться. Я хочу тебе кое-что дать, – он запустил руку под футболку и достал серебряный медальон, который она уже замечала на нем в школе.

Дэниел вложил цепочку в подставленную ладонь Люс, и она увидела выгравированную на крышке розу.

– Некогда он принадлежал тебе, – пояснил он. – Давным-давно.

Люс отщелкнула замочек и обнаружила внутри крохотную фотографию под стеклянной пластинкой, на которой были запечатлены они оба, глядящие не в камеру, а друг другу в глаза, и смеющиеся. У Люс были короткие волосы, совсем как сейчас, а на Дэниеле красовался галстук-бабочка.

– Когда это снято? – спросила она, закрывая медальон. – Где мы?

– Расскажу в следующий раз, когда тебя увижу, – пообещал Дэниел.

Он взял цепочку и надел ей на шею. Когда медальон коснулся ключиц, Люс ощутила пульсирующий в нем глубинный жар, согревший ее замерзшую влажную кожу.

– Мне очень нравится, – прошептала она, потрогав цепочку.

– Я знаю, Кэм тоже подарил тебе золотую подвеску, – заметил Дэниел.

Люс не вспоминала об этом с тех пор, как тот силой надел на нее кулон в баре, не могла поверить, что это произошло только вчера. Мutilo от одной только мысли о том, что она носила его подарок. Люс даже не знала, куда исчезла подвеска. Да и не хотела знать.

– Он надел ее на меня, – призналась она, чувствуя себя виноватой. – Я не...

– Я знаю. Что бы ни произошло между тобой и Кэмом, в этом нет твоей вины. Каким-то образом ему удалось сохранить немалую долю своего ангельского очарования, когда он пал. Это весьма обманчиво.

– Надеюсь, я никогда больше его не увижу. Девушка содрогнулась.

– Боюсь, это вполне возможно. И там, снаружи, есть еще люди, подобные Кэму. Тебе просто придется довериться собственной интуиции. Не знаю, как много времени уйдет на то, чтобы ты вспомнила все,

произошедшее с нами в прошлом. Но пока, если у тебя появится предчувствие, пусть даже о том, что, как ты полагаешь, тебе неизвестно, этому следует доверять. Вероятно, ты окажешься права.

– Значит, доверять себе, даже когда не могу довериться тем, кто меня окружает? – переспросила Люс, полагая, что Дэниел отчасти имел в виду именно это.

– Я попытаюсь быть рядом, чтобы помочь тебе, и буду посылать столько весточек, сколько смогу, когда меня не будет поблизости, – пообещал он. – Люс, ты обладаешь памятью о своих прошлых жизнях, несмотря на то, что пока что не можешь до нее дотянуться. Если что-то покажется тебе неправильным, держись от него подальше.

– А куда направишься ты? Он поднял взгляд к небу.

– Искать Кэма. Еще осталось кое-что, о чем нам стоило бы позаботиться.

Мрачность в его голосе встревожила Люс. Ей вспомнился густой слой пыли, оставленный Кэмом на кладбище.

– Но ты едь вернешься ко мне после этого? Обещаешь?

– Я не могу жить без тебя, Люс. Я люблю тебя. И это важно не только для меня, но... – он замешкался, покачав головой. – Словом, не тревожься ни о чем сейчас. Только знай, что я приду за тобой.

Медленно, неохотно, они встали. Солнце только что выглянуло из-за деревьев и теперь мерцало крохотными звездочками на покрытой зыбью воде. Им осталось лишь немного проплыть отсюда до слякотного берега, который ведет к самолету. Люс хотелось, чтобы озеро протянулось на долгие мили. Она могла бы плыть с Дэниелом до наступления ночи. И до любого восхода и заката после него.

Они прыгнули в воду и поплыли. Люс убедилась, что спрятала медальон под футболку. Поскольку ей так важно доверять собственным ощущениям, они подсказали, что ей ни под каким предлогом не следует расставаться с этим украшением.

Она вновь в благоговении наблюдала, как Дэниел поплыл, неторопливо и изящно, и на этот раз знала, что полупрозрачные крылья, обрисованные брызгами воды в лунном свете, не просто плод воображения. Они настоящие.

Девушка последовала за ним, гребок за гребком, рассекая воду, и вскоре, даже, пожалуй, слишком быстро коснулась пальцами берега. Огорчало то, что дальше на поляне уже слышался гул двигателя самолета. Они с Дэниелом добрались до места, где им предстоит разделиться. Ему пришлось едва ли не вытаскивать ее из воды. Мокрая и счастливая, Люс

промерзла насквозь. Дэниель положил руку ей на плечо, и они направились к самолету.

К удивлению Люс, мистер Коул, спрыгнувший из кабины, держал в руках большое белое полотенце.

– Маленький ангелочек нашептал мне, что тебе это может пригодиться, – пояснил учитель, разворачивая полотенце для нее, с благодарностью принявшей заботу.

– Кого это вы назвали маленьким?

Из-за дерева выскочила Арриана, за которой последовала Габби, сжимающая в руках книгу про Хранителей.

– Мы пришли пожелать тебе доброго пути, – сообщила та, протягивая Люс пухлый том. – Возьми это, – небрежно добавила она, а ее улыбка превратилась в хмурую гримасу.

– Отдай ей и питье, – потребовала Арриана, подталкивая Габби локтем.

Та достала из рюкзака термос и передала Люс. Внутри обнаружился горячий шоколад, источавший просто невероятный аромат.

Люс как-то уместила книгу и термос в руках, внезапно ощутив себя весьма состоятельной особой, хотя и знала, что, едва поднявшись в этот самолет, сразу окажется несчастной и одинокой. Напоследок, пока еще могла, она прижалась к плечу Дэниела, пользуясь преимуществом его близости.

Глаза Габби казались ясными и сильными.

– До скорой встречи, ладно?

Арриана отводила взгляд, будто не хотела смотреть на подругу.

– Только не делай никаких глупостей, вроде превращения в кучку пепла. Ты нам нужна.

Она пошаркала ногой.

– Я вам нужна? – переспросила Люс.

Ей нужна была Арриана, чтобы помочь обвыкнуться в Мече и Кресте. Ей нужна была Габби в тот день в больнице. Но зачем им могла понадобиться она сама?

Обе девушки, прежде чем скрыться в лесу, лишь печально улыбнулись напоследок. Люс повернулась к Дэниелу, попытавшись забыть о том, что мистер Коул по-прежнему находится в нескольких футах от них.

– Я ненадолго оставлю вас двоих наедине, – сообщил учитель, уловив намек. – Люс, после того, как я запущу мотор, у нас останется три минуты до взлета. Встретимся в кабине.

Дэниел подхватил ее на руки и прижался лбом к ее лбу. Когда их губы

встретились, Люс постаралась впитать каждую деталь этого мгновения. Ей понадобится это воспоминание так же, как нужен воздух.

Поскольку вдруг вся эта история, когда они расстанутся с Дэниелом, покажется ей лишь очередным сном? Отчасти кошмарным, но, тем не менее, сном. Каким образом она вообще чувствует то, что чувствует по отношению к кому-то, даже не являющемуся человеком?

– Вот и все, – заключил Дэниел. – Будь осторожна. И позволь мистеру Коулу позаботиться о тебе, пока не приду я.

Со стороны самолета раздался пронзительный свист. Это мистер Коул напоминал, что им пора закругляться.

– Постарайся запомнить, что я тебе сказал.

– Что именно?

– Столько, сколько получится, но главное – я люблю тебя.

Девушка шмыгнула носом. Ее голос сорвался бы непременно, если бы она попыталась что-то сказать. Пришла пора отправляться в путь.

Она подбежала к открытой дверце кабины. Горячие порывы ветра от винтов едва не сбивали ее с ног. Дальше нужно было взобраться по трем ступенькам. Мистер Коул подал ей руку, помогая подняться на борт. Он нажал кнопку, и лесенка-трап втянулась в самолет. Дверь закрылась.

Люс посмотрела на совершенно непонятную ей приборную панель. Она никогда не бывала в таких маленьких самолетах. Ни разу не заглядывала в кабину. Повсюду мигали лампочки, поблескивали кнопки. Она перевела взгляд на мистера Коула.

– Вы умеете управлять этой штукой? – Люс утирала слезы краешком полотенца.

– Военно-воздушные силы Соединенных Штатов, пятьдесят девятая дивизия, к вашим услугам, мисс, – отрапортовал историк, отдавая ей честь.

Люс неловко отсалютовала в ответ.

– Моя жена всегда предупреждает людей, чтобы те не позволяли мне распространяться о том, как я летал во Вьетнаме, – заметил он, сдвинув широкий серебристый рычаг.

Самолет задрожал и покатился по взлетной полосе.

– Нам предстоит долгий полет, и, к счастью, мне достался очень внимательный слушатель.

– Вы имеете в виду, слушатель поневоле, – не удержалась Люс.

Мистер Коул подтолкнул ее локтем в бок.

– Неплохо сказано. Да, шучу я, шучу, – пояснил он, расхохотавшись. – Я бы ни за что не стал подвергать тебя такому испытанию.

То, как он, засмеявшись, обернулся к ней, напомнило Люс отцовскую

манеру, когда они вместе смотрели забавные фильмы, и ей сделалось немного легче.

Колеса вертелись уже очень быстро, и взлетной полосы оставалось совсем немного. Скоро им предстоит подняться в воздух. В противном случае, они загремят прямо в озеро.

– Кстати, знаю, о чем ты думаешь, – крикнул историк, перекрывая рев двигателя. – Не волнуйся, я постоянно этим занимаюсь!

Как раз перед тем, как внизу закончился грязный берег, он с силой дернул за рычаг между ними. Нос самолета запрокинулся к небу. На миг горизонт пропал из виду, и желудок Люс мотнуло куда-то вместе с ним, однако вскоре самолет выровнялся, и перед ними открылся вид на верхушки деревьев и чистое, еще звездное небо. Внизу мерцало озеро. С каждой секундой оно все больше отдалялось. Они взлетели, направляясь к западу. Самолет описал петлю, и вскоре в окне со стороны Люс показался лес, через который недавно пролетали они с Дэниелом. Она вглядывалась туда, прижимаясь лицом к стеклу, высматривая его, и, прежде, чем самолет снова выровнялся, ей померещилась небольшая лиловая вспышка. Она стиснула висящий на шее медальон и поднесла его к губам.

Теперь под ними проплывал школьный двор и примыкающее к нему кладбище. Место, где вскоре будет похоронена Пенн. Чем выше они поднимались, тем большая часть школы открывалась взору Люс, школы, где, наконец, раскрылась, пусть и несколько иначе, чем представлялось, ее величайшая тайна.

– Да уж, они действительно сурово обошлись с этим местом, – заметил мистер Коул, покачив головой.

Люс понятия не имела, как много ему известно о ночных событиях. Он казался таким обыкновенным, относился ко всему этому крайне спокойно.

– Куда мы летим?

– На маленький островок у побережья, – историк показывал вдаль в сторону моря, где горизонт еще терялся во мраке. – Это не слишком далеко.

– Мистер Коул, вы встречались с моими родителями?

– Очаровательные люди.

– Смогу ли я, словом, мне бы хотелось с ними поговорить.

– Разумеется. Мы что-нибудь придумаем.

– Они ни за что не смогут поверить во все это.

– А ты можешь? – спросил он, лукаво улыбнувшись, когда самолет взмыл выше.

В этом-то и суть. Она должна верить во все это. От первого мрачного явления теней до мига, когда их с Дэниелом губы встретились, до Пенн,

лежащей замертво на алтаре придела. Всего этого не могло не произойти в реальности.

Как иначе ей удастся продержаться до тех пор, пока она вновь не увидится с Дэниелом? Люс сжала медальон на шее, хранящий память о целой жизни. Дэниел напомнил о том, что память со временем ей откроется.

Люс не знала, что обнаружит там, как, впрочем, не ведала и того, куда везет ее мистер Коул. Но утром в приделе, стоя рядом с Аррианой, Габби и Дэниелом, она ощутила себя частью чего-то. Не потерянной, испуганной и покорной, а будто значимой не только для Дэниела, но и для всех них.

Она глянула в ветровое стекло. По идее, они уже должны были миновать солончаки, и дорогу, по которой ее везли в тот ужасный бар на встречу с Кэмом, и длинную ленту песчаного пляжа, где она впервые поцеловала Дэниела. Теперь они летели над открытым морем, к своей цели, скрывавшейся где-то там, впереди.

Никто не явился немедленно, чтобы сообщить, что по-прежнему остаются битвы, в которых ей придется сражаться, однако Люс ощущала в себе это знание, ведь они находятся в самом начале чего-то долгого, важного и трудного.

Вместе.

И неважно, будут ли битвы ужасными, искупительными или теми и другими, Люс больше не хотелось быть пешкой. Странное, неведомое доселе, чувство медленно разливалось по ее телу, пропитанное всеми ее прошлыми жизнями, любовью, которую она питала к Дэниелу, и которая прежде угасала столько раз.

От этого чувства захотелось встать рядом с ним и сражаться. Сражаться за то, чтобы оставаться в живых достаточно долго и прожить с ним рядом целую жизнь. Сражаться за единственное, что казалось стоящим, благим, возвышенным, могущественным. Словом, чтобы ради этого рисковать всем.

Ради любви.

Эпилог. Два великих светила

Всю ночь он следил за ее беспокойным сном на узкой брезентовой раскладушке. Единственный армейский зеленый фонарь, висящий на одной из низких потолочных балок бревенчатой хижины, озарял ее фигуру. Мягкое сияние высвечивало ее блестящие черные волосы, разметавшиеся по подушке, и щеки, гладкие и розовые после умывания.

Всякий раз, когда морские волны с ревом накатывали на заброшенный пляж, она переворачивалась на другой бок. Ее футболка настолько плотно обтягивала тело, что, когда тонкое одеяло сбилась, он сумел различить крохотную ямочку на ее нежном левом плече. А прежде он столько раз целовал ее.

Она, то вздыхала во сне, то дышала ровно, то стонала откуда-то из глубин сновидения. Но от удовольствия или от боли, он не мог сказать. Дважды она позвала его по имени.

Дэниелу хотелось спуститься к ней. Оставить насест на запорошенных песком старых ящиках из-под боеприпасов, однако она не может знать, что он здесь, да и вообще где-то поблизости. И что уготовили следующие несколько дней.

Позади, в окне с двойным переплетом, покрытом налетом соли, он краем глаза уловил мелькнувшую тень. Потом услышал легчайшее постукивание в стекло. С усилием оторвав взгляд от нее, Дэниел передвинулся к окну и отпер задвижку. Поток дождевой воды хлынул наружу, вновь объединившись с морем. Черное облако скрыло луну, и на лицо гостя не упало ни единого лучика света.

– Я могу войти? Кэм опоздал.

Хотя тот вполне был способен просто появиться из пустоты рядом с Дэниелом, тем не менее, шире открыл створку окна, позволяя ему протиснуться внутрь. В эти дни требовалась не меньшая формальность. Для обоих было важно ясно продемонстрировать то, что Дэниел именно пригласил Кэма войти.

Лицо Кэма по-прежнему скрывалось в тени, но не было заметно, что он преодолел под дождем несколько тысяч миль. Темные волосы и кожа оставались сухими, золотые крылья, теперь небольшие и плотные, – были единственной светящейся частью. Будто их выковали из чистейшего червонного золота. Хотя он аккуратно сложил их за спиной, когда присел рядом с Дэниелом на растрескавшийся деревянный ящик, их будто

потянуло к переливчато-серебряным крыльям второго ангела. Таков естественный порядок вещей, необъяснимое доверие. Дэниел не мог отодвинуться ни на дюйм, не отказавшись от возможности беспрепятственно смотреть на Люс.

– Она так прекрасна, когда спит, – тихонько заметил Кэм.

– И поэтому ты хотел, чтобы она уснула навеки?

– Я? Да никогда. И я бы убил Софию за ее попытку, но не позволил ей свободно сбежать, как поступил ты.

Кэм подался вперед, поставив локти на ограждение чердака. Внизу Люс натянула повыше одеяло.

– Я просто хотел ее. Сам знаешь, почему.

– Тогда мне очень жаль, поскольку в финале тебя ждет разочарование.

Кэм встретился взглядом с Дэниелом и потер подбородок, еле слышно и горько рассмеявшись.

– О, Дэниел, твоя недалёковидность меня поражает. Ты еще не заполучил ее.

Он окинул Люс еще одним долгим взглядом.

– Она сама может так считать. Но мы-то оба знаем, насколько мало она смыслит.

Крылья Дэниела плотно прижимались к лопаткам, кончики все равно топорщились. В сторону крыльев Кэма. Он не мог этому воспрепятствовать.

– Перемирие длится восемнадцать дней, – напомнил Кэм. – Хотя у меня такое чувство, что мы можем понадобится друг другу гораздо раньше.

Он встал, оттолкнув ногой ящик. От скребущего звука, донесшегося с потолка, глаза Люс распахнулись, но оба ангела успели нырнуть в тень прежде, чем ее взгляд успел за что-либо зацепиться.

Они застыли лицом к лицу, по-прежнему измотанные битвой, но знающие, что это всего лишь предвестие грядущего.

Кэм медленно вытянул вперед бледную правую руку.

Дэниел вытянул свою.

И пока внизу Люс снилось, как разворачиваются самые великолепные на свете крылья, подобных которым она никогда прежде не видела, два ангела на стропилах пожали друг другу руки.

Благодарности

Огромное спасибо всем сотрудникам издательств «Рэндом Хаус» и «Делакорт Пресс». Они проделали большую работу хорошо и быстро!

Спасибо Венди Лоджиа. Его самоотверженное великодушие и воодушевление подстегивали меня с самого начала.

Кристе Витоле – за невероятно полезную закулисную работу.

Бренде Шильдген из Калифорнийского университета в Дэвисе – за информацию и вдохновение.

Наде Корнье – за помощь в том, чтобы вся эта затея сдвинулась с места.

Теду Малаверу – за резкое, любезное и забавное редакторское руководство.

Майклу Стернсу, бывшему шефу, а теперь надежному коллеге и другу. Ты просто гений!

Моим родителям; дедушкам и бабушкам, Робби, Ким и Джордану. Моей новой семье в Арканзасе.

И Джейсону, который разговаривает со мной о персонажах так, будто они реальные люди, и до тех пор, пока мне не удастся понять их характер до конца. Ты вдохновляешь меня и каждый день смешишь, бросаешь мне вызов. Тебе принадлежит мое сердце.

Мне не хватает слов, когда я думаю о вашей постоянной поддержке.

Я люблю вас всех.

---

notes

Примечания

Объединение восьми старейших привилегированных учебных заведений на северо-востоке США, включающее Гарвард и Йель. *Здесь и далее прим. переводчика.*

Лианообразное растение семейства бобовых; на юге США использовалось для предотвращения эрозии почв; в настоящее время – широко распространенный сорняк.

Разговорное название, общее для симплокарпуса вонючего и лизихитона американского; оба – растения семейства ароидных, обладающие сильным неприятным запахом.

Стипендия фонда Гуггенхайма, цель которого – служить развитию и распространению знания, пониманию окружающего мира и красоты; присуждается профессионалам в различных областях науки и искусства.

Вероятно, имеется в виду песня Cemetery Gates («Во– рота кладбища») британской рок-группы The Smiths.

Аллюзия на Злую ведьму с Запада – злую и уродливую колдунью из сказки Ф. Баума «Волшебник страны Оз».

Эпическая поэма Джона Мильтона, основанная на библейских сюжетах.

Небольшая американская курьерская компания XIX века, поддерживавшая конную почту в Северной Америке. Стала нарицательной из-за девиза «Почта должна быть доставлена любой ценой».

Уильям Франклин Грэхэм, американский религиозный и общественный деятель, служитель баптистской церкви.

Библия, Бытие, глава 3, стих 19.

Она же окра или гомбо. Травянистое растение, стручки которого используют как гарнир к мясу или заправку для супа, маринуют, замораживают и сушат, а зрелые семена даже используют в качестве заменителя кофе.

Боевые искусства, в разговорной речи и шоу-бизнесе именуемые боями без правил; представляют собой сочетание множества техник, школ и направлений. Часто называются английским акронимом ММА – Mixed Martial Arts.

Вымышленный персонаж, созданный Дэвидом Боуи и являющийся центральной фигурой его концептуального глэм-рок-альбома.

Марка кавы – игристого вина, производимого в Испании.